

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ERASMUS+ PROGRAMME

JEAN MONNET ACTIVITIES

Галушко Дмитрий Вячеславович

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ
ЧЛЕНСТВА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ**

Монография

**CONTEMPORARY PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL
PERSONALITY OF STATES IN THE CONDITIONS OF
MEMBERSHIP IN THE EUROPEAN UNION**

Monograph

Воронеж
Издательство ООО «Элист»
2022

УДК 341
ББК 67.91
Г16

Рецензенты:

А. Кажоровска-Айрленд — профессор международного права и права Европейского Союза юридического факультета Университета Западных Индий;
Х. Хорак — профессор Загребского Университета

Галушко Д.В. Современные проблемы международной правосубъектности государств в условиях членства в Европейском союзе = Contemporary problems of International legal personality of states in the conditions of membership in the European Union : Монография / Д. В. Галушко ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2022. – 220 с.
ISBN 978-5-87172-118-6

В монографии исследованы основные вопросы международно-правового института правосубъектности государств в контексте членства в Европейском союзе. Большое внимание в монографии уделено исследованию основных этапов становления международной правосубъектности Ирландии, её атрибутов, вопросов реализации и современных проблем, связанных с членством в ЕС. Автор подверг анализу большой исторический материал, доктринальные источники, тексты договоров и иных международно-правовых и национальных актов и документов, которые свидетельствуют о непрерывности и последовательности европеизации государств-членов ЕС как субъектов международного права.

Монография подготовлена на основании исследования, проведенного в ходе реализации научно-исследовательского проекта ВГУ «Понимание международного и национального права: на пути к более глубокой европеизации?» (“Understanding International and national law: towards deeper Europeanisation?” — EUSCORE 621062-EPP-1-2020-1-RU-EPPJMO-PROJECT). Данный проект получил финансовую поддержку в рамках “Акций Жана Монне” программы ЕС в области образования ERASMUS+.

УДК 341 ББК 67.91

Проект реализуется при финансовой поддержке Европейской Комиссии. Данная публикация отражает точку зрения авторов, Европейская Комиссия не несет ответственности за содержание данной публикации и его дальнейшее использование.

This project has been funded with support from the European Commission. This publication reflects the views only of the authors, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

ISBN 978-5-87172-118-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография подготовлена на основании исследований, проведенных в ходе реализации научно-исследовательского проекта «Понимание международного и национального права: на пути к более глубокой европеизации?» (“Understanding International and national law: towards deeper Europeanisation?” – EUSCORE 621062-EPP-1-2020-1-RU-EPPJMO-PROJECT). Данный проект получил финансовую поддержку в рамках “Акций Жана Монне” программы ЕС в области образования ERASMUS+.

Стратегическими целями проекта являются стимулирование академических дискуссий по вопросам развития европеизации, а также содействие сотрудничеству между представителями академических кругов и различных юридических школ Европейского союза и Российской Федерации, поиску оптимальных путей развития европейского правового пространства.

Актуальность темы настоящей монографии обусловлена эволюцией международных отношений и их правовой составляющей, которая в категориальной интерпретации выступает как многомерное и многофакторное историческое и социально-политическое явление, отражающее феномен глобализации, формирующей мировой порядок XXI века. В условиях глобализации всех сфер жизнедеятельности общества начали интенсивно развиваться интеграционные процессы, результатом которых стало возникновение интеграционных объединений государств, формирующих единое правовое и экономическое пространство.

Интеграционными процессами в настоящее время охвачены практически все регионы Земного шара, при этом современная Европа является наиболее ярким примером всепроникновения интеграционных процессов, поскольку именно на европейском континенте сформировалось уникальное международное интеграционное объединение — Европейский Союз (ЕС). Особый интерес взаимодействие международных интеграционных объединений со своими государствами-членами приобретает в связи с процессом прекращения членства Великобритании в Европейском союзе, которая вступила в Европейские сообщества вместе с Ирландией в 1973 г. Пример ирландского членства в ЕС является чрезвычайно показательным для исследования и характеристики процесса взаимодействия ЕС с государствами-членами на всех стадиях данного процесса.

Ирландия представляет собой богатый пример для исследования: Ирландия унаследовала общее право от своего британского имперского прошлого; её движение в направлении полного суверенитета через статус доминиона к независимости было заимствовано другими отделившимися британскими колониями, в частности, Индией; Ирландия имеет письменную конституцию, основанную на принципе народного суверенитета, но с парламентской формой правления и судебной системой, которая может контролировать действия как исполнительной, так и законодательной ветвей власти на предмет их соответствия конституции, которая, в свою очередь, может быть изменена исключительно после всенародного референдума; Ирландия поддерживает (во многом нивелированное) стремление к нейтралитету.

Тем самым, государства, международная правосубъектность которых носит бесспорный характер, и которые исторически выступают в качестве основных акторов на международной арене, сегодня взаимодействуют не только друг с другом, но и со всё возрастающим количеством международных институциональных структур, в том числе, с международными объединениями интеграционного типа. В частности, в рамках Европейского Союза продолжаются дискуссии о том, насколько членство в Европейском Союзе, в том числе, в связи с углублением федерализации Союза, согласуется с государственностью.

При том, что именно межгосударственные интеграционные объединения функционируют на международной арене как институциональные субъекты государствоподобной и наднациональной природы, постепенно становятся существенным фактором региональной и субрегиональной стабильности, безопасности и развития, а процессы межгосударственной интеграции становятся объектом правового регулирования как на международном, наднациональном, так и национальном уровнях.

При указанных обстоятельствах исследование всего комплекса проблем взаимодействия международных интеграционных организаций и государств-членов имеет особую актуальность, целесообразность и своевременность, способствуя решению целого ряда концептуальных проблем международного и европейского права.

Глава I. Ирландия как субъект международного права.

§ 1. Теоретические аспекты международной правосубъектности государств.

Проблемы международной правосубъектности всегда занимали и будут занимать ведущее место в науке международного права. И это вполне естественно, поскольку международное право регулирует отношения между субъектами международного права, круг которых, будучи связан с важнейшими политическими явлениями международной жизни различных эпох, не оставался неизменным¹.

Институт международной правосубъектности является одним из центральных и основополагающих институтов в системе современного международного права². Как указывает Р. Портман, государства исторически, с позиции теории и практики международного права, относятся к категории общепризнанных субъектов международного права³.

Особенности международного права, как особой системы права, определяют специфику норм института международной правосубъектности, а, следовательно, и качественные характеристики субъектов международного права⁴, в том числе и государств. Необходимо заметить, что содержание термина «международная правосубъектность» в нормах международного права не раскрывается⁵.

В частности, А. Кассезе подчеркивает, что не существует международных актов, которые бы закрепляли подробные правила; однако, об этом можно заключить исходя из массы обычных норм, предоставляющих основные права и обязанности государствам. Указанные правила предполагают некоторые общие характеристики образования, которым они адресованы⁶.

Как указывают зарубежные авторы, в любой правовой системе некоторые субъекты (будь то отдельные лица или коллективные образования) будут

¹ Фельдман Д.И., Курдюков Г.И. Основные тенденции развития международной правосубъектности. Казань: Издательство Казанского университета, 1974. С. 4.

² Boas G. Public International Law: Contemporary Principles and Perspectives. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2012. P. 155-156.

³ Portmann R. Legal Personality in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 1.

⁴ Бирюков П.Н. Международное право: учебник / П.Н. Бирюков. М.: Юристъ, 2013. С. 97.

⁵ Carty A. Philosophy of International Law. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. P. 82.

⁶ Cassese A. International Law. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 47.

рассматриваться как обладающие правами и обязанностями, осуществляемыми в соответствии с законом¹. То или иное лицо совершает определённые действия, потому что закон признает их «субъектами права», обладающими способностью иметь и осуществлять определенные права, а также выполняя конкретные обязанности. Какие именно права будет иметь лицо, при каких обстоятельствах ему будет разрешено их реализовывать, зависит от объема и характера нормативных предписаний. Однако, это и есть функция права, чтобы распределить такие права и обязанности в отношении таких лиц².

М. Шоу в этой связи подчеркивает: правосубъектность имеет решающее значение. Право определяет объем и характер правосубъектности. Правосубъектность предполагает рассмотрение определенных концепций в рамках закона, таких как статус, компетенция, а также характер и объём конкретных прав и обязанностей. Статус конкретного лица вполне может быть решающим фактором для определения его прав и обязанностей, в то время, как компетенция связывает воедино статус лица с определенными правами и обязанностями. Соответствующая правовая система определяет правосубъектность, её характер и сущность. Это особенно верно в международном праве³.

Как подчеркивал И. И. Лукашук, именно нормы, на которых основывается этот институт, и закрепленные в них юридические возможности указывают на субъектов международного права, их права и обязанности. Международная правосубъектность представляет собой юридическое выражение членства в международном сообществе⁴.

Объективное отсутствие четких и устоявшихся правовых критериев, соответствие которым квалифицирует социальное образование субъектом международного права, указывает на основную уязвимость и преимущество

¹ См.: Brownlie I. Principles of Public International Law. Oxford, 2003; Crawford J. The Creation of States in International Law. Oxford, 2006; O'Connell D.P. International Law. London, 1970; Verzijl J.W. International Law in Historical Perspective. Leiden, 1969; Lauterpacht H. International Law: Collected Papers. Cambridge, 1975. P. 487; Rousseau C. Droit International Public. Paris, 1974; Mugerwa N. Subjects of International Law // Manual of Public International Law (ed. M. Sørensen). London, 1968. P. 247.

² См.: Schwarzenberger G. International Law. London, 1957; Cassese A. International Law in a Divided World. Oxford, 1986; Cassese A. International Law. Oxford, 2005; International Law: Achievements and Prospects // Ed. M. Bedjaoui. Paris, 1991; Oppenheim's International Law // Eds. R. Y. Jennings and A. D. Watts. London, 1992; Higgins R. Problems and Process. Oxford, 1994; Henkin L., Pugh R., Schachter O., Smit H. International Law: Cases and Materials. St Paul, 1993.

³ Shaw M. N. International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 196.

⁴ См.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 44.

института правосубъектности — зависимость от времени. Правосубъектность в международном праве представляет собой особое явление, относительное в различных обстоятельствах и временных эпохах. Но только не по отношению к государствам.

Учение о международной правосубъектности зародилось еще в Древнем мире, хотя ни в науке, ни в законодательных актах термины «международное право» и «международная правосубъектность» еще не употреблялись. Одним из первых на вопрос о международной правосубъектности обратил внимание Цицерон. Основными субъектами права народов (*jus gentium*), которое в доктрине считается предшественником международного права, Цицерон называл народы и их правителей. Как считает В.И. Маргиев, такой подход к проблеме соответствовал духу времени и сущности нового правового феномена — права народов, под которым тогда понималась область права, касающаяся союзов, договоров, соглашений народов и государей. Древние мыслители только затронули вопрос о международной правосубъектности, но они не смогли создать стройную систему научных взглядов, ибо как наука международного права (права народов), так и само международное право, как новая область права, находились на стадии становления¹.

Средневековая схоластическая мысль в отношении субъектного состава международного права была существенно более всеохватывающей. Как напоминание о римском *jus gentium* — праве, которое применялось между всеми людьми, в отличие от *jus civile*, которое действовало только между гражданами Рима — средневековое международное право применялось как в отношениях между правителями, так и между частными лицами. Эта всеобъемлющая европейская правовая система была тесно связана с идеями религиозной, политической и культурной общности в средневековой христианской Европе под руководством Папы Римского и императора Священной Римской Империи².

По мнению Р. Лессафера, международное право в этом смысле выступало в качестве общеевропейского супранационального права, регулирующего отношения между частными лицами, а также между правителями на основе комплексного слияния римского, канонического и феодального права. Договоры между князьями и договоры между частными лицами, таким образом, регулировались одними и теми

¹ См.: Маргиев В.И. Эволюции теории и практики международной правосубъектности // Вестник Адыгейского государственного университета, 2005. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsii-teorii-i-praktiki-mezhdunarodnoy-pravosubektности> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² См.: Lesaffer R. The Grotian Tradition Revisited: Change and Continuity in the History of International Law // British Yearbook of International Law. 2002. № 73. P. 112.

же уже существующими юридическими правилами христианской Европы¹. Соответственно, соглашения между князьями-правителями, в первую очередь, не являлись автономными источниками международного права в наднациональном европейском правовом порядке, так как в них присутствовали только некоторые элементы правотворчества².

Данная система начала рушиться в начале шестнадцатого века с потерей верховенства власти Папы Римского и императора Священной Римской Империи и с соответствующим усилением суверенитета европейских князей.

Одним из первых, кто описал международное право как «право между народами» был Гуго Гроций в своей работе *De Jure Bellis ac Pacis* 1625 года³. Однако, с помощью термина «право наций», Гроций не описывал право между государствами. Он рассматривал государство как «объединение свободных людей», находящихся под личным руководством правителя без какой-либо отдельной идентичности. «Право наций» Гроция было, по сути, правом, в первую очередь, между правителями народов и, в некоторой степени, между народами или между частными лицами. Оно не было межгосударственным правом. В связи с этим, Гроций следовал средневековой и схоластической точке зрения, подчеркивая роль правителя, и в некоторых случаях, роль коллективных образований граждан и частных лиц в «международном праве»⁴.

В последующем, понятие международной правосубъектности сформулировал немецкий ученый Готфрид Вильгельм фон Лейбниц. «Тот является лицом в международном праве, кто представляет публичную свободу так, что он не является субъектом опеки или власти другого, но сам по себе власть войны и союзов ... Если тогда его власть является достаточно всеобъемлющей, и договорились называть его властелином, и его будут называть сувереном или суверенной властью ... Тех относят к суверенным властям ... кто может рассчитывать на достаточную свободу и власть осуществлять определенное влияние в международных делах через армии или договоры»⁵.

При анализе утверждения Лейбница, необходимо отметить, что, во-первых,

¹ Ibid. P. 113.

² См.: Lesaffer R. The Medieval Canon Law of Contract and Early Modern Treaty Law // *Journal of the History of International Law*. 2 (2000). P. 180, 195.

³ URL: <http://www.lonang.com/library/reference/grotius-law-war-and-peace/> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁴ Portmann R. *Legal personality in international law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 32.

⁵ Leibniz: *Political Writings* // Trans. and Ed. P. Riley. Cambridge, Cambridge University Press, 1988. P. 175.

используемое словосочетание «лицо в международном праве» является переводом используемых в оригинале Лейбницом латинских *persona jure gentium* — дословно «лицо в праве народов». Лейбниц не использовал словосочетание *persona juris inter gentes* (лицо в праве между народами — международном праве) для обозначения международного права.

Во-первых, это определение международной правосубъектности сразу же выявляет современное напряженное отношение к понятию суверенитета. Международная правосубъектность зависит от суверенитета, но, по мнению Лейбница, суверенитет — это понятие относительное. С одной стороны, для того, чтобы обладать международной правосубъектностью, кто-то должен был «представлять общественную свободу» и иметь верховную общественную власть, которая бы включала «власть осуществлять какое-то влияние на международные дела». С другой стороны, это лицо может быть подвергнуто даже более высокой власти и иметь обязательства по отношению к этой власти. Лейбниц поставил понятие международной правосубъектности в прямую зависимость от концепции относительного суверенитета¹. В основе теории Лейбница лежала его система монад, в соответствии с которой, человек является высшей формой рациональной субстанции, чье место друг с другом в рациональной вселенной обеспечивается за счет высшего провиденциального существа, основной Монады, чью природу люди отражают, и по отношению к которой они стремятся к совершенству².

Во-вторых, в утверждениях Лейбница был отражен политический реализм того времени. Они были сделаны в эпоху выхода на международную арену многочисленных немецких князей, которые стремились к своей независимости от императора Священной Римской Империи и Папы Римского и признанию их частью европейского политического порядка на самом высоком уровне.

Необходимо отметить, что Лейбниц давал определение суверена не как государства, а как лица, абстрактного субъекта, наделенного определенными способностями (международной правосубъектностью). Что, в общем, в некоторой степени, соответствовало концепции суверенитета Бодена, который отождествлял государство с физическим лицом — личностью правителя³. С другой стороны, это

¹ Nijman J. E. *Leibniz's Theory of Relative Sovereignty and International Legal Personality: Justice and Stability or the Last Great Defense of the Holy Roman Empire* // New York University Institute for International Law and Justice Working Paper. № 2004/2 . P. 34.

² Nijman J.E. *The Concept of International Legal Personality: An Inquiry into the History and Theory of International Law*. The Hague: TMC Asser Press, 2004. P. 60.

³ Об этом подробнее - в следующих разделах настоящей работы.

могло быть какое-либо иное лицо, образование, которое могло быть расценено как субъект международного права.

В-третьих, Лейбниц указывал на основные права лица как субъекта международного права — право на ведение войны и право заключать договоры.

В XIX веке французский учёный Эмер де Ваттель назвал международное право как право для отношений между странами¹. При этом термины «нация» и «государство» использовались Ваттелем взаимозаменяемо. В определении международной правосубъектности «суверенную личность» он сменил на «суверенное государство». И это был не правитель государства или его граждане, а само государство. Важно отметить, что Ваттель рассматривал государство в качестве отдельной организации со своей собственной волей, в отличие от индивидуальных волей её членов или её правителя².

Эти разработки способствовали серьёзным изменениям института правосубъектности в международном праве, предопределив тот факт, что государство стало единственным полноправным субъектом международного права со всеми вытекающими из этого последствиями на долгие годы.

В настоящее время термин «правосубъектность» является неотъемлемой частью научного аппарата теории международного права.

Правосубъектность — это международно-правовая категория, являющаяся качественной характеристикой субъекта международного права, рассматриваемая как совокупность нескольких элементов: правоспособности, дееспособности и деликтоспособности³.

Стоит отметить, что международная правосубъектность, в целом, может рассматриваться в двух аспектах: во-первых, как элемент системы международного права, а, во-вторых, как качественная характеристика субъекта международного права. Как элемент системы международного права правосубъектность является общесистемным институтом международного права. Как качественная характеристика субъекта международного права она выражается в способности быть субъектом международного права, носителем международных прав и обязанностей, участником международных правоотношений. Степень участия субъекта в международно-правовых отношениях определяется объёмом предоставленных ему

¹ Beaulac S. The Power of Language In the Making of International Law: the Word Sovereignty In Bodin and Vattel and the Myth of Westphalia. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2004. P. 135.

² Portmann R. Legal Personality in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 35-36.

³ Международное право: учебник / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. 3-е изд. М.: Норма, 2005. С. 51.

нормами международного права прав и обязанностей¹.

Некоторые ученые убеждены, что международная правосубъектность — это только юридическое свойство, которое предусматривает возможность субъекта иметь права и их реализовывать, а не сами права². При этом справедливо отмечают, что правосубъектность состоит в способности субъекта участвовать в правоотношениях, независимо от его реального участия в них³. П.Н. Бирюков рассматривает международную правосубъектность как юридическую способность лица быть субъектом международного права⁴. Справедливым представляется и позиция Л. Ануфриевой, которая отметила, что «способность иметь международно-правовые права и обязанности всегда отличается от реального, фактического владения ими на основании вступления в правоотношения»⁵.

Общеизвестно, что термин «субъект международного права» предполагает определенную внешнюю обособленность и автономность в международных отношениях, сочетаясь со способностью выступать от своего имени. Одновременно независимость или автономность того или иного образования в рамках международных отношений не является одинаковой для всех субъектов международного права.

Кроме того, для теории международного права характерно, что субъект международного права является носителем международных прав и обязанностей⁶, участником международных отношений⁷.

В отдельных случаях, исследователи предлагают более развернутое толкование категории «субъект международного права». Авторы обоснованно обращают внимание на то, что субъект является не только участником международных отношений, который обладает правами и обязанностями, но и на

¹ Мамедов У.Ю. оглы. Международная правосубъектность (Основные тенденции развития): автореф. дис. ... канд. юрид. наук (12.00.10). Казань, 2002. URL: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=116796> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Brownlie I., *Principles of Public International Law*. Oxford: Oxford University Press, 1966. P. 527.

³ Ушаков Н.А. Проблемы теории международного права. М.: Наука, 1988. С. 108.

⁴ Бирюков П.Н. Международное право: учебник. М.: Юрайт, 2011. С. 111.

⁵ Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М.: Спарк, 2002. С. 32.

⁶ Ушаков Н.А. Международное право. М.: Юристъ, 2005. С. 19.

⁷ Микульшин А.И. Международное право. М.: Международные отношения, 2005. С. 54.

то, что последние вытекают из международного правопорядка¹.

Справедливо рассматривать субъекта международного права как носителя международных прав и обязанностей. Речь идет о таких правах и обязанностях, правовая природа которых непосредственно связана с распространением на субъекта каких-либо норм международного права или индивидуальных предписаний, разрешений или запретов, предусмотренных международно-правовыми актами². Это также лицо, подчиняющееся прямому действию упомянутых норм, предписаний, дозволений и запретов, или, иными словами, лицо, поведение которого прямо регулируется международным правом. Соответственно, оно вступает или может вступать в международные правоотношения³.

При этом, суверенные права государств могут реально существовать только при условии уважения и признания аналогичных прав за другими государствами. Такие понятия, как суверенитет и правосубъектность государства, не означают абсолютной правоспособности (свободы) государств в международных действиях. В условиях взаимозависимости государств существование их неограниченной правоспособности невозможно. Правоспособность государств является относительной. Преследуя свои национальные интересы, государство обычно само заинтересовано в ограничении своих государственных прав для достижения многосторонних общих целей в рамках международного сообщества. Суверенитет одного государства всегда ограничен суверенитетом другого государства⁴.

Однако, субъекты международного права не только имеют права и несут обязанности, вытекающие из норм международного права, но и обладают двумя другими характеристиками, отличающих их от внутригосударственного права: ... являются коллективным образованием, а также обладают способностью участвовать в разработке и принятии международных норм⁵. Среди прочего, в науке международного права (И.И. Лукашук) способность принимать участие в создании и реализации норм международного права рассматривается как важнейшая

¹ Международное право: учебник / Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова; отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Международные отношения, 2001. С. 77.

² Международное право: учебник / В.И. Кузнецов; отв. ред. В.И. Кузнецов. М.: Юристъ. 2001. С. 42.

³ Международное право : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М.: Издательство «Омега-Л», 2011. С. 150.

⁴ Подробнее о суверенитете государств речь пойдет в соответствующем параграфе настоящей работы.

⁵ Бирюков П.Н. Международное право: Учебное пособие. М.: Юристъ, 2009. С. 98.

характеристика понятия «субъект международного права»¹. Некоторые ученые (Р.А. Каламкарян, Ю.И. Мигачев) также добавляют некоторые дополнительные характеристики, например, способность обеспечивать защиту субъективных прав в международных судах². Создание и реализация норм международного права рассматривается как исключительная компетенция субъектов международного права (Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова³); существенной особенностью субъекта международного права является его непосредственное участие в создании и реализации его норм (И.И. Лукашук⁴), участие субъекта международного права в данном процессе является проявлением его правосубъектности (Н. Б. Крылов⁵). Указанные характеристики определяют круг субъектов международного права, поскольку в связи с этим часто отрицается правосубъектность физических лиц и других образований, которые на сегодняшний день не получили всеобщего признания в качестве субъектов международного права.

Итак, субъект международного права — это многогранное понятие, объединяющее совокупность признаков, которые в совокупности образуют правосубъектность. Правосубъектность и субъект международного права фактически имеют идентичную юридическую нагрузку, ведь они не могут существовать отдельно друг от друга. Основные признаки понятия «субъект международного права» можно определить так. Субъект международного права составляет относительно самостоятельное образование относительно других участников международных отношений. Статус субъекта обеспечивают соответствующие субъективные права и обязанности, возникающие в результате вступления субъекта в договорные правоотношения с другими субъектами, непосредственно на основании норм международного права. Субъект международного права характеризуется не только правоспособностью или дееспособностью, но также деликтоспособностью, т.е. способностью нести самостоятельно ответственность за свои действия.

По существу, все указанные характеристики субъекта международного права подчеркивают различные стороны одного и того же явления — международной правосубъектности, которая означает одновременно и подчиняемость

¹ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 23.

² Каламкарян Р.А. Международное право: учебник. М.: Эксмо, 2005. С. 141.

³ Международное право: учебник / отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Международные отношения, 2001. С. 77.

⁴ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 24.

⁵ Крылов Н.Б. Правотворческая деятельность международных организаций. М.: Наука, 1988. С. 24.

непосредственному воздействию международного права, и обладание международными правами и обязанностями, и способность участвовать в международных правоотношениях. Всё это, в полной мере, относится и к государствам как субъектам международного права и их международной правосубъектности.

По характеру формулировки прав и обязанностей нормы института международной правосубъектности выделяют различных субъектов. По словам И.И. Лукашука, общепризнанными субъектами международного права являются государства и межгосударственные организации; не столь явно признана правосубъектность наций, и народов, борющихся за независимость; и только в порядке исключения существуют нетипичные субъекты: свободные города и Ватикан¹. Особенности субъектов международного права можно обнаружить, если рассмотреть нормы международного права, которые регламентируют их возникновение, юридическую природу, объем правосубъектности. В заключении Международного Суда ООН от 11.04.1949 г. зафиксировано, что «субъекты права той или иной правовой системы не являются обязательно идентичными, поскольку речь идет об их природе или объеме их прав»². Несмотря на то, что это суждение в конкретной ситуации касалось правосубъектности ООН, оно, по сути, имеет универсальное значение.

Акцент подхода на количестве прав и обязанностей был обоснованием для утверждений о том, что государства как субъекты международного права могут быть одинаковыми, но все же не равными. Конечно, попытки построения юридической иерархии государств в зависимости от количества их прав и обязанностей, размера и могущества глубоко укоренились в истории межгосударственных отношений. Фактически только утверждение принципа суверенного равенства государств после одобрения Устава ООН формально положило конец этой практике. Однако, именно после создания международных организаций такая логика была по аналогии использована для обоснования наличия различных по природе субъектов международного права, прежде всего, государств и организаций. Поэтому еще одним результатом применения этого подхода является возникновение теорий об «особых», «специфических», «функциональных», «производных» субъектах

¹ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 44.

² Консультативное заключение Международного суда ООН от 11 апреля 1949 г. «Возмещение увечья, понесенные на службе Организации Объединенных Наций». URL: http://legal.un.org/ICJsummaries/documents/russian/ST-LEG-SER-F-1_R.pdf (дата обращения: 01.04.2022 г.).

международного права.

Тем не менее, попытки четко определить содержание правосубъектности государств продемонстрировали невозможность ограничить её определенным перечнем прав и обязанностей. Недаром, лишь один опыт их положительной кодификации увенчался успехом на региональном уровне. В 1933 году в Монтевидео была заключена Конвенция о правах и обязанностях государств, в которой участвуют американские государства, включая США. Позднее положения были отражены и развиты в Уставе Организации американских государств 1948 года¹.

Тем не менее, термин «международная правосубъектность государств» присущ преимущественно доктринальной терминологии и редко используется в международно-правовых актах². К примеру, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, 1970 г. содержит положения о том, что «каждое государство обязано уважать правосубъектность других государств»³.

Ещё одним проблемным вопросом такого понимания института международной правосубъектности государств является сложность проведения различия между ней и международно-правовым статусом и определение их соотношения. Например, в структуру общего статуса Г.И. Курдюков включил основные права и обязанности, правоспособность, дееспособность, привилегии и иммунитеты, гарантии, международно-правовую защиту статуса⁴, а к индивидуальному — субъективные права и обязанности, возникающие в ходе участия в правоотношениях⁵.

Центральными же в структуре института международной правосубъектности государств являются комплексы норм, устанавливающие правоспособность, дееспособность и деликтоспособность государств как субъектов международного права. Ведь именно они обобщаются термином «международная правосубъектность

¹ См.: Шумилов В.М. Международное право: Учебник для бакалавриата. М.: Междунар. отношения, 2012. С. 65.

² Джакели Л.Т. Правосубъектность в теории и практике современного международного публичного права: Автореф. дис. ... канд. юр. н. (12.00.10). URL:<http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=111242> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁴ Курдюков Г.И. Государства в системе международно-правового регулирования. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. С. 128.

⁵ Там же. С. 131.

государств».

Правоспособность — это способность обладать правами и выполнять обязанности. Обычно при регламентации международного статуса субъекта применяется термин «правоспособность», но в его содержание вкладывается комплексный смысл, подразумевающий способность к самостоятельному осуществлению прав¹. Он, например, употребляется в таком значении в ст. 6 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., согласно которой «каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры».

Дееспособность — это способность самостоятельно осуществлять права и обязанности. В международном праве она бывает полная, или активная, и ограниченная. Как правило, в институте международной правосубъектности нормы, закрепляющие полную дееспособность, касаются только государств. Ограниченная дееспособность свойственна другим субъектам международного права.

Деликтоспособность — это способность нести ответственность за правонарушения. Среди норм, регулирующих международную деликтоспособность, различают две основные подгруппы:

- нормы, касающиеся любого международного правонарушения. В основном это нормы-принципы или нормы общего, универсального характера и действия;
- нормы, которые регулируют отраслевую деликтоспособность. Эти нормы действуют только в ограниченной сфере, в определенной отрасли или отраслях.

Категории «международная правосубъектность» и «международная правосубъектность государств», с первого взгляда, кажутся формально определенными в отношении их содержания. С другой стороны, данные понятия являются достаточно абстрактными, а их составляющие элементы и признаки всё-таки до сих пор не получили всеобщего признания и нормативного (да и в ряде случаев доктринального) закрепления. Для современного развития международного права и международных отношений характерно, что, например, физические и юридические лица не только наделены соответствующими международно-правовыми правами и обязанностями, но и активно участвуют в международно-правовом регулировании.

В связи с этим, в науке международного права отнесение к числу субъектов международного права новых образований (международных неправительственных

¹ Джакели Л.Т. Правосубъектность в теории и практике современного международного публичного права : Автореф. дис. ... канд. юр. н. (12.00.10). URL:<http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=111242> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

организаций, субъектов федераций, национальных меньшинств, коренных народов, физических и юридических лиц), остается дискуссионным. В этом отношении следует упомянуть определение, данное Гансом Кельзеном: «Личность (лицо, субъект — прим. авт.) есть лишь персонифицирующее обобщающее выражение для связи правовых обязанностей и правомочий, иными словами для комплекса норм»¹. Юридическое понятие лица или правового субъекта, указывает Кельзен, выражает единство множества обязанностей и прав, т.е. единство множества норм, которые устанавливают эти обязанности и права². Так называемое юридическое лицо, как и лицо физическое, является лишь единым выражением для некоего комплекса норм, т.е. для некоего правового порядка, который регулирует поведение множества людей³.

Определение Кельзена, по большому счёту, может быть применено к любому субъекту, например, к физическим лицам, в частности, в связи с тем, что человек создал государство ради удовлетворения своих интересов, а нормы международного права, зачастую, налагают обязанности и предоставляют права непосредственно физическим лицам⁴.

Тем не менее, в практике международных органов имеются отдельные примеры реализации мнения о признании международной правосубъектности индивидов, например: Дело братьев Ла Гранд в Международном Суде ООН⁵, Дело Авена⁶ и др. В указанных случаях подчеркивалось, что международно-правовой акт может непосредственно создавать права для физических лиц. Также подобное мнение находит свое отражение и в практике Европейского Суда по правам человека, который подтвердил, что международный договор может создавать права для граждан независимо от того, что по форме и формулировкам является

¹ Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Пер. с нем., англ., фр.; Сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб.: Издательский дом «Алеф-пресс», 2015. С. 156.

² Там же.

³ Там же. С. 157.

⁴ См. напр.: Lauterpacht H. The Subjects of the Law of Nations // Lauterpacht E. (ed.), International Law: Being the Collected Papers of Hersch Lauterpacht. Cambridge: University Press, 1975.

⁵ La Grand (Germany v. U.S.A) Case. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&case=104&p3=4> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁶ Avena and other Mexican nationals (Mexico v. U.S.A) Case. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=18&PHPSESSID=910c3f12fe366a0bad0ec88e89326bdd&PHPSESSID=910c3f12fe366a0bad0ec88e89326bdd&case=128&code=mus&p3=4> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

межгосударственным обязательством¹.

Однако, физические лица выступают в качестве носителей различных прав и обязанностей, но только в том объеме и в тех пределах, которые определены государствами, гражданами которых они являются, и которые принимают соответствующие международно-правовые акты от их имени, наделяя их соответствующей компетенцией и реализуя в полном объеме свою индивидуальную правосубъектность через внутригосударственные процедуры (выборы органов власти, референдумы и т.п.). Соответственно, государства, как субъекты международного права, на международной арене представляют коллективные интересы того или иного народа в целом, а также отдельного индивида-гражданина, в частности. В любом случае, по утверждению И.И. Лукашука, признание индивида субъектом международного права требует изменения самой природы этого права².

В заключение параграфа можно сделать следующие выводы:

В целом, институт международной правосубъектности государств является общесистемным институтом международного права, одним из основополагающих в его системе. Он объединяет группу правовых норм, определяющих юридическое содержание государств как субъектов международного права, режим их правового статуса как участников международных правоотношений, их общие юридические права и юридические обязанности.

Центральными в структуре института международной правосубъектности государств являются комплексы норм, устанавливающих правоспособность, дееспособность и деликтоспособность государств как субъектов международного права. Международная правосубъектность государств означает одновременно и подчиняемость непосредственному воздействию международного права, и обладание международными правами и обязанностями, и способность участвовать в международных правоотношениях. Попытки четко определить содержание правосубъектности государств продемонстрировали невозможность ограничить её определенным перечнем прав и обязанностей. Только утверждение принципа суверенного равенства государств после одобрения Устава ООН формально положило конец стремлениям построения юридической иерархии государств в зависимости от количества их прав и обязанностей, размера и могущества.

Категории «международная правосубъектность» и «международная

¹ Mathieu-Mohin and Clerfayt vs Belgium Case. URL: http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Mathieu-Mohin_and_Clerfayt_v_Belgium_02_03_1987.pdf (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 37.

правосубъектность государств», с первого взгляда, кажутся формально определенными в отношении их содержания. С другой стороны, данные понятия являются достаточно абстрактными, а их составляющие элементы и признаки всё-таки до сих пор не получили всеобщего признания и нормативного (да и в ряде случаев доктринального) закрепления. В связи с этим, в науке международного права отнесение к числу субъектов международного права новых образований (международных неправительственных организаций, субъектов федераций, национальных меньшинств, коренных народов, физических и юридических лиц), остается дискуссионным.

Следует также отметить, что вопрос международной правосубъектности государств затрагивает целый ряд других отраслей и институтов международного права, и само международное право в целом. В частности, до сих пор ни в практике международных отношений, ни в международно-правовой доктрине не даны однозначные ответы на вопросы относительно признания государств, закрепления их нейтрального статуса, разрешения территориальных споров и т.д.

§ 2. Историко-правовые аспекты государственности Ирландии.

Ирландия имеет долгую и противоречивую историю. На протяжении долгого времени Ирландия не была самостоятельным государством и находилась под властью Великобритании в течение более семи столетий¹. Соединенное Королевство в значительной степени повлияло на развитие всех сфер жизни ирландского общества и государства — от культуры до права. Процесс оформления современного ирландского государства во многом был определён борьбой народа Ирландии за свою независимость от Великобритании². В целом, процесс создания и развития современного ирландского государства можно разделить на несколько последовательных этапов.

Первый этап. Провозглашение независимости Ирландии.

На Вестминстерских выборах 1918 г. весь остров Ирландия всё ещё рассматривался как часть Великобритании³. Однако, Восстание на пасхальной

¹ Somerset Fry P., Somerset Fry F. A History of Ireland: From the Earliest Times to 1922. Routledge, 2013. P. IX.

² См.: Ross D. Ireland: History of a Nation. New Lanark: Geddes & Grosset, 2008. P. 13-15.

³ См.: Walsh O. Ireland's Independence: 1880-1923. London: Routledge, 2003. P. 57-60.

неделе 1916 г.¹ и казни его вожаков способствовали развитию движения за независимость среди ирландского народа, которое достигло своей кульминации в победе партии Шин Фейн на выборах, которая заняла 73 из 105 мест от Ирландии². Реализуя своё обещание отказаться от посещения Палат Парламента в Вестминстере, партия собрала всех представителей Ирландии для встречи в качестве ирландского парламента (Dáil Éireann) в январе 1919 г. Тем не менее, только собственные представители партии согласились на это, из которых 28 могли действительно это сделать, поскольку остальные были либо в тюрьме, либо в бегах. Тем не менее, собравшийся парламент смог принять Декларацию о независимости и предпринять меры, чтобы взять под контроль внешние связи страны³. Одновременно с этим, они начали вооружённую борьбу против британских сил без решения парламента, которая остановилась только после перемирия в июле 1921 г.⁴

21 января 1919 года первым ирландским парламентом был принят целый ряд документов, среди которых: Конституция Палаты Представителей⁵; Декларация о независимости⁶; Обращение к Свободным Нациям Мира⁷; Демократическая программа⁸.

Рассмотрим эти документы подробнее.

Принятая Конституция Палаты Представителей была небольшой, состояла из пяти разделов. Они включали в себя назначение председателя, полномочия Палаты Представителей, назначение премьер-министра и правительства, их полномочия, положение государственного бюджета и регулирование расходов.

В первом разделе говорилось, что Палата Представителей обладает всеми полномочиями, чтобы издавать законы, и состоит из делегатов, выбранных народом

¹ См.: McNally M. Easter Rising 1916: Birth of the Irish Republic. Osprey Publishing, 2007; McMahon S. Rebel Ireland: Easter Rising to Civil War. Mercier Press Ltd, 2001; Foy M.T., Barton B. The Easter Rising. Dublin: The History Press, 2011.

² Bartlett T. Ireland: A History. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 399.

³ Mitchell A. Revolutionary Government in Ireland: Dáil Éireann 1919-22. Dublin: Gill & MacMillan, 1995. P. 37.

⁴ Kaputt W.H. The Anglo-Irish War, 1916-1921: A People's War. London: Greenwood Publishing Group, 1999. P. 101.

⁵ Constitution of Dáil Éireann, 1 April 1919. URL: <http://www.difp.ie/docs/1919/Constitution-of-Dail-Eireann/6.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁶ Declaration of Independence, Dublin, 21 January 1919. URL: <http://www.difp.ie/docs/Volume1/1919/1.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁷ Message to the Free Nations of the World, Dublin, 21 January 1919. URL: <http://www.difp.ie/docs/volume/1/1919/2.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁸ Democratic Programme of the First Dáil, Dublin, 21 January 1919. URL: http://www.firstdail.com/?page_id=38 (дата обращения: 01.04.2022 г.).

Ирландии от избирательных округов страны. Второй раздел был посвящен кабинету министров (Aireacht), которому принадлежат широкие исполнительные полномочия. Кабинет министров состоит из премьер-министра (Príomh-Aireacht), выбранного Палатой Представителей и четырех других министров, а именно: министра финансов (Aireacht Airgid); министра внутренних дел (A. Gnothai Duthchais); министра иностранных дел (A. Gnothai Coigcrioch); министра обороны (A. Cosanta).

Премьер-министр назначает этих министров и имеет право их увольнять. Каждый министр должен быть членом Палаты Представителей нести перед ней ответственность. После назначения премьер-министром кандидатуры должна утвердить Палата Представителей. Премьер-министр занимает пост с момента его избрания, а другие министры — как только их назначение будет утверждено Палатой Представителей. Палата Представителей имеет право путем голосования распускать кабинет министров или увольнять любого из них.

В третьем разделе говорилось о том, что каждое заседание Палаты Представителей возглавляется председателем (Ceann Comhairle) или вице-председателем (Ceann Ionaid), выбранными Палатой Представителей на один год. Если председатель и вице-председатель будут отсутствовать, то Палата Представителей выбирает их заместителей или временного председателя.

Четвертый раздел касался денежных расходов.

Пятый раздел признавал настоящую конституцию временной и, что она может быть изменена единогласным решением.

Конституция 1919 года не содержала упоминания о республике, в ней ничего не говорилось о представлении государства президентом. Тем не менее, она определенно должна была стать временной конституцией для независимого государства. Принятые документы отражали демократический и республиканский характер движения за независимость. В то же время, они показали, что британские традиции превалировали в ирландском движении за независимость и последующем государственном строительстве. По словам Брайана Фаррелла, «основатели нового государства были конституционалистами в рамках сильно развитой парламентской традиции»¹.

Приняв Конституцию 1919 года, закрепившую механизм государственного управления вместе с экономической и социальной программами, ирландский

¹ Farrell B. A Note on the Dail Constitution, 1919 // Irish Jurist. 1969. № IV. P. 135.

парламент стремился к практической реализации Декларации о независимости и приданию легитимности движению за независимость¹.

В своем Обращении к Свободным народам Мира парламент просил другие народы признать Ирландию в качестве отдельной нации, свободной от британского правления. Обращение было составлено на трех языках: ирландском, английском и французском. Обращение было следующим:

«Приветствие к народам мира.

Нация Ирландии провозгласив свою национальную независимость, призывает, через своих избранных представителей в парламенте, собранных в ирландской столице 21 января 1919 года, к каждой свободной нации, чтобы поддержать Ирландскую Республику, признав национальный статус Ирландии и её право на его защиту на Конгрессе мира.

Естественно, раса, язык, обычаи и традиции Ирландии радикально отличаются от английских. Ирландия является одной из самых древних наций в Европе, и она сохранила свою национальную целостность, энергичность и нетронутость, через семь столетий иностранного угнетения; она никогда не отказывалась от своих национальных прав, и в течение долгой эпохи английской узурпации, она в каждом поколении вызывающе провозглашала своё неотъемлемое право нации вплоть до ее последнего славного обращения к оружию в 1916 году.

На международном уровне Ирландия является воротами в Атлантику; Ирландия является последним форпостом Европы на Запад; Ирландия — это точка, на которой сходятся великие торговые пути между Востоком и Западом; ее независимость требуется свободой морей; ее большие порты должны быть открыты для всех народов, вместо того, чтобы быть монополией Англии. Сегодня эти порты пусты и только потому, что английская политика определила сохранить Ирландию бесплодным оплотом английского возвеличивания, а уникальное географическое положение этого острова, далеко не в пользу того, чтобы принести пользу и защитить Европу и Америку, используется для целей английской политики мирового господства.

Ирландия сегодня вновь заявляет о своей исторической государственности более уверенно перед новым миром, выходящим из войны, потому что она верит в свободу и справедливость как в основополагающие принципы международного права; потому что она верит в откровенное сотрудничество между народами за

¹ Dooney S., O'Toole J. Irish Government Today. Dublin: Gill & Macmillan, 1998. P. 90.

равные права в отношении привилегий древних тираний; потому что постоянный мир Европы никогда не может быть обеспечен вечным военным доминированием для выгоды империи, но только путем установления контроля правительства на основе свободного волеизъявления свободных людей, и существующее состояние войны между Ирландией и Англией, никогда не сможет завершиться до тех пор, пока Ирландию полностью не покинут вооруженные силы Англии.

Ирландия — решительно и бесповоротно определившись на заре обещанной эры самоопределения и свободы, что она более не будет страдать от иностранной власти — призывает к каждой свободной нации отстаивать ее национальное стремление к полной самостоятельности как Ирландская Республика против наглых притязаний Англии, основанных на мошенничестве и поддерживаемых только подавляющей военной оккупацией, и требует публичной встречи с Англией на Конгрессе Наций, чтобы цивилизованный мир смог рассудить между английским беззаконием и ирландским правом и смог гарантировать Ирландии свою постоянную помощь для поддержания её национальной независимости»¹.

Данному документу было уделено очень мало внимания со стороны других государств, поскольку на тогдашней повестке дня стояли последствия Первой мировой войны. Великобритания заверила своих партнеров-победителей, что ситуация в Ирландии будет рассматриваться в соответствии с новыми международными принципами самоопределения. США также были не готовы признать суверенитет Ирландии. В итоге, новое ирландское государство не было признано ни одним государством мира.

В июле 1919 года между правительствами Англии и США была достигнута договоренность, по которой последние обязывались поддерживать программу гомруля (устаревшего уже для Ирландии), а в обмен на это получали согласие со стороны Англии на инвестирование в Ирландию. Под давлением мирового сообщества правящие круги Англии были вынуждены в 1920 году пойти на уступки. Они обнародовали злополучную оговорку к Акту о гомруле 1914 года², которая предусматривала, что две части Ирландии — Ольстер и собственно Ирландия — должны были иметь свои парламенты, могли учредить общеирландский совет и таким путем достичь воссоединения страны.

¹ Message to the Free Nations of the World. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/E900013/index.html> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² The Government of Ireland Act, 1914 (Home Rule Act). URL: <http://www.parliament.uk/about/living-heritage/evolutionofparliament/legislativescrutiny/parliamentandireland/collections/home-rule-1914/gov-of-ireland-act-1914/> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

Парламент Великобритании принял Акт о правительстве Ирландии 1920 г.¹, который предполагал предоставление большей самостоятельности Ирландии в вопросах управления. Этот законодательный акт предусматривал создание двух ирландских парламентов: Парламент Стормонта (the Stormont Parliament) в Белфасте для графств Антрим, Армаг, Даун, Ферманаг, Дерри, Тирон, городов Белфаст и Дерри, которые впоследствии образовали так называемую Северную Ирландию; а также Парламент Ирландии (Dail Eireann) в Дублине для оставшейся части острова. Каждый был наделён правом «издавать законы мирного порядка и хорошего управления» территории их юрисдикции. Хотя данная формула и включала в себя передачу полных законодательных полномочий и с этим полной независимости от английского парламента, в секции 75 указанного законодательного акта было закреплено, что Британский парламента оставляет за собой верховную власть, и что внешняя и оборонная политики не переданы Дублину и Белфасту. Ирландское представительство в британском парламенте должно было быть продолжено, хотя и с сокращённым числом представителей.

Акт также предусматривал создание «Совета Ирландии», состоящего из парламентариев от обеих частей Ирландии, избираемых своими пэрами. Совет был изначально наделен некоторыми властными правомочиями, которые могли быть дополнены по решению ирландских парламентов. Секция 3 Акта 1920 года даже предусматривала создание одного парламента и одного правительства для всей Ирландии, которые бы заменили оба парламента и Совет, если так решат оба парламента².

В мае 1921 г. были проведены выборы в оба ирландских парламента. Используя избирательный механизм, прописанный в Акте 1920 г., парламента Ирландии состоял только из членов партии Шин Фейн, а также из четырёх представителей Университета Дублина — Тринити-колледжа. В Северной Ирландии абсолютное большинство получили унионисты. Тем самым, раскол между двумя частями острова Ирландия усиливался. Британское правительство, в принципе, было готово предоставить полную независимость двадцати шести южным графствам Ирландии, но только если они согласятся остаться в составе Британской Империи,

¹ The Government of Ireland Act, 1920. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1920/67/pdfs/ukpga_19200067_en.pdf (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Это знаменательное положение также было прописано во всех последующих документах, касающихся вопросов единой Ирландии на международном уровне, включая Договор Страстной Пятницы 1998 г. с его общими институтами, заседающими в Армаге.

как например, Австралия и Южная Африка¹.

Второй этап. Ирландское Свободное государство.

6 декабря 1921 году был подписан Англо-ирландский договор², завершивший войну за независимость. Хотя это соглашение и рассматривалось позднее как первый международный договор, заключённый вновь образованным государством, но оно получило гораздо больше внимания в связи с тем, что раскололо ирландское правительство и привело к Гражданской войне 1922-1923 гг.

Согласно этому договору, Ирландия, кроме Ольстера, формально приравнивалась к доминионам. В статье 2 была предусмотрена полная независимость Ирландии со ссылкой на схожий статус Канады как части Британской Империи. Однако договор устанавливал целый ряд ограничений, не предусмотренных ни для одного из доминионов. Например, английское правительство сохранило за собой право иметь военно-морские базы и дислоцировать свои войска на территории Ирландии, контролировать внешнюю политику и внешнюю торговлю страны. Также Договором было гарантировано членство Ирландии в Лиге Наций³.

Как остаток подчинения Великобритании был сохранён пост Генерал-губернатора, как представителя монарха в том образовании, что назвали Ирландское Свободное Государство. Предельные лимиты численности вооружённых сил пропорционально численности британской армии содержались в статьях 7 и 8 Договора, устанавливая также, что Британское адмиралтейство могло оставить за собой собственность и использовать порт Берехэвен и другие морские объекты, например, Белфастский залив, как для военных, так и для мирных целей. Договор был направлен на то, чтобы не допустить раздела Ирландии, тем не менее, предоставляя возможность выхода из состава Ирландии парламенту Стормонта, которая могла быть использована в течение первого месяца после ратификации договора.

Условия договора были одобрены ирландским парламентом 7 января 1922 г. большинством голосов (64 против 57), а также английским парламентом 16 декабря 1921 г. 31 марта 1922 г. английский парламент принял Акт об Ирландском

¹ Ross D. Ireland: History of a Nation. New Lanark: Geddes & Grosset, 2008. P. 33.

² Официальное название - Статьи Соглашения для Договора между Великобританией и Ирландией (Articles of Agreement for a Treaty Between Great Britain and Ireland). URL: <http://cain.ulst.ac.uk/issues/politics/docs/ait1921.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Ирландское Свободное Государство станет членом Лиги Наций 10 сентября 1923 г.

Свободном Государстве¹, который вводил в действие указанный договор. Северная Ирландия сразу же воспользовалась предусмотренной нормой об отделении и направила официальный запрос на это британскому королю Георг, который был принят.

Билль о Конституции Ирландского Свободного государства был представлен и принят в ирландском парламенте 25 октября 1922 г., также будучи одобренным английским парламентом. Как было установлено статьёй 83 этой Конституции и аналогичным положением Акта о Конституции Ирландского Свободного Государства², конституция вступает в действие королевской прокламацией, которая была принята 6 декабря 1922 г.

В статье первой говорилось, что «Ирландское Свободное Государство является равноправным членом Содружества наций, созданного под эгидой Англии». Договор вступил в силу согласно конституционным положениям, и статья 2 Конституции установила, что Конституция должна быть интерпретирована со ссылкой на договор: «если любое положение настоящей Конституции .. противоречит в каком-либо отношении любому положению указанного Договора, то оно должно, в пределах такого противоречия, быть абсолютно лишённым юридической силы и недействующим..»³.

С другой стороны, статья 2 конституции ясно дала понять, что все полномочия и власть даруются исключительно «от народа по велению Бога» без какой-либо ссылки на королевскую волю. Все символические ссылки на образование «Империя» были выведены использованием более нейтрального понятия «Содружество». Это был, возможно, первый случай употребления данного термина с данной смысловой нагрузкой; впоследствии такая замена была проведена повсеместно.

Интересно заметить, что между принятием конституции и принятием решения об отделении Ассамблеей Северной Ирландии всего несколько дней формально существовало независимое Ирландское Свободное Государство, включающее в себя всю территорию острова Ирландия в соответствии с нормами международного права.

По требованию Англии, конституция признала символы и органы власти,

¹ The Irish Free State Act, 1922 // 12 & 13 Geo. 5. Ch. 4.

² Constitution of the Irish Free State (Saorstát Eireann) Act, 1922. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/1922/act/1/enacted/en/print> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Ibid.

считающиеся необходимыми и наиболее подходящими для членства в Содружестве Наций, т.е. признание королевской власти, губернатора доминиона, клятвы верности и конституционной фикции. Национальным языком Ирландского Свободного Государства предусматривался ирландский, но английский язык был признан в качестве второго официального языка.

Конституция Ирландского Свободного Государства провозглашала некоторые демократические права и свободы: неприкосновенность личности и жилища, свободу слова, собраний, союзов, совести, но с рядом существенных оговорок. Действие этих статей неоднократно приостанавливалось, например, в 1927 году Актом об общественной безопасности. По Конституции, «каждый человек, независимо от пола, поселившийся на постоянное местожительство на территории, на которую распространяется юрисдикция Ирландского Свободного Государства во время вступления в силу этой Конституции, который родился в Ирландии или его родители родились здесь, или который является постоянным жителем не менее 7 лет на территории, на которую распространяется юрисдикция Ирландии, является гражданином Ирландского Свободного Государства».

Статьи шестая и седьмая признавали право каждого гражданина Ирландии на неприкосновенность жилища и личности. Если от лица или от его имени поступила жалоба, что он противозаконно содержится под стражей, то Высший суд или любой судья должны расследовать это дело, в письменной форме объяснить причину задержания или отпустить невиновного. В статье восьмой говорилось, что каждому гражданину гарантированы свобода совести и свобода вероисповедания, и что ни один закон не имеет права запретить любому ребенку посещать светскую школу без религиозного обучения или делать различия между школами, находящимися под руководством различных религиозных конфессий. В Конституции 1922 года признавалась «свобода слова, так же, как право на проведение мирных собраний и создание организаций и союзов, независимо от политических, религиозных и классовых различий». По Конституции, все граждане Ирландского Свободного Государства имели право на бесплатное начальное образование.

Вводилась должность генерал-губернатора, являвшегося представителем английского монарха в Ирландии. Генерал-губернатору передавались на рассмотрение и одобрение все законопроекты Парламента. В соответствии с Конституцией Ирландского Свободного Государства, Король имел ряд номинальных обязанностей, в том числе, в отношении осуществления исполнительной власти государства, назначения кабинета министров и промульгации законов. Тем не

менее, все они были позднее переданы Генерал-губернатору Ирландского Свободного Государства, а в 1927 году титул Короля был изменен в соответствии с Актом о королевских и парламентских титулах¹, принятым английским парламентом.

Законодательная власть осуществлялась Парламентом, который состоял из короля и двух палат. Верхняя палата — Сенат — должна была играть роль «реакционного тормоза» в отношении деятельности Палаты депутатов. Палата депутатов избиралась сроком на 4 года. Право избирать и быть избранными и право принимать участие в референдумах принадлежало гражданам в возрасте старше 21 года, независимо от пола. Право избирать в Сенат имели граждане, достигшие 30 лет, а быть избранными — достигшие 35 лет. Голосование было тайным, и участвующий не мог проголосовать более одного раза на выборах в любую палату. Устанавливался 12-летний срок полномочий сенаторов, причем каждые 3 года одна четверть их подлежала смене. По Конституции, никто не мог быть одновременно членом и Палаты депутатов, и Сената, и если гражданин, который уже являлся членом одной из палат, был выбран в другую палату, то он должен был освободить первую должность. Парламент должен был заседать в Дублине или рядом с ним.

Правительство — Исполнительный совет — было формально ответственным перед нижней палатой Парламента. Председатель Исполнительного совета назначался на свою должность нижней палатой по согласованию с генерал-губернатором. Парламент не мог быть распущен в соответствии с мнением правительства. Хотя британская кабинетная система и Вестминстерская модель в общих чертах служили основой работы ирландского правительства, были сделаны попытки исправить то, что некоторые считали недостатками в функционировании английского кабинета министров.

Первоначально в тексте Конституции имелись статьи, которые предусматривали, что законопроект по требованию Палаты депутатов или Сената может быть вынесен на всенародное обсуждение (референдум). Допускалась «народная инициатива» при предложении законопроектов, но данное положение было отменено в 1928 году.

Несмотря на заявление о том, что все природные ресурсы страны принадлежали государству, характер Конституции был менее социалистическим, чем в 1919 году, отражая консервативную позицию уцелевших лидеров и принятие

¹ Royal and Parliamentary Titles Act, 1927. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/17-18/4/contents> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

британской либерально-демократической традиции и британских юридических понятий. Конституция носила светский характер.

В Конституцию Ирландского Свободного государства было внесено много поправок. До 1932 года большинство изменений касались правительственного аппарата. С приходом к власти Рамона де Валера, основного противника договора 1921 года, определенно произошел радикальный пересмотр позиции, касающейся Британского Содружества Наций. Сторонники де Валера не препятствовали этому. Этот пересмотр повлек за собой удаление из Конституции Ирландского Свободного Государства всех знаков и символов содружества. Новая конституция подчеркивала республиканский и народный характер государства, вытесняя понятие «Содружество». В текст Конституции были внесены и другие существенные поправки: срок полномочий Палаты депутатов увеличен до 6 лет, частично изменен регламент Парламента, срок полномочий сенаторов уменьшен до 9 лет. В 1934 году Сенат и вовсе был ликвидирован.

Третий этап. Конституция 1937 г.

По инициативе Рамона де Валера множество изменений к конституции вылились в принятие новой конституции в 1936 году, которая стала абсолютно непохожей на конституцию 1922 г.

Подъем движения в пользу полного отделения Ирландии от Англии в начале 30-х годов привел к принятию в 1933 году специального Акта об отмене присяги 1933 г.¹, который отменял присягу членов ирландского парламента в верности английскому монарху и вносил соответствующие изменения в текст Конституции Ирландии 1922 года. Этот вопрос имел высокое символическое значение для британо-ирландских взаимоотношений. Для подтверждения этого, приведём отрывок из письма секретаря департамента иностранных дел к де Валера:

«Присяга может быть отменена. Ваш мандат должен быть понятен как англичанам, так и нашим гражданам. ... «Ирландия» будет наше имя, а наша международная позиция позволит миру узнать, что мы независимы»².

В новой Конституции больше не упоминалось членство в Содружестве, хотя остальные члены Содружества не рассчитывали, что новый Основной закон изменит статус Ирландии в этом образовании. В любом случае, ирландские министры не посещали ни одну из последующих конференций Содружества после смены

¹ Constitution (Removal of Oath) Act, 1933 // Acts of the Oireachtas. № 6/1933.

² Documents on Irish Foreign Policy. Vol. IV. 1932-1936. Dublin, 2004. P. 4-6.

правительства в 1932 г.

В Ирландии всё ещё существовал пост Генерал-губернатора¹, которого часто даже не приглашали принять участие в реализации государственных функций. Назначение, хотя формально и делавшееся британским монархом, осуществлялось по совету ирландского правительства. Как было сообщено правительству в Лондон, «в правительстве Колгрейва большинство придерживалось того мнения относительно географического положения Ирландского Свободного Государства, что институт генерал-губернаторства был не столь необходимым, и что гораздо лучшим механизмом было бы отсутствие промежуточной инстанции между Королём и министрами Ирландского Свободного Государства»².

Однако, в связи с внутренними событиями в Великобритании, которые привели к отречению от престола короля Эдварда VIII, ирландское правительство получало всё большую независимость. В протоколе заседания кабинета министров Ирландии от 10 декабря 1936 г. было зафиксировано:

«Президент доложил, что ему было сообщено, что король Эдвард VIII намерен отречься от престола. Было решено, что необходимо принять следующие меры:

а) принять отречение насколько это затрагивает Ирландское Свободное Государство;

б) убрать из конституции все упоминания о Короле и о Представителе Короны, вне зависимости от названия его должности;

с) при помощи простого законодательства ввести положение, предписывающее выполнение Королём определённых функций по внешним сношениям по совету Исполнительного Совета»³.

Сразу после этого, были приняты Билль о внесении изменений в конституцию⁴ и Билль об исполнительной власти (о внешних сношениях) 1936 г.⁵ Содержание Билля было обобщено Департаментом внешних отношений для Рамона де Валера в записке от 11 декабря 1936 г. следующим образом:

"1. Целью Билля о внесении изменений в конституцию является прекращение функций британского монарха в отношении внутренних дел Ирландского

¹ Первым Генерал-губернатором в 1922-1928 гг. был Тим Хили (Tim Healy).

² Documents on Irish Foreign Policy. Vol. IV. 1932-1936. Dublin, 2004. P. 191.

³ Documents on Irish Foreign Policy. Vol. IV. 1932-1936. Dublin, 2004. P. 535.

⁴ The Constitution Amendment Act, 1936 // Acts of the Oireachtas. № 57/1936.

⁵ The Executive Authority (External Relations) Act, 1936 // Acts of the Oireachtas. № 58/1936.

Свободного Государства, иными словами, функций, которые соответственно выполняются Генерал-губернатором. Статья конституции, относящаяся к назначению Генерал-губернатора будет отменена, однако, на текущий момент, кажется целесообразным оставить лицо, занимающее эту должность, выполнять свои обязанности до тех пор, пока не будут приняты другие меры для выполнения соответствующих функций, выполняемых по совету Исполнительного совета.

2. Билль об исполнительном органе (о внешних сношениях) является следствием другой меры. Он предоставляет полномочие на последующее выполнение британским монархом по совету Исполнительного совета тех функций, которые тот соответственно выполнял в сфере внешних сношений от имени Ирландского Свободного Государства.

... 7. Курс на ограничение функций монарха в отношении внешних сношений Ирландского Свободного Государства будет продолжен. Это не говорит о том, что эти меры предполагают какие-либо революционные изменения. Настоящие билли только приведут законодательство и теорию в соответствие с нашей реальной позицией»¹.

Согласно Акту об исполнительной власти (о внешних сношениях) 1936 г.²:

«1. - (1) Дипломатические представители Ирландского Свободного государства в других странах назначаются властью Исполнительного совета.

(2) Консульские представители Ирландского Свободного государства в других странах назначаются властью Исполнительного совета.

2. Каждое международное соглашение, заключенное от имени Ирландского Свободного государства должно быть заключено Исполнительным советом или от его имени.

3. - (1) Настоящим объявлено и узаконено, что так как Ирландское Свободное государство связано со следующими нациями, а именно: Австралией, Канадой, Великобританией, Новой Зеландией и Южной Африкой, и пока король признается этими странами, как символ их сотрудничества, продолжает действовать от имени каждой из этих стран (по совету нескольких правительств) для целей назначения дипломатических и консульских представителей и заключения международных соглашений, король может, и настоящим разрешается, действовать от имени Ирландского Свободного Государства для аналогичных целей, как и когда это

¹ Documents on Irish Foreign Policy. Vol. IV. 1932-1936. Dublin, 2004. P. 536-537.

² Executive Authority (External Relations) Act, 1936 // Acts of Oireachtas. № 58/1936.

рекомендовано сделать Исполнительным советом».

Всё, что оставалось сделать королю, было, согласно статье 51 изменённой конституции 1922 г., принимать участие в назначении дипломатических представителей Ирландии за рубежом и заключении международных договоров от имени Ирландского Свободного Государства. Статья 51 предусматривала, что исполнительная власть Ирландского Свободного Государства, принадлежащая королю, должна реализовываться с помощью и по совету Исполнительного совета. До принятия Акта о Республике Ирландия 1948 г.¹ и иногда после, эти функции исполнялись королём. Соответствующее конституционное положение в настоящее время закреплено в статье 29 ныне действующей Конституции 1937 г., а её положение может быть упомянуто в связи с решением по делу Кротти², в котором было установлено, что оно может быть использовано не только в связи с его изначальной целью в отношении Содружества, но и в отношении Европейского Союза. Тем самым, данная статья остаётся значимой и на современном этапе за пределами исторического контекста³.

Эта норма Конституции предназначалась для того, чтобы сделать возможным использование конституционной роли британского монарха, если правительство сочтёт целесообразным продолжить некоторые традиционные практики, такие как: подписание писем об аккредитации для ирландских дипломатов за рубежом, в особенности в отношении некоторых стран Содружества, что, между прочим, продолжалось в некоторых случаях и после 1938 г. Однако, некоторые вопросы, связанные с обретением независимости, остались неразрешёнными, в частности, когда Верховный суд Ирландии единогласно постановил в решении по делу *State (Ryan) v Lennon*⁴, что договор был неотъемлемой частью Конституции, и что «Парламент не имел права его изменять». Данное решение добавило сомнений в отношении односторонних изменений, внесённых Актом об отмене присяги 1933 г., которые удалили из статьи 50 слова «в рамках условий соответствующего договора», а также предусматривал отмену секции 2 Конституционного акта, который инкорпорировал в неё Договор. Это изменение было той основой, в соответствии с которой Ирландия отменила институт апелляции в Тайный Совет Великобритании и

¹ The Republic of Ireland Act, 1948 // Acts of Oireachtas. № 22/1948.

² *Crotty v An Taoiseach* [1987] IR 713.

³ См. подробнее: Галушко Д.В. Правовые и институциональные основы взаимодействия Европейского Союза и Ирландии. - Воронеж, 2007.

⁴ [1935] IR 170.

институт Генерал-губернатора, каждый из которых не соответствовал договору. На основе Акта о плебисците (проекте Конституции) 1937 г.¹, ирландцы одобрили новую Конституцию, которая вступила в силу с 29 декабря 1937 года, ознаменовав новый этап в развитии Ирландского государства.

Конституция провозглашала об официальном признании Ирландии как католического государства, подтвердив принятие католических принципов как руководящих для политической жизни страны и её политических институтов. Таким образом, принципы и заповеди, извлеченные из католической социальной теории, были смешаны с либеральными и демократическими элементами, происходившими из британской правовой традиции.

После принятия Конституции Ирландия формально сохраняла зависимость от Англии в области внешних отношений, которые в то время осуществлялись от имени английского монарха. Свои связи с Ирландией Англия осуществляла через министерство по делам доминионов, а не иностранных дел. В ходе второй мировой войны Ирландия, хотя и считалась государством, связанным в некоторых отношениях с Британским Содружеством, не принимала участия в войне на стороне Англии. Ирландия в вопросах внешней политики действовала независимо, а порой даже и в ущерб интересам Англии.

Четвертый этап. Образование Республики Ирландия.

Конституция 1937 г. не провозгласила государство республикой. В 1945 году, когда его спросили, собирается ли он провозгласить республику, тогдашний премьер-министр Рамон де Валера ответил, что «мы итак республика»², отказываясь до этого говорить об этом в течение восьми лет. Де Валера продолжал в парламенте: «Давайте посмотрим на любой стандартный текст в политической теории ... и давайте оценим, не имеет ли наше государство все характерные черты, с помощью которых может быть распознана республика. Мы — демократия с полной суверенной властью, дарованной народом — представительная демократия с различными органами государства, которые функционируют на основании письменной Конституции, с органом исполнительной власти контролируемым парламентом, с независимой судебной системой, функционирующей в соответствии с Конституцией и законодательством, и с главой государства, напрямую избираемым народом на

¹ The Plebiscite (Draft Constitution) Act, 1937 // Acts of Oireachtas. № 16/1937.

² Seanad Éireann // Office of the Houses of the Oireachtas. Volume 30 - 19 July, 1945.

определенный срок полномочий»¹. Де Валера настаивал, что: «Мы — независимая республика, связанная в вопросе нашей внешней политики с государствами Британского Содружества»².

Он также настаивал на том, что у Ирландии не было короля, а просто государство использовало иностранного монарха в качестве органа по международным делам. Тем не менее, такое мнение де Валера не разделяли юристы-конституционалисты, включая Генерального Атторнея. Это также было характерно и для иностранных государств, которые считали, что во главе Ирландии находился король Георг VI, который был провозглашен королем Ирландии в декабре 1936 года, и у кого они аккредитовали своих послов в Ирландию. Король Георг, в свою очередь, как «Король Ирландии» аккредитовал всех ирландских дипломатов. Все международные договоры подписывались премьер-министром Ирландии или министром иностранных дел от имени короля Георга.

Несмотря на взгляды де Валера, некоторые ученые считают, что полномочия по представлению нации за рубежом являются ключевыми для определения роли главы государства³. Эта точка зрения была поддержана премьер-министром Джоном А. Костелло в ходе дебатов в Сенате в декабре 1948 года, когда он утверждал, что представленный Билль об Ирландии сделает Президента Ирландии полноценным главой государства. В октябре 1947 года, де Валера попросил Генерального Атторнея подготовить законопроект об отмене Акта о внешних отношениях, и к 1948 г. в проект билля были включены указания на государство как на республику.

Законопроект, объявляющий Ирландию республикой был представлен в 1948 году премьер-министром Джоном А. Костелло. Костелло сделал заявление о внесении билля на рассмотрение во время своего визита в Канаду. Любопытно, но такое развитие событий стало сиюминутной реакцией на поступок генерал-губернатора Канады, Лорда Александра, по происхождению выходца из Северной Ирландии, который, как утверждают, разместил символы Северной Ирландии, в частности, копию знаменитой ревущей пушки Мэг, использовавшейся при осаде Дерри, во время государственного обеда перед оскорбленным Костелло. Также было нарушено правило о произнесении отдельных тостов за короля и за президента Ирландии. Ирландская позиция заключалась в том, что тост за короля, вместо

¹ Committee on Finance. Vote 65 - External Affairs // Dáil Éireann debates. 17 July 1945. Vol. 97. № 23. P. 22.

² Dáil Éireann debates. 17 July 1945. Vol. 97. № 23. P. 22.

³ См. напр.: Webber M., Smith M. Foreign Policy In A Transformed World. NY: Routledge, 2013; Hill C. Foreign Policy in the Twenty-First Century. London: Palgrave, 2016.

представления двух стран, не будет включать в себя Ирландию. Но к ярости ирландской делегации, был предложен только тост за короля. Вскоре после этого Костелло озвучил план объявить в Ирландии республику¹.

В любом случае, при голосовании в парламенте закон был одобрен всеми партиями. Де Валера сделал заявление, что было бы лучше, если бы данное заявление о республике было бы отложено до тех пор, пока не будет восстановлено ирландское единство. Выступая в Сенате, Костелло сказал сенаторам, что, как с точки зрения закона, король был действительно «Королём Ирландии» и главой Ирландского государства, а Президент Ирландии был в действительности не более, чем первым гражданином до вступления в силу нового закона².

В 1948 году был принят Акт о Республике Ирландия³, который отменил Акт об исполнительной власти 1936 г., установив, что описание Государства будет Республика Ирландия, наделяя президента полномочием по осуществлению исполнительной власти и любых иных исполнительных функций государства как внутри страны, так в отношении её внешних связей. В Акте было указано следующее:

«1. Акт 1936 г. об исполнительной власти (по внешним связям) (№ 58 из 1936), настоящим отменяется.

2. Настоящим объявляется, что описание государства будет Республика Ирландия.

3. Президент, с санкции и по совету правительства, может осуществлять исполнительную власть или какие-либо исполнительные функции государства внутри страны или в отношении его внешних связей.

4. Настоящий Акт вступает в действие в тот день, который будет определен приказом правительства».

Акт 1948 г. отменил Акт 1936 г., в соответствии с которым король Георг VI выступал в качестве ирландского главы государства в международных отношениях, аккредитуя послов и от имени государства принимая верительные грамоты о назначении иностранных послов в государстве, а также заключая международные соглашения⁴. Акт 1948 г. упразднил эту последнюю оставшуюся практическую

¹ McCullagh D. *The Reluctant Taoiseach*. Dublin: Gill and Macmillan 2010. P. 210.

² Ibid.

³ The Republic of Ireland Act, 1948 // Acts of Oireachtas. 1948. № 22.

⁴ McCabe I. John Costello 'Announces' the Repeal of the External Relations Act // *Irish Studies in International Affairs* (Royal Irish Academy). 1992. No 3 (4). P. 70.

функцию британского монарха в отношении Ирландии и наделил ею президента Ирландии, предоставив тогдашнему президенту Шону Т. О'Келли статус полноценного главы государства.

Статус главы ирландского государства с 1936 по 1949 г. был в значительной степени символическим и имел мало практического значения. Это произошло потому, что роль как короля, так и президента Ирландии были просто церемониальными, будучи исполняемыми только «по совету» Правительства Ирландии. С 1936 до 1949 года роль короля в ирландском государстве была незаметной для большинства ирландских граждан. Монарх никогда не посещал государство в течение этого периода, и, после отмены должности генерал-губернатора, в Ирландии не было его официального представителя. Президент, с другой стороны, играл ключевую роль в ходе важных общественных церемоний¹.

В то время, когда Акт 1948 г. вступил в силу, условием для членства страны в Британском Содружестве являлось формальное сохранение английского монарха главой государства. Таким образом, объявляя себя республикой, Ирландия автоматически перестала быть членом Содружества. Хотя Ирландия и не принимала активного участия в Содружестве Наций в течение нескольких лет до принятия этого законодательного акта, но всё ещё считалась правительствами других государств-членов его членом².

Примечательно, но Акт 1948 г. не изменил официальное название государства. Он всего лишь установил «описание» для государства. Конституция Ирландии предусматривает, что Ирландия (Eire — на ирландском) является официальным названием государства и, соответственно, если бы закон изменял это название, то он противоречил бы Конституции, поскольку не носил характера конституционной поправки. Термины «описание» и «название» иногда становятся причиной путаницы. Премьер-министр Ирландии, Джон А. Костелло, который внес данный Билль в парламент, объяснил эту разницу следующим образом:

«Если я говорю, что меня зовут Костелло, а мое описание заключается в том, что я — старший адвокат, то, по моему мнению, это будет ясно для интересующихся. Если сенатор посмотрит на статью 4 Конституции, он увидит, что название государства является Eire. Секция 2 данного законопроекта устанавливает, что

¹ Hodson H.V. Eire and the British Commonwealth. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ireland/1938-04-01/ire-and-british-commonwealth> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² См.: Mansergh N. Survey of British Commonwealth Affairs: Problems of Wartime Cooperation and Post-War Change 1939-1952. London: Routledge, 2013.

«описание государства будет Республика Ирландия». Его название на ирландском языке — Éire, а на английском — Ирландия. Его описание на английском языке — «Республика Ирландия»¹.

Великобритания ответила на ирландский Акт 1948 г. принятием Акта об Ирландии 1949 г.² Формально в статье 1 «Конституционные положения» этот закон признал, что ирландское государство перестало быть членом Содружества, однако, установив, что ирландские граждане не будут рассматриваться в качестве иностранцев в соответствии с британским законодательством о гражданстве. Это, по сути, предоставило им статус, похожий на статус граждан стран Содружества³.

Акт также закрепил, что «часть Ирландии, до сих пор известная как Éire», будет упоминаться в будущем законодательстве Великобритании как «Республика Ирландия». Продолжающееся использование Великобританией названия «Ирландия» в качестве правильного и официального для государства в связи с тем, что оно не включало в себя всю территорию острова с одноименным названием, стало источником дипломатических трений на протяжении нескольких десятилетий после этого.

Данный британский Акт также предоставлял законодательную гарантию того, что Северная Ирландия будет продолжать оставаться частью Соединенного Королевства до тех пор, пока парламент Северной Ирландии официально не выразит желание присоединиться к Единой Ирландии. Это «юнионистское вето» стало поводом для дискуссий в процессе утверждения данного законодательного акта британским парламентом, а также в Ирландии и среди националистического сообщества Северной Ирландии. Данная норма была заменена в 1973 году, с принятием Конституционного акта о Северной Ирландии⁴ и с закреплением новой гарантии на основе «согласия большинства населения Северной Ирландии» (п. 2 статьи 1).

В статье 2 Акта 1949 г. было закреплено, что Ирландия не является иностранным государством, и объявлялось, что «несмотря на то, что Ирландия не является частью владений Его Величества, Ирландия не является иностранным

¹ The Republic of Ireland Bill, 1948—Committee and Final Stages // Seanad Éireann debates. 15 December 1948. Vol 36. P. 323.

² The Ireland Act 1949. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/12-13-14/41> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Heater D. Citizenship in Britain: a history. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2006. P. 224.

⁴ Northern Ireland Constitution Act 1973. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1973/36/contents> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

государством для целей любого действующего закона в любой части Соединенного Королевства, или в любой колонии, протекторате или подопечной территории Соединенного Королевства в отношении любого закона или любого другого акта или документа вообще, до или после принятия настоящего Акта, а также любой ссылки в любом акте Парламента, другом документе, до или после принятия этого закона, в отношении иностранцев, иностранных государств, иностранных или иностранной постройки морских или воздушных судов, должны толковаться соответственно».

В день вступления в силу закона, 18 апреля 1949 года, король Георг VI направил следующее послание Президенту Ирландии Шону Т. О'Келли:

«Я выражаю Вам мои самые искренние добрые пожелания в этот день, будучи хорошо осведомленным о добрососедских связях, которые удерживают людей в Ирландии в тесном сотрудничестве с моими подданными в Соединенном Королевстве. Я храню в благодарной памяти услуги и жертвы мужчин и женщин вашей страны, которые оказывали помощь нашему делу в недавней войне и внесших заметный вклад в наши победы. Я молюсь, чтобы благословение было с вами сегодня и в будущем»¹.

В 1996 году Группа по обзору Конституции проанализировала необходимость внесения изменений в Конституцию, относительно того, должно ли государство и впредь называться «Республика Ирландия». Был сделан вывод, что внесение соответствующей поправки в Конституцию не требуется².

Пятый этап. Вхождение и членство Ирландии в ЕС.

Ирландская Республика стала членом Европейских Сообществ 1 января 1973 года³. Вступление Ирландии в Сообщества явилось результатом более чем десятилетних усилий правительства страны. Процесс вхождения Ирландии в Сообщества имел уникальные особенности и оказал существенное влияние на все элементы правовой системы страны⁴.

Заявка Ирландии на вступление в Сообщества была подана 31 июля 1961 года. Ирландия подала заявку, будучи проинформированной Премьер-министром

¹ The Times, 18 April 1949.

² Constitution Review Group. "Articles IV: Name of State". Report of the Constitution Review Group. Dublin: Stationery Office, 1996. P. 7.

³ Галушко Д.В. Вступление Ирландии в Европейские Сообщества // Московский журнал международного права. - 2006. - № 2. - С. 216-226.

⁴ См. например: Keatinge P. Ireland and EC membership evaluated. London, 1991; O'Donnell R. Europe: the Irish experience. Dublin, 2000.

Великобритании Г. Макмилланом о том, что его правительство тоже решило сделать шаг на пути к европейской интеграции¹.

После многочисленных переговоров, в конце октября 1962 г. Европейский Совет согласился, наконец, начать переговоры о вступлении Ирландии в Сообщества «с даты, которая должна быть установлена соглашением Дублина с правительствами стран-членов ЕЭС». Премьер-министр Ирландии Лемасс сообщил эту новость Парламенту 30 октября 1962 года. «Однако формально переговоры с Ирландией не начнутся до тех пор, пока таковые не завершатся с Британией»². Неудача заявки Великобритании могла «привести к абсолютно новой ситуации для всех заинтересованных сторон и невозможность предугадать дальнейшее развитие событий»³. В январе 1963 года Президент Франции Шарль де Голль наложил вето на заявку о вступлении в ЕЭС Великобритании. Это означало, что усилия Ирландии также оказались безрезультатными.

После отказа во вступлении в ЕЭС Великобритании Правительство Ирландии решило отозвать свою заявку на вхождение в ЕЭС «до ухода из политики генерала де Голля». Конечно, теоретически Ирландия могла вступить в ЕЭС независимо от Соединённого Королевства, однако, вероятность членства в этом случае была чрезвычайно низка⁴. Премьер-министр Ирландии Лемасс заявил: «Провал переговоров ЕЭС с Британией потребует от нас пересмотра нашей позиции»⁵.

С отзывом в 1962 г. заявки закончилась первая попытка вступления Ирландии в Европейские Сообщества.

Вторая попытка вступления страны в процесс европейской интеграции началась в 1967 году. Эта попытка была предпринята Ирландией одновременно с Соединённым Королевством. Однако, Франция в очередной раз заблокировала переговоры. Генерал де Голль был в жёсткой оппозиции к Великобритании. Ситуация была парадоксальной. Голлистская идея «Европа отечеств» и упор на

¹ Harold Macmillan (UK prime minister) to Lemass, 26 July 1961, NA, D/T, S16877N.

² Dáil Debates, Vol. 197, Col. 3, 30 October 1962.

³ Dáil Debates, Vol. 197, Cols. 3-4, 30 October 1962.

⁴ Lemass to Seán MacBride (former Irish foreign minister), 7 May 1963, NA, D/T, S174227G/63; MacBride to Lemass, 10 June 1963, NA, D/T, S17427G/63; Lemass to MacBride, 13 June 1963, NA, D/T, S17427G/63.

⁵ Lemass speech to the Cork Chamber of Commerce, 15 November 1962, NA, D/T, S17389/62Annex.

развитие Общего рынка, при сохранении в неприкосновенности суверенных прав национальных государств, по существу, совпадала с британской концепцией ЕЭС как зоны свободной торговли. Возражения де Голля против вступления Великобритании в ЕС объяснялись лишь опасениями, что «особые отношения» Великобритании с США сделают её американским «троянским конём» в интегрированной Европе. Теми же мотивами было продиктовано отрицательное отношение де Голля к плану политической интеграции и переходу к общей внешней и оборонной политике¹. Французский Президент объяснял свои действия тем, что Британия была недостаточно «европейской» для членства в ЕЭС, намекая тем самым на её тесные отношения с США.

Третья попытка вхождения Ирландии в Европейские Сообщества была предпринята 30 июня 1970 года, когда третья заявка Ирландии была принята, что дало старт официальным переговорам правительства Республики и представителей Сообществ. Принятие заявок Ирландии, Великобритании, Дании и Норвегии было обусловлено уходом из политики французского президента де Голя. В ходе переговоров между Европейскими Сообществами и государствами-кандидатами, которые продолжались около двух лет, был учтён опыт предыдущих попыток вступления, поэтому они заняли непродолжительный промежуток времени².

Наконец, 22 января 1972 года был подписан Договор между государствами-членами Европейских Сообществ и Ирландии, Соединённого Королевства, Королевств Дании и Норвегии, который предусматривал процедуру вступления этих стран в Сообщества³.

В преамбуле Договора подчеркивалось, что вступление данных государств в Сообщества происходит на основе статьи 237 Договора, учреждающего Европейское экономическое сообщество, 1957 г. и статьи 205 Договора, учреждающего Европейское сообщество по атомной энергии, 1957 г., которые «дают европейским государствам возможность стать членами этих Сообществ».

¹ Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / под ред. Ю.А. Борко, О.В. Буториной. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 21.

² Desmond B. Reflections on the EEC Referendum, 1972. Dublin: University College Dublin, 2001. P. 58.

³ Treaty between the Member States of the European Communities and the Kingdom of Denmark, Ireland and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland concerning the accession of the Kingdom of Denmark, Ireland and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the European Economic Community and the European Atomic Energy Community (1972) // Official Journal. 27.03.1972. L. 73.

В соответствии со ст. 2 Договора он должен был быть ратифицирован вступающими государствами. Договор вступал в действие с 1 января 1973 года. Условия вступления Ирландии, Дании, Норвегии и Соединённого Королевства были определены в «Акте об условиях вступления и внесении изменений в Учредительные Договоры»¹. Как указывалось в п. 2 ст. Договора о вступлении, данный «Акт» являлся его неотъемлемой частью.

Согласно ст. 2 Акта, «с даты вступления положения Договоров и актов, принятых институтами Сообществ, становятся обязательными для вступающих стран и применяются в этих государствах в соответствии с Договорами и настоящим Актом».

В соответствии с Актом Ирландия должна была присоединиться к «решениям и соглашениям, одобренным представителями правительств государств-членов ЕС на заседаниях Совета». Ирландия должна была стать участницей всех соглашений, заключённых странами-членами ЕС, которые были направлены на обеспечение функционирования Сообществ. Обязательным было также участие в конвенциях, указанных в ст. 220 Договора о ЕЭС, и в Протоколах об интерпретации этих конвенций Судом Европейских Сообществ, подписанным государствами-членами ЕЭС (п. 2 ст. 3 Акта об условиях вступления и внесении изменений в Учредительные Договоры).

Пункт 3 ст. 3 Акта подчеркивал: «Новые государства-члены ЕС имеют такой же правовой статус, что и другие государства-члены ЕС в отношении деклараций и резолюций Совета и в отношении соглашений, затрагивающих работу Сообществ, одобренных совместными соглашениями государств-членов ЕС. Они обязуются соблюдать принципы и цели, вытекающие из этих деклараций, резолюций или других актов и обязуются принимать необходимые меры для их надлежащей имплементации».

В соответствии с п. 1 ст. 4 Акта «соглашения и конвенции, заключённые любым из Сообществ с третьими государствами, с международной организацией будут, в соответствии с Учредительными Договорами ЕС и данным Актом, обязательными для новых государств-членов ЕС. Вступающие в Европейские Сообщества государства обязуются присоединиться, в соответствии с условиями

¹ Act concerning the conditions of accession and the adjustments to the treaties (1972) // Official Journal. 27.03.1972. L. 73.

этого Акта, к соглашениям или конвенциям, заключённым государствами-членами ЕС или любым из Сообществ, действующих совместно, и соглашениям, заключёнными государствами-членами, связанных с этими соглашениями и конвенциями». Сообщества и государства-члены должны помогать вступающим странам в этом.

«Вступающие государства присоединяются в соответствии с настоящим актом к внутренним соглашениям Сообществ, заключённым государствами-членами для имплементации соглашений или конвенций, указанных выше. Кроме того, вступающие в Европейские Сообщества государства обязаны принять, когда это необходимо, соответствующие меры, для согласования своих позиций в отношении международных организаций и международных соглашений, в которых одно из Сообществ или другие государства-члены выступают участниками, а также права и обязанности которых вытекают из вхождения в Сообщества».

Дания и Великобритания были вынуждены выйти из состава Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), по причине вступления в Европейские Сообщества¹. Ирландия членом ЕАСТ никогда не являлась.

Ирландия добросовестно и своевременно провела внутригосударственную имплементацию учредительных договоров, документов о вступлении, актов институтов сообществ.

Конституция Ирландии была изменена с тем, чтобы её положения не препятствовали применению на территории страны права Сообществ. В соответствии со ст. 46 Конституции Ирландии, «каждое предложение об изменении основного закона государства должно быть инициировано в Палате представителей в виде законопроекта и принято или рассматриваться как принятое обеими палатами Парламента, после чего законопроект должен быть представлен на референдум для решения народом»².

Референдум в Ирландии преследовал двойную цель — одобрение гражданами вступления страны в Европейские Сообщества, а также внесение изменений в

¹ См.: Европейское международное право: Учебник / отв. ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова, П. В. Саваськов. М.: Международные отношения, 2005. С. 202.

² Constitution of Ireland - Bunreacht na hÉireann. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en/html> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

Конституцию (о применении права Сообществ на территории страны и приоритете права Сообществ над национальным правом).

Изданная в преддверии предстоящего референдума в январе 1972 года, Белая книга «Вступление Ирландии в Европейские Сообщества» была призвана рассеять главные страхи населения Ирландии — «возрастающая конкуренция приведёт к увеличению безработицы», а «членство в ЕЭС станет угрозой суверенитету Ирландии и разрушит существующую внешнюю политику военного нейтралитета»¹.

«Белая книга» предупреждала, что хотя и произойдёт некоторая потеря рабочих мест в «традиционных» секторах национальной экономики, но рабочие места, созданные иностранными инвесторами, привлечёнными в Ирландию перспективой доступа на рынок стран-членов ЕЭС, компенсируют эти потери. «Общий торговый эффект в самом худшем случае ожидался оказаться нейтральным, а в лучшем случае — очень позитивным»². Авторы документа немного лукавили. Они предостерегали о том, что «любой долгосрочный прогноз промышленного развития будет спекулятивным», так как «многое будет зависеть от реакции рабочих отраслей промышленности к новым условиям работы»³. «Белая Книга» утверждала, что членство в Сообществах «не скажется существенным образом на конкуренции, с которой столкнётся ирландская экономика на внутреннем рынке»⁴. В документе подчеркивалось, что как «очень маленькое независимое государство, но с небольшой, а иногда и без неё, возможностью влияния на события за рубежом, но которые значительно воздействуют на нас», Ирландия обладала незначительной экономической независимостью⁵.

Референдум о вступлении Ирландии в Европейские Сообщества состоялся 10 мая 1972 года. Вопрос, выносимый на референдум, был сформулирован в бюллетенях следующим образом:

¹ Coughlan A. Ireland / Eds. D. Seers, C. Vaitos Integration and unequal development. London, 1980. P. 123-124.

² McAleese D. Ireland and the European Community: the changing pattern of trade / Eds. P.J. Drudy, D. McAleese Ireland and the European Community // Irish Studies. Cambridge, 1983. P. 151.

³ The accession of Ireland to the European Communities: White Paper / Government of Ireland. Dublin:Stationery Office, 1972. P. 36-39.

⁴ Ibid. P. 35.

⁵ Ibid. P. 58-59.

«Билль 1971 года о внесении третьей поправки в Конституцию страны предлагает внести следующий подпункт к статье 29.4 Конституции:

3° Государство может стать членом Европейского сообщества угля и стали (созданного Договором, подписанным в Париже 18 апреля 1951 года), Европейского экономического сообщества (созданного Договором, подписанным в Риме 25 марта 1957 года) и Европейского сообщества по атомной энергии (созданного Договором, подписанным в Риме 25 марта 1957 года). Никакие положения Конституции не лишают силы изданные законы, принятые акты или меры, одобренные государством, которые в связи с обязательствами, вытекающими из членства в Сообществах, и не препятствуют изданию законов, принятию актов или мер, одобренных Сообществами или их институтами или компетентными органами в соответствии с договорами, создавшими Сообщества, иметь силу закона государства.

Цель этого предложения заключается в том, чтобы разрешить государству стать членом Сообществ, известных как Европейские Сообщества»¹.

Вхождение Ирландии в Сообщества было одобрено на референдуме. «За» высказались 1 041 890 избирателей из 1 264 278, явившихся на избирательные участки². 8 июня 1972 года Билль был подписан Президентом Ирландии и обнародован как закон.

После внесения изменений в Конституцию 16 декабря 1972 г. Парламентом Республики был принят «Акт о Европейских Сообществах»³. Акт законодательно обеспечивал закрепление членства Ирландии в Европейских Сообществах. Его целью была конкретизация правовых последствий, которые наступали для Ирландии после вступления в Сообщества.

В соответствии с п. 2 указанного Акта «с 1 января 1973 года договоры, которые регулируют функционирование Европейских Сообществ, а также действующие и будущие акты, одобренные институтами Сообществ, становятся обязательными для государства и становятся частью внутреннего права на условиях, закреплённых в этих договорах».

¹ Referendums in Ireland 1937-1999. Dublin: Stationery office, 1999. P. 16.

² Ibid. P. 17.

³ European Communities Act 1972 // Acts of the Oireachtas. № 27/1972.

Пункт 3 «Акта» предусматривал имплементацию правовых норм Сообществ в форме издания подзаконных актов. Таким правом были наделены министры Правительства (с последующим одобрением Парламента). В соответствии с пунктом 5 Акта Правительство Ирландии должно дважды в год отчитываться перед обеими Палатами Парламента о развитии Европейских Сообществ.

Таким образом, Ирландия официально стала членом Европейских Сообществ 1 января 1973 года и юридически оформила общие параметры механизма имплементации европейского права в стране. Со вступлением в Европейские Сообщества Ирландии, Великобритании и Дании впервые были опробованы и отработаны процедуры, которые будут впоследствии применяться при вступлении в эту организацию новых государств.

В заключение параграфа можно сделать следующие выводы:

В развитии ирландского государства можно выделить пять основных этапов: 1) провозглашение независимости Ирландии (1919 г.); 2) Ирландское Свободное государство (1921-1937 гг.); 3) принятие Конституции 1937 г.; 4) образование Республики Ирландия (1948 г.); 5) вхождение и членство Ирландии в ЕС (1973 г. - по наст. время).

Провозглашенные в 1919 г. Декларация независимости и Конституция Ирландии юридически оформили стремление страны к независимости от Великобритании. Вместе с тем, эта конституция не могла удовлетворить все потребности эффективно действующего государства. Указанные документы и «Демократическая программа» отражали демократический и республиканский характер движения за независимость. Конституция 1919 года не содержала упоминания о республике, в ней ничего не говорилось о представлении государства президентом, тем не менее, она определенно предназначалась стать временной конституцией для независимой республики. «Обращение к Свободным Нациям Мира» явственно продемонстрировало стремление Ирландии стать полноправным членом мирового сообщества и субъектом международного права, приверженцем гуманистических идеалов и принципов взаимоотношений между нациями и народами на международной арене. Тем не менее, независимая Ирландия не была признана ни одним государством мира.

В рамках второго этапа международно-правовой статус Ирландии можно охарактеризовать как двойственный. С одной стороны, согласно положениям Англо-ирландского договора, Ирландия рассматривалась как один из доминионов

Великобритании, с другой стороны, руководством образованного Ирландского Свободного государства был взят курс на полное отделение от бывшей метрополии. Конституцию Ирландского Свободного Государства и связанный с ней договор между Британским королевством и появившимся Ирландским государством можно рассматривать как успех движения за независимость Ирландии. По сравнению со своими предшественниками, конституция была написана для полноценного суверенного государства, которое волей-неволей оставалось в особых отношениях с Соединенным королевством. Уникальная форма этой конституции, как чего-то среднего между актами национального и международного права, была отражена в её содержании. С одной стороны, в конституции была отражена сущность суверенного государства, которая была сформулирована в догматических заявлениях о правах человека, предназначенных ирландскими лидерами для того, чтобы отметить разрыв с Великобританией. С другой стороны, Конституция не допускала полного разрыва с Англией, так как Ирландия признавалась доминионом Британского Содружества Наций.

Принятие новой Конституции Ирландии ознаменовало новый, третий этап в развитии ирландского государства. По сравнению с Конституцией 1922 года, в проекте нового Основного закона не было ограничительных статей, навязанных англо-ирландским договором и ущемлявших национальный суверенитет. Тем не менее, Англия сохранила за собой право утверждать дипломатических представителей Ирландии за границей и заключаемые ею международные договоры. Однако, на практике Ирландия в вопросах внешней политики действовала независимо, а порой даже и в ущерб интересам Англии. Кроме того, Конституция 1937 года подтвердила принятие католических принципов как руководящих для политической жизни страны и политических институтов. Таким образом, принципы и заповеди, извлеченные из Католической социальной теории, были смешаны с либеральными и демократическими элементами, происходившими из британской правовой традиции.

Четвёртый этап можно рассматривать в качестве формальности. Именно с принятием Акта о Республике Ирландия 1948 г. де-юре было создано полностью независимое от Великобритании Государство Ирландия. Хотя де-факто оно уже существовало многие десятилетия. Именно утверждение положений о правомочиях в отношении осуществления внешней политики рассматривается как окончательное оформление государственности страны и закрепление её суверенитета.

В рамках пятого этапа Ирландия стала членом Европейских Сообществ с

третьей попытки. Главные препятствия ко вступлению Ирландии в Сообщества лежали исключительно в политической плоскости; они были обусловлены всесторонней зависимостью страны от Великобритании, а также политикой нейтралитета страны. Юридических препятствий для вхождения Ирландии в ЕС не существовало. Членство Ирландии в ЕС является одним из наиболее значимых этапов в жизни государства, в развитии национальной правовой системы и деятельности страны на международной арене.

§ 3. Определение статуса Северной Ирландии в условиях членства в ЕС.

1. Возникновение и развитие конфликта в Северной Ирландии.

Со второй половины XX в. все более весомую роль в международных отношениях начали играть региональные конфликты, основой которых, чаще всего, являются этнические и религиозные разногласия. «Ольстерская проблема» является примером такого конфликта, и в настоящее время имеет важное международное значение и поэтому является актуальной для научных исследований.

Анализируя истоки и эволюцию противоречий между католиками и протестантами в Северной Ирландии, мы обнаружим корни «Ольстерской проблемы», увидим, какие факторы в конце концов привели к непримиримой конфронтации между двумя соседними общинами.

Предпосылки возникновения конфликта в Северной Ирландии можно проследить еще с XII в., от первых попыток англичан завоевать Ирландию. В период раннего средневековья Ольстер был самостоятельным королевством. После вторжения англо-нормандских феодалов в Ирландию в XII в. Ольстер формально стал подвластен английской короне. С распространением английской власти на весь остров в XVI в. Ольстер был превращен в одну из четырех провинций Ирландии и к тому же оказался более промышленно развитым, чем другие провинции¹.

Формальным поводом для англо-норманнского вторжения в Ирландию стала папская булла 1155 года, в которой Папа Адриан IV позволил Генриху II отправиться

¹ Валуев А. В. Проблема национализма в современной национальной политики Великобритании // Клио. 2004. № 2. С. 81–84.

в Ирландию и «реформировать» её церковь¹. С 1169 по 1171 гг. англо-норманнские завоеватели одержали в юго-восточной Ирландии ряд легких побед. Первый этап завоевания Ирландии завершился в 1177, когда Генрих провозгласил своего младшего сына Джона «Королем Ирландии»². Несмотря на эти успехи, в правление Генриха VIII английская колонизация Ирландии не была продолжена. В то время для Англии существовал ряд более приоритетных задач как внешней («Столетняя Война»), так и внутренней политики («Война Роз»).

Во времена правления Елизаветы (1558-1603 гг.) колонизация Ирландии получила свое продолжение. После «реформации» Генриха VIII два соседних острова разъединяли уже не только этнические, но и религиозные разногласия³.

Наиболее бурной провинцией был Ольстер (север Ирландии). После подавления восстаний 1567 г. и 1597-1603 гг.⁴ английская администрация решила применить новый метод колонизации. Если раньше большие участки земли раздавались английским феодалам, то на этот раз колонизаторами становились простые люди. Чаще всего это были религиозные диссиденты (шотландские пресвитериане), отставные офицеры (которых так вознаграждали за службу), то есть люди, которые могли постоять за себя и которым было нечего терять. С годами развивалось своеобразное чувство Ольстерского протестантского национализма. Потомки английских и шотландских колонистов переставали считать себя англичанами и шотландцами. Своей Родиной они считали Ольстер, чьи земли законно — с королевской санкции — получили их предки, которые здесь жили и похоронены. Эти земли ольстерцы-протестанты готовы были с оружием в руках защищать от ольстерцев-католиков, потомков коренного населения⁵.

С начала XVII в. происходила масштабная колонизация Ольстера английскими и шотландскими поселенцами, укрепление их господства на ирландских землях и в частности на северо-востоке острова Ирландия,

¹ The Bull of Pope Adrian IV Empowering Henry II to Conquer Ireland. A.D. 1155 // Yale Law School. The Avalon Project. URL: <http://avalon.law.yale.edu/medieval/bullad.asp> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Hayes-McCoy G. A. Irish Battles: A Military History of Ireland. Longmans, Green and Co. Ltd, 1969. URL: <http://www.ebooksdownloadfree.com/History-Military/Irish-Battles-A-Military-History-of-Ireland-BI1222.html> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Spenser E. A View of the present State of Ireland // CELT: The Corpus of Electronic Texts. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/E500000-001/index.html> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁴ Hayes-McCoy G. A. Irish Battles: A Military History of Ireland. Longmans, Green and Co. Ltd, 1969. URL: <http://www.ebooksdownloadfree.com/History-Military/Irish-Battles-A-Military-History-of-Ireland-BI1222.html> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁵ Proclamation by Queen Elizabeth I (1599) // National Library of Ireland. URL: <http://www.nli.ie/1916/pdf/2.pdf> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

осуществлялась особенно жестокая социально-экономическая дискриминация местного населения, которое, в свою очередь, оказало ожесточенное сопротивление поселенцам¹.

После «ирландского» похода Кромвеля и поражения якобитов² в битве на р. Бойн в 1691 г., колонизацию Англией Ирландии можно было считать завершенной. Итоги XVII в. оказались ужасными для католиков Ирландии. Если в 1641 году у ирландцев-католиков было 59% ирландской земли, то в 1660 году, после кромвелевской колонизации, эта цифра снизилась до 22%, а уже в правление Вильгельма Оранского (1688-1702 гг.) — до 14%. В правление короля Георга I (1714-1727) процент земель, принадлежавших ирландцам-католикам, снизился до 7³.

XVIII век прошел под знаком попыток английских властей искоренить католицизм среди ирландского населения. Был издан целый ряд законов, которые исследователи объединяют под названием «Карательных законов»⁴.

В Ирландии Карательные законы⁵ представляли собой серию законов, введенных в действие под предлогом защиты англиканской церкви от посягательств католиков⁶, а также в попытке заставить ирландских католиков и инакомыслящих протестантов принять реформированную деноминацию, как это было определено созданной в Великобритании Англиканской церковью и практиковалось членами Церкви Ирландии⁷. Все остальные уголовные законы были окончательно отменены Соединенным Королевством Великобритании и Ирландии (то есть, до создания Ирландского Свободного Государства) в Акте о правительстве Ирландии 1920 г.⁸ Настойчивые попытки английских властей преследовать католицизм лишь усилили

¹ См. напр.: Robinson P.S. The Plantation of Ulster: British Settlement in an Irish Landscape, 1600-1670. Belfast: Ulster Historical Foundation, 2000.

² Сторонников короля Якова, которые, в основном, были католиками.

³ Connolly S. J. Divided Kingdom: Ireland 1630-1800 (Oxford History of Early Modern Europe). Oxford University Press, 2008. URL: <http://www.ebooksdownloadfree.com/History-Military/Divided-Kingdom-Ireland-1630-1800-Oxford-Historyof-Early-BI8529.html> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁴ Penal laws. URL: <http://library.law.umn.edu/irishlaw/intro.html#BACKGND> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁵ Na Péindlíthe - ирл.

⁶ Fry P., Somerset Fry F. A History of Ireland. London: Routledge, 1991. P. 170.

⁷ Jackson T.A. Ireland Her Own. London: Lawrence & Wishart, 1990. P. 84.

⁸ Government of Ireland Act 1920. URL: http://www.bailii.org/nie/legis/num_act/1920/192000067.html (дата обращения: 01.04.2022 г.).

связь церкви с массами ирландского населения. Католическая вера и ирландский национализм становились синонимами¹.

Рассматривая эволюцию конфронтации между католиками и протестантами в Ольстере, невозможно обойти вопрос о голоде в Ирландии 1845-1849 гг. Дело в том, что жизнь ирландского крестьянства (которое в то время составляло основную массу населения) очень зависела от урожая картофеля. Виновником трагедии стала фитофтора. Крестьяне не знали, как бороться с этим грибом. Ветер, дождь, туман и насекомые переносили болезнь на удивление быстро — до начала 1846 г. грибок распространился на все графства Ирландии. В результате, за период 1845-1849 гг. от голода умерло около 800 000 человек и около миллиона ирландцев выехало в основном в США, а также в Австралию. С этих событий берет свое начало формирование влиятельной американско-ирландской общины за рубежом. Учитывая то, что на 1845 год население всего острова оценивалось в 8 млн., это были огромные цифры (каждый десятый погиб)². Большинство ирландцев обвинили английскую власть в таких ужасных последствиях, что только добавило проблем во взаимоотношениях между двумя нациями³.

В политической плоскости отображение «Ольстерского конфликта» появилось с появлением «проблемы гомруля». Термин «Гомруль» является калькой с английского словосочетания «Home rule» и означает предложение депутатов британского парламента от Ирландии (которые объединились в «Лигу гомруля») по созданию в Ирландии местного парламента и предоставления, таким образом, определенной автономии острову. Но не все депутаты от Ирландии объединились в «Лигу гомруля». Те, которые были протестантами (а большинство этих депутатов были из Ольстера), в 1905 объединились в «Ольстерскую Юнионистскую Партию» («ОЮП»), целью которой было сохранение Ирландии в непосредственном административном подчинении Великобритании⁴.

¹ Nicholson A. Annals of the famine in Ireland, in 1847, 1848, and 1849. New York : E. French, 1851 // History of Ireland: Primary Documents. URL: <http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/History/History-idx?type=header&id=History.NichoAnnal> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Kenny K. Ireland and the British Empire (Oxford History of the British Empire Companion Series). Oxford University Press, USA, 2006. URL: <http://mirknig.com/knigi/history/1181391157-ireland-and-the-british-empire-oxford-history-of-the-britishempire-companion-series.html> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Keating G. The History of Ireland. Ex-classics Project, 2009 // CELT: The Corpus of Electronic Texts. URL: <http://www.exclassics.com/ceitinn/foras.pdf> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁴ Cottrell Peter. The War for Ireland 1913-1923. Osprey Publishing, 2009 // Books.tr200net. URL: <http://books.tr200.net/f.php?f=military+history+of+ireland> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

Четыре билля об ирландском гомруле были рассмотрены в Палате общин Соединенного Королевства в конце XIX и начале XX веков. Главной их целью было предоставление самоуправления и национальной автономии всей Ирландии в составе Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и изменение Акта о союзе 1800 г.¹

В 1886 г. первый ирландский Билль о гомруле не был одобрен даже Палатой общин. Второй ирландский Билль о гомруле был принят в Палате общин в 1893 году, но не был одобрен в Палате лордов. Третий ирландский Билль о гомруле был принят как Акт о правительстве Ирландии 1914 г. Однако он так и не вступил в силу из-за начала Первой мировой войны и Пасхального восстания в Дублине 1916 г. Наконец, в 1920 г. четвертый ирландский Билль о гомруле был принят как Акт о правительстве Ирландии 1920 г., который провозгласил Ирландию разделенной на Северную и Южную, как самоуправляющиеся образования в рамках Соединенного Королевства, однако, несмотря на это, в дальнейшем произошел раздел острова Ирландия на две части и провозглашение независимости Ирландского Свободного Государства в 1922 году.

В 1920 году английский пэр Лорд Монтигл (Lord Monteaagle) предложил в Палате лордов свой Билль о доминионе Ирландия одновременно со схожим биллем правительства². Этот законопроект предполагал наделение единой Ирландии обширными правами по управлению внутренними делами как доминиона в рамках Империи, в то время, как иностранные дела и вопросы обороны должны были остаться в компетенции британского правительства. Законопроект лорда Монтигла был отвергнут во втором чтении³.

После войны за независимость 1919-1923 гг. и гражданской войны 1922-1923 гг. территория острова была разделена на два государственных образования: доминион «Ирландское Свободное Государство» с широкими автономными правами и «Северная Ирландия» (создана из 6 графств провинции Ольстер), как неотъемлемая часть Великобритании⁴. С момента провозглашения конституции Ирландского Свободного Государства (которое этим документом получало название

¹ Union with Ireland Act 1800. URL: <http://www.legislation.gov.uk/apgb/Geo3/39-40/67> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² URL: <http://hansard.millbanksystems.com/lords/1920/jul/01/dominion-of-ireland-bill-hl> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Ibid.

⁴ Dickson B. Law in Northern Ireland. London: Bloomsbury Publishing, 2014. P. 68-69.

«Эйре» (Ирландия)¹, ольстерскую проблему следует понимать, как официальное несогласие, закрепленное в конституции, руководства доминиона Ирландии с существующим государственным статусом Северной Ирландии и острые межобщинные противоречия внутри самой Северной Ирландии.

Развитие ольстерской проблемы можно разделить на три основных этапа. На первом, который длился с 1921 г. до конца 60-х годов XX в., вся полнота власти в Северной Ирландии принадлежала протестантам, а отношения между двумя общинами все больше обострялись; второй — с конца 60-х годов до начала 90-х годов — характеризуется интенсивной борьбой католического меньшинства за свои права и вмешательством британского правительства в урегулирование проблемы; особенностью третьего этапа, который начался в 90-х годах XX ст. и продолжается до сих пор, является начало многосторонних переговоров о дальнейшей судьбе Ольстера и уменьшение напряжения на северо-востоке ирландского острова.

Используя национальные, а также религиозные (между католиками и протестантами) противоречия, английские консерваторы накануне Первой мировой войны превратили Ольстер в оплот борьбы против автономии Ирландии и в опорную базу юнионистов, которые выступали за сохранение англо-ирландской унии 1801 г.² В 1916 году возникла Ирландская Республиканская Армия (ИРА)³. Юнионисты Ольстера традиционно выступали за сохранение британского правления над Северной Ирландией, а республиканцы — за ее отделение от Соединенного Королевства и присоединение к Ирландской Республике. Противостояние осложнялось еще и тем, что юнионисты в своем большинстве были протестантами, а республиканцы — католиками⁴.

В 1919-1921 гг. произошла англо-ирландская война, вследствие которой Ирландия получила независимость от Великобритании, за исключением шести северо-восточных графств Ольстера — Северной Ирландии. Они остались в составе Соединенного Королевства, что и привело к возникновению ольстерской проблемы.

Лишь в 1949 году Ирландия вышла из Британского содружества наций и стала полностью независимой. Однако, в Конституции было сохранено положение о том, что Ольстер является ее неотъемлемой частью. Католики, которые остались в шести

¹ Cottrell P. The War for Ireland 1913-1923. Dublin: Osprey Publishing, 2009. P. 83.

² Keenan D. Ireland Within The Union 1800-1921. Xlibris Corporation, 2008. P. 211.

³ Van Engeland A., Rudolph R.M. From Terrorism to Politics. London: Ashgate Publishing, 2013. P. 52.

⁴ См.: Walker G. A History of the Ulster Unionist Party: Protest, Pragmatism and Pessimism. Manchester: Manchester University Press, 2004.

графствах севера — Ольстере, стали этническим и конфессиональным меньшинством, а протестанты, соответственно, большинством. Два враждующих сообщества делали все для углубления раскола. Католики требовали создания отдельных школ и расселялись компактными «гетто». Одновременно проводились террористические акции ИРА: в 1930-е годы, в период Второй мировой войны, в 1950-е годы. Постепенное нарастание напряжения в Северной Ирландии вызвало также неравномерное социально-экономическое развитие двух общин, ведь после 1921 года католическое меньшинство на Севере испытывало все большие притеснения юнионистов на выборах, при распределении государственного жилья, в сфере занятости и образовании¹.

Протестантское население Северной Ирландии имело наибольший политический вес в обществе, поскольку представители католической общины не участвовали в работе выборных органов, считая их нелегитимными. Юнионисты преобладали в Парламенте и местном правительстве, а также доминировали в судебной системе и в составе местных полицейских сил Северной Ирландии (The Royal Ulster Constabulary (RUC) и Ulster Special Constabulary («B-Specials»). Однако, ощущая себя меньшинством на острове Ирландия в целом, остерегаясь ассимиляции со стороны католиков и ирредентизма со стороны Республики Ирландия, протестантское население дискриминировало католическое меньшинство в социально-политической, экономической, образовательной и других сферах².

В конце 60-х годов усилилась борьба католического меньшинства за свои права, поскольку в Северной Ирландии существовала настоящая дискриминация по конфессиональному и национальному признакам. Эскалация насилия в регионе разразилась в 1969 году, когда в нескольких городах Северной Ирландии произошли уличные бои между протестантами и католиками.

Таким образом, с конца 60-х годов в Северной Ирландии началась гражданская война. ИРА развернула активную борьбу. Двумя основными источниками пополнения arsenалов ИРА были США и Ливия. Повстанцы постоянно поддерживали связи с другими террористическими группировками, но при этом, в отличие от исламских экстремистов, никогда не стремились к массовым убийствам

¹ Kelley R., Tuck S. The Other Special Relationship: Race, Rights, and Riots in Britain and the United States. New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 106.

² Механизмы общественного участия и многоканальной дипломатии в мирных процессах: уроки из Северной Ирландии. International Alert, 2014. С. 27.

мирных граждан. Чисто по-европейски всегда старались заранее сообщить о заложенных бомбах, демонстрируя этим, борьбу с «системой», а не с людьми¹.

Пытаясь поставить ситуацию под контроль, чтобы справиться с создавшимся положением, местное правительство было вынуждено обратиться за помощью к правительству Великобритании, которое в августе 1969 г. ввело в Северную Ирландию регулярные войска². С 1969 и по 1998 год проходила «горячая» фаза современного периода «Ольстерского конфликта». Изначально предполагалось, что для поддержания мира войска вводились в Северную Ирландию на 2-3 месяца, а оказалось — на 38 лет.

До 1972 г. управление Северной Ирландией осуществлялось правительством Великобритании на основании Акта о правительстве Ирландии 1920 года³. При этом регион обладал достаточно широкими полномочиями в отношении внутренних дел. Британская монархия была представлена губернатором. В Северной Ирландии функционировала собственная система органов власти с правительством и двухпалатным парламентом — Стормонтом.

Однако, в марте 1972 года было введено прямое правление из Лондона. Брайан Фолкнер, тогдашний премьер-министр Северной Ирландии, был вызван в Лондон 24 марта 1972 года. Эдвард Хит, тогдашний премьер-министр Великобритании, сообщил Фолкнеру, что полномочия в отношении политики безопасности будут переданы в Лондон. Это было неприемлемо для юнионистов, которые контролировали правительство Северной Ирландии, и это побудило британское правительство отстранить парламент Северной Ирландии в Стормонте и возложить на себя «полную и прямую ответственность». Североирландский парламент провел свое последнее заседание 28 марта 1972 г.

Брайан Фолкнер и его правительство ушли в отставку, тем самым завершив пятидесятилетний период нахождения юнионистских правительств у власти в Северной Ирландии. «Мы чувствуем, что мы, в нашем стремлении обеспечить

¹ Орлова М. Е. Северная Ирландия: опыт преобразований в расколотом обществе / РАН, Ин-т сравнительной политологии проблем рабочего движения. М.: Наука, 1994. С. 112–115.

² Механизмы общественного участия и многоканальной дипломатии в мирных процессах: уроки из Северной Ирландии. *International Alert*, 2014. С. 27.

³ Government of Ireland Act, 23 December 1920. 10 & 11 George 5 Ch. 67. URL: http://www.bailii.org/nie/legis/num_act/1920/192000067.html (дата обращения: 01.04.2022 г.).

справедливое управление в Ольстере, были преданы из Лондона», — заявил Фолкнер в тот же день¹.

Впоследствии неоднократно делались попытки возобновления деятельности региональных органов власти, но уже на новых принципах, которые гарантировали бы католической общине конституционное участие в жизни региона.

Несмотря на присутствие британских войск в регионе, ИРА в течение 70-80-х годов вела эффективную кампанию, время от времени делая некоторые части Ольстера недоступными для англичан. Рубеж десятилетий был пиком могущества ИРА. Полиция и армия не могли справиться с повстанцами. Взрывы гремели по всей Англии. Лондон привык к еженедельным кровопролитным акциям повстанцев. Боевики ИРА таким образом пытались достичь своих целей — безвозвратного перехода шести северо-восточных графств Ольстера под юрисдикцию Республики Ирландия и прекращения дискриминации граждан². Британское правительство стремилось преодолеть кризис, пересмотрев механизмы управления и принятия властных решений в Северной Ирландии, обеспечивая участие в этом представителей политических сил националистического толка³.

При этом, необходимо учитывать, что важнейшим аспектом процесса урегулирования североирландского конфликта являлись британо-ирландские взаимоотношения, которые отличались сложностью и противоречиями. Тем не менее, правительство Великобритании стремилось учитывать требования Ирландии об обеспечении надлежащего уровня защиты гражданских прав и прав человека, инициируя, в процессе урегулирования ольстерского конфликта создание правительства Северной Ирландии на основе принципа пропорционального представительства, которое обеспечивало бы участие в его деятельности как юнионистов, так и националистов. Политическая стабильность не была восстановлена прямым управлением, введенным в 1972 году. Однако, британское правительство изначально рассматривало его как способ открытия пространства, в котором могли бы быть построены новые институты децентрализации и управления⁴.

¹ Northern Ireland Constitutional Convention – Background Information. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/convention/back.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Cronin A.K. *How Terrorism Ends: Understanding the Decline and Demise of Terrorist Campaigns*. Princeton: Princeton University Press, 2009. P. 43.

³ См.: Dixon P. *Northern Ireland: The Politics of War and Peace*. London: Palgrave Macmillan, 2001. P. 135-144.

⁴ Ruane J., Todd J. *Patterns of conflict resolution: what made the difference between failure and success in settlement initiatives in Northern Ireland?* Dublin: IBIS Working Paper, 2011. P. 6.

Следует отметить, что юнионисты выступали против создания нового североирландского правительства на основе принципа пропорционального представительства политических сил, настаивая на применяемом ранее британском принципе формирования правительства — принципе большинства. Они полагали, что пропорциональный принцип является недемократичным и способным продуцировать лишь слабые правительства¹.

В 1972 году три партии из семи, представленные в парламенте Северной Ирландии, а именно: Юнионистская партия Ольстера, Партия альянса и Лейбористская партия Северной Ирландии, приняли решение участвовать в организованной трехдневной конференции, которая была посвящена обсуждению будущих направлений конституционных реформ в Северной Ирландии². Государственным секретарем по делам Северной Ирландии Уильямом Уайтлоу их представителям для обсуждения была представлена Зеленая книга «Будущее Северной Ирландии: доклад для обсуждения»³.

В ходе дискуссии о будущем развитии Ольстера, был обсужден самый широкий спектр вопросов будущего развития региона, в частности, вопросы разделения полномочий между Великобританией и Северной Ирландией, создания будущих региональных органов власти, вопросы возможного участия Республики Ирландия в делах Ольстера.

Кроме того, оставался неразрешенным еще один, чисто юридический вопрос. В 1949 г. Великобританией был принят Акт об Ирландии⁴, поскольку Ирландия вышла из Британского Содружества. Данный законодательный акт формально определял отношения Соединенного Королевства и Ирландии. В нем указывалось, что Северная Ирландия оставалась частью доминионов Его Величества и Соединенного Королевства, и подтверждалось, что Северная Ирландия или любая ее часть ни при каких событиях не перестанут быть частью доминионов Его Величества и Соединенного Королевства без согласия парламента Северной Ирландии.

Однако, в связи с тем, что в 1972 году деятельность североирландского парламента была приостановлена, в целях подтверждения статуса Северной

¹ Farren S. The Northern Ireland Experience. Does changing the question make agreement more possible? // *Caucasus International*. 2011. Vol. 1. № 1. P. 159.

² Wolff S. Context and Content: Sunningdale and Belfast Compared. URL: <http://www.stefanwolff.com/files/sunningdaleto Belfast.pdf> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ The Future of Northern Ireland: A Paper for Discussion // *Green Paper*, 1972. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/hmso/nio1972.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁴ Ireland Act, 1949. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/hmso/irelandact1949org.pdf> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

Ирландии было принято решение о проведении 8 марта 1973 г. соответствующего референдума¹. В ходе данного референдума жителям Северной Ирландии необходимо было определить, оставаться ли их региону в составе Соединенного Королевства или войти в состав Республики Ирландия. В результате 98,92% проголосовавших граждан высказались за то, чтобы Северная Ирландия осталась доминионом Великобритании. Явка составила 58,66%². Следует заметить, что такие ошеломительные результаты объяснялись бойкотом католиками этого референдума, что, несмотря на формальное подтверждение статуса региона, способствовало продолжению кризиса в Северной Ирландии.

20 марта 1973 г. была опубликована Белая книга британского правительства «Северная Ирландия — Конституционные предложения»³. Правительство предлагало принять конституционный закон о статусе Северной Ирландии, в котором было бы объявлено о том, что Ольстер остается частью Соединенного Королевства с представительством в 12 членов в британском парламенте. В параграфе 39 было предложено учредить Ассамблею Северной Ирландии, состоящую из 80 членов, избираемых на основе пропорционального представительства в тех же 12 избирательных округах, что и для избрания членов британского парламента. Несмотря на создание Ассамблеи взамен Стормонтского парламента, британский парламента продолжал обладать законодательными полномочиями в отношении всех вопросов Северной Ирландии. Пост Государственного секретаря по делам Северной Ирландии, который одновременно являлся членом британского кабинета министров, предлагалось сохранить.

18 июля 1973 года был введен в действие Акт о Конституции Северной Ирландии⁴, который во многом повторял предложения, закрепленные в Белой Книге. Прежде всего, в статье 1 было установлено, что Северная Ирландия является частью Соединенного Королевства, и что она не может потерять такой статус без согласия большинства её населения. В части 2 данного Акта предусматривалось создание системы законодательных и исполнительных органов. Положения Акта во

¹ Bogdanov V. Western Europe // Referendums around the world: the growing use of direct democracy. Ed. by D. Butler, A. Ranney, AEI Press, 1994. P. 37-38.

² Referendum («Border Poll») // Thursday 8 March, 1973. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/issues/politics/election/ref1973.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Northern Ireland - Constitutional Proposals (White Paper; 1973). URL: <http://cain.ulst.ac.uk/hmsocmd5259.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁴ Northern Ireland Constitution Act, 1973. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/hmsocnica1973.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

многим повторяли предложения Белой книги британского правительства. 31 июля 1973 г. было проведено первое заседание Ассамблеи Северной Ирландии, а 21 ноября 1973 г.¹ был учрежден исполнительный орган с пропорциональным представительством.

6-9 декабря 1973 г. в г. Саннингдейл² была проведена конференция с участием представителей правительств Великобритании и Ирландии, а также исполнительного органа Северной Ирландии. В ходе конференции каждая из делегаций высказали свои позиции по статусу Северной Ирландии. Представители Ирландии согласились с существующим статусом Ольстера, который может быть изменен только большинством населения этого региона. Представители Северной Ирландии, которые в основном относились к Юнионистской партии Ольстера и Партии альянса Северной Ирландии, заявили, что воля народа Северной Ирландии остаться частью Великобритании была ясно выражена. Было предложено создание консультативной ассамблеи, которая должна была выполнять консультативные и контрольные функции. Её состав был определен в 60 членов — по тридцать от Парламента Ирландии и Ассамблеи Северной Ирландии. На конференции было достигнуто соглашение о создании Совета Ирландии, который будет состоять из представителей исполнительных органов двух частей Ирландии с соблюдением интересов британского правительства. В контексте функций по гармонизации проводимых политик, Совет Ирландии должен был, среди прочего, заняться работой, касающейся вопросов членства Ирландии и Великобритании в Европейских Сообществах. По окончании конференции было опубликовано итоговое коммюнике³.

15 мая 1974 г. Советом рабочих Ольстера, который активно поддерживали юнионисты, было объявлено о начале всеобщей забастовки как выражение протеста против реализации мер, закрепленных в коммюнике по результатам Саннингдейлской конференции. После двухнедельных акций протеста 28 мая 1974 г. исполнительный орган Северной Ирландии во главе с Брайаном Фолкнером был вынужден уйти в отставку⁴.

¹ A Chronology of the Conflict, 1973. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/othelem/chron/ch73.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² The Sunningdale Agreement, 1973. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/sunningdale/agreement.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Ibid.

⁴ A Chronology of the Conflict, 1974. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/othelem/chron/ch74.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

17 июля 1974 года британским парламентом был принят Акт о Северной Ирландии¹, который стал результатом провала реализации итогов Саннингдейлской конференции. Акт санкционировал роспуск Ассамблеи Северной Ирландии, передавая её законотворческие полномочия британскому правительству. Акт был принят как временная мера, со сроком действия один год. Однако, он закрепил полномочие Государственного секретаря по Северной Ирландии издавать ежегодные приказы, продлевающие действие этого Акта. Исходя из этого, Акт 1974 года оставался в силе вплоть до 1999 г., иными словами до времени создания институтов, предусмотренных Договором Страстной пятницы 1998 года².

Акт 1974 года предусматривал создание Конституционного конвента, который, в конечном итоге, не смог достичь всеобщего консенсуса по новым конституционным положениям, и был распущен в 9 марта 1976 г.³ Кроме того, британским правительством было объявлено о продлении на неопределенный срок режима прямого правления.

Следует особо отметить, что последующий Белфастский договор 1998 г., на котором базируется нынешняя система мирного урегулирования ольстерского конфликта, во многом напоминает Саннингдейлское коммюнике, реализация которого полностью провалилась.

2. Попытки урегулирования Ольстерского конфликта и Британо-ирландский договор 1998 года

Начало 80-х годов внесло новые акценты в отношения между Великобританией и Ирландией по вопросу Северной Ирландии. Основными этапами развития отношений на межправительственном уровне стали встречи, которые состоялись в 1980 г.: 21 мая (в Лондоне) и 8 декабря (в Дублине), а затем 6 ноября 1981 года снова в британской столице. Если первая встреча не привлекла особого внимания и лишь показала, что новое консервативное правительство Великобритании во главе с М. Тетчер стремится продемонстрировать свою

¹ The Northern Ireland Act, 1974. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1974/28/contents> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Elliot M. The Long Road to Peace in Northern Ireland. Liverpool: Liverpool University Press, 2007. P. 6.

³ Northern Ireland Constitutional Convention – A Chronology of Main Events. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/convention/chron.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

заинтересованность в сотрудничестве с Ирландией, то следующая британо-ирландская встреча премьер-министров имела определенный результат.

В коммюнике об итогах переговоров в декабре 1980 г. британской делегации с премьер-министром Ирландии и другими официальными лицами указывалось, что экономические, политические и социальные связи между Соединенным Королевством и Ирландской Республикой являются неразрывными, однако, полному развитию этих связей мешают раскол в Северной Ирландии¹. Для преодоления сложившейся ситуации, стороны договорились провести совместное изучение целого ряда вопросов, которые составляют общий интерес и среди которых могут быть такие, как новые институциональные структуры, права граждан, проблемы безопасности, экономическое сотрудничество и мероприятия, которые бы способствовали взаимопониманию. Два премьер-министра, которые отметили ещё в ходе своей предыдущей встречи стремление установления нового и более тесного сотрудничества, теперь договорились, что на последующих переговорах, намеченных на 1981 г., особое внимание будет уделено всей совокупности отношений на этих островах².

Несмотря на достигнутую в ноябре 1981 г. в Лондоне договоренность между М. Тетчер и премьер-министром Ирландии Г. Фитцджеральдом о создании англо-ирландского межгосударственного совета с целью развития и поддержки тесных связей между Лондоном и Дублином, отношения между двумя странами стали вновь усложняться. При чем в ухудшении отношений даже сыграла случайная, но очень оскорбительная для ирландцев оговорка Тэтчер, которая публично назвала Ирландскую Республику «Ирландским Свободным Государством». Сыграли свою роль и такие моменты, как общественное возмущение Англии взрывами бомб ИРА в Лондоне, а также нежелание Лондона сразу признавать ответственность за неумышленное потопление ирландского траулера «Шарелга» британской подводной лодкой у берегов «изумрудного острова». Основным же поводом для недовольства Великобритании была реакция Дублина на «фолклендский конфликт», а Ирландской Республики — на Белую книгу британского правительства «Конституционные предложения для Северной Ирландии»³. Спад в англо-

¹ MacGinty R., Darby J. Guns and Government: The Management of the Northern Ireland Peace Process. Palgrave, Houndmills, 2002.

² Keating G. The History of Ireland // CELT: The Corpus of Electronic Texts. URL: <http://www.exclassics.com/ceitinn/foras.pdf> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Northern Ireland Constitutional Proposals: White Paper. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/hms0/cmd5259.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

ирландских отношениях продолжался и в 1983 г., хотя премьер-министры двух стран заявили после встречи в Брюсселе на заседании Европейского Совета о начале процесса улучшения отношений между двумя странами.

Тем не менее, правительства Ирландии и Великобритании решили взять инициативу в свои руки и найти компромисс. 15 ноября 1985 года они подписали Англо-Ирландское соглашение (Хиллсборское соглашение). В отличие от Саннигдейлского, которое было оформлено в виде коммюнике, данное Англо-Ирландское соглашение¹ было оформлено в виде международного договора, который был зарегистрирован в ООН.

Основной целью соглашения являлось обеспечение начала мирного процесса в Северной Ирландии. Оно регламентировало различные вопросы, связанные с созданием межгосударственной конференции, закреплением прав граждан, совместными действиями в области безопасности и трансграничного сотрудничества в экономической, социальной и культурной сферах.

Статья 1 Соглашения касалась статуса Северной Ирландии, закрепляя, что два правительства:

а) подтверждают, что изменение статуса Северной Ирландии может произойти толком по желанию большинства населения Северной Ирландии;

в) признают, что в настоящее время большинство населения Северной Ирландии не желает изменения существующего статуса;

с) объявляют, что если в будущем большинство населения Северной Ирландии выразит свое ясное желание и формальное согласие на создание единой Ирландии, то оба правительства иницируют и поддержат соответствующие законодательные меры обоих Парламентов для реализации такого решения².

Кроме того, правительства двух стран закрепили положение о необходимости созыва межправительственной конференции для обсуждения различных вопросов, относящихся к Северной Ирландии.

В целом, Соглашение показало, что два государства могут найти компромисс. Англо-ирландское соглашение стало основой для развития взаимодействия двух правительств в разрешении конфликта в Северной Ирландии. Оба правительства выразили определенный консенсус касательно мирного процесса и возможных мер

¹ Anglo-Irish agreement 1985 between the government of Ireland and the government of the United Kingdom. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/aia/aiadoc.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Anglo-Irish Agreement 1985 between the Government of Ireland and the Government of the UK. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/aia/aiadoc.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

урегулирования. Привлекая Ирландию в качестве стороны к делам Северной Ирландии, пусть и в качестве консультанта, правительство Великобритании, тем самым, де-факто признало, что ольстерский конфликт имеет не только внутренний характер, но и международное значение, в том числе, в свете членства государств в Европейских Сообществах. С другой стороны, несмотря на множественные противоречия, ирландское правительство признало плюрализм мнений, согласившись с тем, что без получения согласия большинства населения Ольстера невозможно изменить конституционный статус Северной Ирландии как британского доминиона.

С начала 90-х гг. XX в. начинается качественно новый этап развития североирландского конфликта, для которого характерно уменьшение напряжения на северо-востоке острова Ирландия.

В октябре 1991 г. правительства Великобритании и Республики Ирландия начали разрабатывать концепцию нового совместного документа. 15 декабря 1993 года увидела свет «Совместная декларация мира» премьер-министров Великобритании и Республики Ирландия, второе название которой «Декларация Даунинг-стрит»¹. Эта декларация и представляет собой один из основополагающих документов по достижению мира и примирения в Северной Ирландии, определяя в качестве одной из целей убедить ИРА прекратить акты насилия, перейдя к политическим методам ведения борьбы.

Кроме того, Совместная декларация мира в очередной раз провозглашала, что население Северной Ирландии должно определить: оставить ли провинцию в составе Соединенного Королевства или присоединить её к независимой Ирландии. Партия Шинн Фейн поддержала эту декларацию, отказавшись от насильственных действий. В августе 1994 г. ИРА объявила об одностороннем прекращении огня. Её примеру последовали и другие протестантские полувоенные группировки, которые также объявили о прекращении огня в октябре 1994 г.

Кроме создания предусмотренных договором структур, в 1994 году Правительство Ирландской Республики учредило Форум за мир и примирение (Forum for Peace and Reconciliation), в работе которого смогла принять участие партия Шинн Фейн. Она вступила в диалог с другими политическими силами как в самой Ирландии, так и в Северной Ирландии. Работа Форума была прервана в 1996

¹ The Joint Declaration of 15 December 1993 (Downing St. Declaration). Department of Foreign Affairs and Trade. Ireland. URL: <http://www.foreignaffairs.gov.ie/home/index.aspx?id=8734> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

году, когда ИРА нарушила своё заявление о прекращении огня в ответ на исключение Шин Фейн из переговоров. Однако в 1997 году диалог возобновился.

В свою очередь, британское правительство также организовало выборы в созданный им Форум по Северной Ирландии, который стал местом согласования позиций политических сил самой Северной Ирландии, а также правительств двух стран¹.

22 февраля 1995 г. британское и ирландское правительства внесли на рассмотрение общественности новый Рамочный документ². Одним из положительных моментов этой совместной инициативы стала выработанная двумя правительствами система взаимодействия на трех уровнях:

а) внутри Северной Ирландии (Североирландская ассамблея);

б) в пределах всего острова Ирландия (Министерский совет по отношениям севера и юга);

в) отношения между Великобританией и Республикой Ирландия (Британско-ирландский совет; Британско-ирландская межправительственная конференция).

Наконец, 28 ноября 1995 г. премьер-министрами Республики Ирландии и Великобритании — Джоном Брутоном и Джоном Мейджором — было принято совместное Англо-ирландское коммюнике³, в котором было заявлено о создании Международной комиссии по разоружению под председательством Джорджа Митчелла. В документе намечалось проведение параллельного процесса («twin-track»), в котором переговоры по разоружению и многопартийные переговоры должны были проводиться одновременно. Таким образом, с созданием Независимой комиссии по разоружению этот конфликт окончательно интернационализировался⁴.

Указанные меры, наряду с неформальными дипломатическими шагами, посредничеством со стороны мирового сообщества, обеспечили успешное ведение переговоров между североирландскими партиями и правительствами Ирландии и Великобритании во второй половине 90-х гг. Переговоры завершились подписанием в г. Белфаст 10 апреля 1998 года Соглашения между двумя государствами. Поскольку дело происходило в Страстную пятницу, Договор получил название «The Good Friday

¹ De Breadun D. *The Far Side of Revenge: Making Peace in Northern Ireland*. Cork: Collins Press, 2001. P. 136.

²The Framework Documents. 22 February 1995. A New Framework for Agreement. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/fd22295.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³British and Irish Governments. Joint Communiqué, 28 November 1995. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/com281195.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁴Механизмы общественного участия и многоканальной дипломатии в мирных процессах: уроки из Северной Ирландии. *International Alert* 2014 г. С. 33.

Agreement» — Договор Страстной пятницы, также его называют Белфастским договором по месту его подписания¹.

На новом этапе поиска способов урегулирования конфликта в Ольстере, во второй половине 1990-х гг., главными противоречиями, которые тормозили мирный процесс, были вопросы способности политических сил к длительному компромиссу и достижения окончательного разоружения ИРА. В результате активных усилий британских и ирландских правительств с участием представителей политических партий Северной Ирландии был достигнут серьёзный прогресс в мирном процессе в Ольстере — подписание Британо-Ирландского договора 10 апреля 1998 г.

Белфастский договор состоит из двух связанных между собой частей-соглашений. Первое — это Британо-ирландский договор, заключённый между правительством Соединённого Королевства и ирландским правительством. Второй — это многосторонний договор, заключённый восемью политическими партиями из Северной Ирландии: Ольстерской унионистской партией, Социально-демократической и рабочей партией, Шин Фейн, Партией альянса, Прогрессивной унионистской партией, Коалицией женщин Северной Ирландии, Ольстерской демократической партией и Рабочей партией, с одной стороны, а также ирландским правительством и правительством Великобритании, с другой.

Британо-ирландский договор является международным договором, заключённым между двумя субъектами международного права — Великобританией и Ирландией — в ходе мульти-партийных переговоров. В нём два правительства оформили свою приверженность к поддержке и реализации положения многостороннего договора, который содержится в приложении к договору. Как указывается ирландскими исследователями, в соответствии с п. 2 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров, это делает данное многостороннее соглашение частью текста Договора, помещая документ в полной мере в международную сферу².

Ирландское правительство согласилось провести референдум, чтобы отменить своё конституционное притязание на Северную Ирландию, в то время как Великобритания согласилась содействовать ирландскому единству, если так решит большинство жителей Северной Ирландии.

¹ Elliott M. The Long Road to Peace in Northern Ireland. Liverpool: Liverpool University Press, 2002. P. 208.

² Morgan A. The Belfast Agreement: practical legal analysis. London: Belfast Press, 2000. P. 8.

Ирландское притязание на Северную Ирландию может быть найдено в бывшей статье 2 Конституции, которая устанавливала, что принадлежащая народу территория состоит из всего острова Ирландия, прилегающих к нему островов и территориального моря. Кроме того, статья 3 Конституции Ирландии закрепляла, что до воссоединения национальной территории и без ограничения прав Парламента и Правительства, образованных в соответствии с этой Конституцией для осуществления юрисдикции на всей территории, законы, изданные Парламентом, должны применяться в тех же сферах и в отношении той же территории, как и законы Ирландского Свободного Государства, и также иметь экстратерриториальное действие.

Хотя полное значение этих статей в международном праве никогда не было установлено, считалось, что в своей совокупности эти статьи воплощают территориальные притязания на Северную Ирландию¹.

Для одобрения Белфастского договора были проведены два референдума: в Республике Ирландия и в Северной Ирландии, которые прошли в один день — 22 мая 1998 года. В поддержку договора отдали свои голоса: в Северной Ирландии — 71 % проголосовавших²; и в Республике Ирландия — 94 %³.

На референдуме большинство граждан Ирландии, проголосовало за изменение указанных статей Конституции. При этом, была выбрана очень интересная конструкция для внесения этих изменений. Избиратели на самом деле голосовали за внесение изменений в статью 29, касающейся международных отношений государства, которая была дополнена следующими положениями:

«7. 1 ° Государство может дать согласие на обязательность для него Англо-ирландского договора, заключенного в Белфасте на 10-й день апреля 1998 года, которое здесь и далее употребляется как Соглашение.

2 ° Любой институт, созданный в соответствии с Соглашением может осуществлять свои полномочия и функции, тем самым возложенные на него в отношении всей или любой части острова Ирландия, несмотря на любые другие положения настоящей Конституции, возлагающие полномочия или функции на любого человека или любой орган государства, назначенные или созданные, или установленные в соответствии с настоящей Конституцией. Любое полномочие или

¹ Hogan G., Whyte G. Kelly: The Irish Constitution. Dublin: Butterworths, 2003. P. 68-83.

² URL: <http://www.ark.ac.uk/elections/fref98.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Referendum results. URL: <http://www.environ.ie/en/LocalGovernment/Voting/Referenda/PublicationsDocuments/FileDownload,1894,en.pdf> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

функция, возложенные на такой орган в отношении урегулирования или разрешения споров и разногласий могут быть в дополнение или в качестве замены для любого такого полномочия или функции возложенных настоящей Конституцией на любое такое лицо или государственный орган, как указано выше. ...

8. Государство может осуществлять экстерриториальную юрисдикцию в соответствии с общепризнанными принципами международного права».

Кроме того, изменения вносились в статьи 2 и 3 Конституции, которые после референдума выглядят следующим образом: «Неотъемлемым правом каждого человека, родившегося на острове Ирландия, состоящей из прилегающих к нему островов и территориального моря, является право быть частью ирландской нации. Это также неотъемлемое право всех лиц, которые в соответствии с законом могут быть гражданами Ирландии. Кроме того, ирландский народ дорожит своей особой близостью с людьми ирландского происхождения, проживающими за рубежом, которые разделяют свою культурную самобытность и наследие». Следует отметить, что конституционное право на получение гражданства по праву почвы не было ограничено, как это могло бы быть в отношении «народа Северной Ирландии», как он определен в Приложении к Договору Страстной пятницы.

Статья 3 Конституции была также заменена, установив: «1. Это твердая воля ирландского народа, в гармонии и дружбе, объединить всех людей, которые разделяют территорию острова Ирландия, во всем многообразии их самобытности и традиций, признавая, что единая Ирландия должна быть создана только мирными средствами с согласия большинства народа, демократически выраженного, в обеих юрисдикциях на острове. До тех пор, законы, принятые парламентом, установленные настоящей Конституцией будут иметь территорию и степень применения, как и законы, принятые парламентом, который существовал непосредственно перед вступлением в силу настоящей Конституции.

2. Учреждения с исполнительными полномочиями и функциями, которые являются общими между этими юрисдикциями, могут быть учреждены соответствующими уполномоченными органами, ответственными за заявленные цели, и могут осуществлять полномочия и функции в отношении всего или любой части острова».

Акт о внесении соответствующих изменений в Конституцию¹ вступил в силу 3 июня 1998 г. Декларация правительства Ирландии, предусматривающая вступление

¹ The Nineteenth Amendment of the Constitution Act, 1998. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/1998/ca/19/enacted/en/print#sec2> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

страны в Британо-ирландский договор, а также вступление в силу утверждённых поправок к Конституции была сделана 2 декабря 1999 г.¹

Договор Страстной пятницы примечателен во многих отношениях. Он регулирует не только вопросы распределения полномочий в самой Северной Ирландии (опора «один»), но и взаимоотношения между Севером и Республикой Ирландией (опора «два»), а также широкий спектр англо-ирландских отношений (опора «три»). Рассмотрим более детально его положения.

Опора «один» — «Демократические институты в Северной Ирландии» — предусматривала фактически собственное правительство для Северной Ирландии. Главным моментом стало учреждение в Белфасте ряда государственных институтов, которые наделялись полномочиями по множеству вопросов внутренней политики в Северной Ирландии. Главным в функционировании этого механизма стало создание Ассамблеи Северной Ирландии². В состав Ассамблеи вошли 108 членов, избираемых прямым тайным голосованием по пропорциональной системе от восемнадцати избирательных округов по шесть депутатов от каждого. Все члены Ассамблеи должны определиться со своими политическими взглядами: примкнуть либо к «унионистам» или «националистам», либо устранившись от этих политических сил и считаться «независимыми». В политически важных сферах Ассамблея должна была принимать свои решения на «общекоммунитарной основе»: для принятия решения необходимо было получить поддержку большинства членов Ассамблеи плюс большинство в стане унионистов и в стане националистов или же путём одобрения шестидесятью процентами голосов всех членов Ассамблеи плюс поддержка, как минимум, сорока процентов членов этих двух фракций. Ассамблея избрала Первого министра (First Minister) и Вице-первого министра (Deputy First Minister).

Пункт 14 Договора предусматривал также наличие Правительства Северной Ирландии в количестве 10 человек³. В нем применялась формула пропорционального парламентского представительства. Партия, имеющая наибольшее количество мест, назначает Первого министра; остальные портфели распределяются партиями по очереди.

¹ URL: <http://oireachtasdebates.oireachtas.ie/debates%20authoring/debateswebpack.nsf/takes/dail1999120200003?opendocument> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Northern Ireland Assembly. URL: <http://www.niassembly.gov.uk/> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Northern Ireland Executive. URL: <https://www.northernireland.gov.uk/> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

В рамках Ассамблеи существует развитая система комитетов. Сфера их компетенции совпадает с департаментами правительства, а их состав отражает партийный состав Ассамблеи.

Опора «два» — «Министерский совет Севера и Юга»¹. В Договоре предусматривалось создание ряда органов, наиболее важным из которых стал Министерский Совет Севера и Юга, который работал в трёх форматах. В своём (пленарном) составе он включает в себя Премьер-министра Ирландской республики, первого министра и вице-первого министра Северной Ирландии, а также остальных министров обеих сторон, причём с «северной» стороны должны были быть представлены министры обеих фракций. Совет мог заседать и в усечённом «институциональном» составе — для обсуждения отдельных двусторонних вопросов в одной министерской сфере.

Кроме Совета, были созданы шесть северо-южных «имплементационных органов». В их числе: Орган по водотокам Ирландии², Совет по продвижению безопасности продовольствия³, Орган по торговле в Ирландии⁴, Орган по специальным программам ЕС⁵, Орган по языку⁶ и Специальной комиссии по природопользованию⁷.

Договором оговаривалось, что в других шести областях (сельское хозяйство, образование, окружающая среда, здравоохранение, туризм и транспорт) кооперация будет происходить через существующие департаменты.

Существенное влияние на создание данной структуры органов оказал Европейский Союз. Во многом, это, конечно же, связано с членством Великобритании и Ирландии в ЕС, а также с финансированием кооперационных процессов в Северной Ирландии через структурные фонды Союза⁸. Пунктом 17

¹ North/South Ministerial Council. URL: <https://www.northsouthministerialcouncil.org/> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Waterways Ireland. URL: <http://www.waterwaysireland.org> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Food Safety Promotion Board. URL: <http://www.safefood.eu/Home.aspx> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁴ InterTrade Ireland. URL: <http://www.intertradeireland.com> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁵ Special EU Programmes Body. URL: <http://www.seupb.eu> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁶ Language Body. URL: http://www.northsouthministerialcouncil.org/index/north-south-implementation-bodies/language_body.htm (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁷ Foyle, Carlingford and Irish Lights Commission. URL: http://www.northsouthministerialcouncil.org/index/north-south-implementation-bodies/foyle_carlingford-and-irish-lights.htm (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁸ См.: Tannam E. Cross-border Cooperation in the Republic of Ireland and Northern Ireland. Basingstoke: Macmillan, 1999.

второй опоры Договора установлено, что Совет, кроме всего прочего, должен рассматривать различные меры, касающиеся Европейского Союза, имплементации его политики и прочих мер. Предусматривалось также положение о том, что взгляды Совета берутся в расчёт и в достаточной степени представлены на соответствующих заседаниях институтов ЕС. Кроме того, влияние Европейского Союза прослеживается из названия одного из имплементационных органов — Органа по специальным программам ЕС. Данное учреждение, хотя и имеет небольшой персонал по сравнению с остальными имплементационными органами, но несёт ответственность за управление значительными финансовыми средствами, получаемыми от Европейского Союза.

«Опора три» — Британо-Ирландский Совет¹. В соответствии с Договором был учреждён Британо-Ирландский Совет (British-Irish Council). Этот межправительственный орган включает в себя представителей администраций восьми территорий с разнородным правовым статусом: двух суверенных государств (Ирландии и Великобритании), трёх автономных территорий в составе Соединённого Королевства (Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии), а также трёх соседних автономных территорий Британской Короны (островов Мен (Isle of Man), Джерси (Island of Jersey) и Гернси (Island of Guernsey)). На пленарных заседаниях Совета был достигнут прогресс в таких областях, как охрана окружающей среды, борьба с наркотиками, в сфере транспорта.

В соответствии с Договором также была создана Британо-Ирландская межправительственная конференция², которая объединила в своём составе представителей правительств двух государств для рассмотрения и решения вопросов в тех сферах, полномочия в которых не были переданы новообразованным институтам Северной Ирландии. Данная конференция по своей компетенции сходна с Британо-Ирландским межправительственным Советом и Межправительственной конференцией, которые были созданы в соответствии с положениями Хиллсборского соглашения 1985 года.

Для анализа развития этнических конфликтов, важно исследовать как конфликт с «горячей», «острой» фазы перешел в течение первого десятилетия XXI в. в плоскость, хотя и пылких, но уже чисто политических дебатов.

¹ British-Irish Council. URL: <http://www.britishirishcouncil.org> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² British–Irish Intergovernmental Conference.

Рассматривая процесс мирного урегулирования «Ольстерской проблемы» на современном этапе, анализируя средства, которыми пользовались участники процесса мирного урегулирования для достижения мира в регионе, можно определить условную схему решения тяжелого этнически-религиозного противостояния.

Согласование позиций сторон по вопросу создания главных политических институтов в Северной Ирландии стало большим достижением двусторонних переговоров, однако Договор Страстной Пятницы пошёл дальше, также урегулировав ряд весьма проблематичных вопросов. В их числе: конституционные вопросы, вопрос о равенстве двух культур, вопрос о выборе гражданства, а также условия переходного периода из состояния вооружённого конфликта к мирным отношениям. Соглашение также было направлено на заверение националистов в том, что если когда-либо большинство в Северной Ирландии выступит с поддержкой воссоединения с Республикой Ирландией, то данный вопрос будет урегулирован только после проведения всеобщего референдума.

В заключение параграфа можно сделать следующие выводы:

Истоками «ольстерской проблемы» следует считать англо-ирландские конфликты XII в. и дальнейшую колонизацию XVI - XVII вв. События XVIII и XIX вв. только усилили конфронтацию между католиками и протестантами в Ольстере. С появлением первых политических образований, противостояние распространилось еще и на политическую арену. В результате войны за независимость 1919-1921 гг. на территории острова Ирландия возникло два государственных образования: доминион «Свободное Государство» и «Северная Ирландия» как составная часть Великобритании, поэтому «Ольстерский конфликт» приобрёл межгосударственное значение.

Основными чертами Ольстерского конфликта является непримиримость, агрессивность и нежелание прислушиваться к мнению другой стороны населения, разделенного на два враждебных лагеря — католиков и протестантов. Во многом, долгий процесс мирного урегулирования в Северной Ирландии был обусловлен отсутствием политической воли сторон искать компромисс и идти на взаимные уступки.

Вследствие процессов глобализации и региональной интеграции, а также в связи с пристальным вниманием и участием иностранных государств и международных организаций, ольстерская проблема приобрела все более выразительное международное значение. В этом контексте, опыт взаимодействия

правительств Великобритании и Ирландии по урегулированию североирландского конфликта представляет особый интерес.

Многочисленные международные документы и внутригосударственные меры были направлены на признание и нормативное закрепление особого статуса Северной Ирландии. Конфликт в Ольстере, формально будучи внутренним конфликтом, имел международное значение, что также было подтверждено привлечение правительства Ирландии к управлению делами Ольстера, государственной территории Великобритании.

Международно-правовые меры, во многом, были первоначальными по отношению к мерам нормативного характера, принимаемым на внутригосударственном уровне властями Великобритании в отношении Северной Ирландии. Именно международное сотрудничество предопределило выработку механизмов урегулирования ольстерского конфликта, окончательно превратив вооруженное этнически конфессиональное противостояние в цивилизованную политическую борьбу.

Договор Страстной пятницы стал большим прорывом в развитии отношений двух стран. Договор позволил перейти к совместной разработке компромиссных моделей урегулирования конфликта между общинами. Положения Договора Страстной пятницы удовлетворили интересы практически всех участников противостояния — как республиканцев, так и юнионистов. На практике, положения, закреплённые договором, в той или иной степени были реализованы, в частности, были внесены изменения в Конституцию Ирландии, были созданы предусмотренные договором институты управления в регионе.

Политический консенсус по вопросу Северной Ирландии между правительствами Великобритании и Ирландии стал возможен благодаря расширяющимся международным интересам двух государств, в особенности в отношении Европейского Союза, институты которого во многом способствовали налаживанию этих взаимоотношений. Правительства двух стран сделали Договор 1998 г. одной из основ для развития своих отношений в будущем.

Глава II. Трансформация признаков государства в контексте членства в Европейском союзе.

§ 1. Территория и население как признаки государства.

Государства находятся в самом сердце международной правовой системы¹. Это означает полномасштабное участие государства в создании и поддержке международного правопорядка, в выработке норм международного права, способности в полном объеме приобретать и реализовывать права, а также выполнять взятые на себя обязательства. Вместе с тем, согласно Декларации ООН о принципах международного права 1970 года, каждое государство обязано уважать правосубъектность других государств².

Характеризуя государство, Г. Еллинек писал: «Чтобы избежать юридических фикций, необходимо признать естественное бытие государства в одном из его составных, реально существующих элементов. Эти элементы суть территория, народ, властитель»³. Теория «трёх элементов» в настоящее время является общепризнанной при определении составляющих элементов — признаков государства⁴. Каждый из этих трех признаков неизбежно присутствует во всяком государстве. Не может быть государства без людей, его населяющих, без территории, его определяющей, и без власти, в нем господствующей⁵.

Все суверенные полномочия исходят от власти, которая осуществляется на определённой территории. Власть связана, в основном, с определённой территорией, становясь значимой, если она распространяется на определённый народ. Государство является подтверждением двух фактов: 1) что население, проживающее на определённой территории, живет под формой управления правительством в соответствии с правовой системой, с определённой структурой законодательной власти, судебной системы, 2) что правительство обладает определённой степенью независимости⁶. Независимость распространяется на другие государства и отражает

¹ Higgins R. Problems and Process: International Law and How We Use It. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 39.

² URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 103.

⁴ Biehler G. International Law in Practice: An Irish Perspective. Dublin: Thomson Round Hall, 2005. P. 15.

⁵ Устрялов Н.В. Элементы государства // Вестник Китайского Права, Выпуск 2. Харбин, 1931. С. 1-26. URL: http://dugward.ru/library/ustralov/ustralov_elementy_gosudarstva.html (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁶ Hart H.L.A. The Concept of Law. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 221.

контроль, реально осуществляемый внутри территории.

Некоторые ученые разработали дополнительные критерии для государственности, включая независимость, суверенитет, постоянство, готовность и способность соблюдать международное право, определенную степень цивилизации и в некоторых случаях — признание¹.

Советская наука отвергала такое объяснение, исходя из понимания государства как классовой сущности. По мнению академика И. Трайнина, ход человеческой истории определили законы развития производства, которые и вызвали необходимость государства и его механизма. Вместе с тем он признает, что государство нельзя связывать только с властью, потому что она не может существовать без территории².

Указанные признаки государства нашли своё закрепление в международном праве. Так, в соответствии со статьёй 1 Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 г. «государство как субъект международного права должно обладать следующими признаками:

- а) постоянным населением,
- б) определенной территорией,
- в) правительством,
- г) способностью вступать в сношения с другими государствами»³.

Согласно Еллинеку, такие признаки, как правительство и способность вступать в сношения с другими государствами, образуют единое целое и могут рассматриваться как устанавливающие связь между первыми двумя признаками государства — территорией и народом⁴.

В настоящем параграфе подробно рассмотрим первые два признака государства. Об остальных признаках речь пойдёт в последующих разделах настоящей работы.

2.1 Население.

В международно-правовой доктрине под населением в международном праве понимают совокупность всех физических лиц, находящихся на территории

¹ См. напр.: Crawford J. The creation of states in international law. Oxford, 2007.

² См.: Трайнин И. П. Проблема суверенитета в советской федерации / И. П. Трайнин. Л.: АН СССР, 1947.

³ Montevideo Convention on the Rights and Duties of States, 1933. URL: <https://www.ilsa.org/jessup/jessup15/Montevideo%20Convention.pdf> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁴ Biehler G. International Law in Practice: An Irish Perspective. Dublin: Thomson Round Hall, 2005. P. 15-16.

государства и подчиняющихся его юрисдикции. В категорию населения входят граждане данного государства, иностранцы и лица без гражданства¹. Наряду с понятием «население» международное право использует понятие «народ». Народ образуют граждане данного государства².

В Консультативном заключении относительно законов о гражданстве Туниса и Марокко 1923 г. Постоянная Палата Международного Правосудия указала: «Находится ли решение данного вопроса целиком во внутренней юрисдикции государств – является относительным; оно зависит от развития международных отношений»³. По существу, Постоянная Палата заявила, что вопросы гражданства относятся к внутренней юрисдикции государства. Тем не менее, государства должны соблюдать принятые ими обязательства по отношению к другим государствам, которые устанавливаются международным правом⁴.

Существует целый ряд международно-правовых норм, договорных и обычных, которые прямо или косвенно касаются определения правового положения населения, в частности, по вопросам гражданства, выдачи преступников, прав человека, статуса иностранцев и т.д. Обязывая государства действовать определенным образом относительно друг друга, нормы международного права обязывают их, тем самым, принять те или иные действия и в сфере их внутренней жизни, в частности, относительно определения правового статуса отдельных категорий населения. Тем не менее, международное право рассматривает вопросы регулирования гражданства и прочих категорий населения как подпадающие под сферу осуществления государственного суверенитета⁵.

Гагская Конвенция о некоторых вопросах, относящихся к конфликту между национальными законами 1930 г. (ст. 1) устанавливает, что «каждое государство само определяет с помощью собственного закона, кто является его гражданами. Этот закон признается другими государствами в той мере, в какой он соответствует международным конвенциям, международному обычаю и общим принципам права,

¹ Бекашев К.А., Ануфриева Л.П., Устинов В.В. Международное публичное право. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. С. 229.

² Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 368.

³ Advisory Opinion No. 4, Nationality Decrees Issued in Tunis and Morocco, 4, Permanent Court of International Justice, 7 February 1923. URL: <http://www.refworld.org/docid/44e5c9fc4.html> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁴ Nationality and Statelessness A Handbook for Parliamentarians. Geneva: Inter-Parliamentary Union, 2005. P. 9.

⁵ O'Leary S., Tiilikainen T. Citizenship and nationality status in the New Europe. London: Sweet & Maxwell, 1998. P. 5.

признанным в отношении гражданства»¹.

Иными словами, процесс реализации государством своего права определять, кто является его гражданами, должен соответствовать положениям международного права². С точки зрения защиты прав человека, главной заботой является предотвращение появления лиц без гражданства³. Статья 15 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. предусматривает, что «каждый человек имеет право на гражданство. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство»⁴.

Аналогично, законодательство о гражданстве не должно быть направлено в одностороннем порядке на осуществление «экстра-территориального действия» — гражданство может быть присвоено только лицам без предварительной связи с государством вне его юрисдикции с согласия государства его места жительства⁵. Такой запрет связан с озабоченностью государств в отношении избежания двойного гражданства. Это заставило многие государства в качестве условия для натурализации — отказ лица от своего предыдущего гражданства. Так как гражданство влечет за собой предоставление прав и наложение обязанностей, что тем самым, создаёт права и обязанности перед другим государством, которое будет иметь подозрения в двойной лояльности, что также вызывает опасения у принимающего государства⁶.

В зарубежной науке категория «гражданство» характеризуется по-разному: «формальный статус членства в политическом сообществе»⁷, «владение и пользование основными правами в обществе»⁸, «состояние активного участия в жизни общества»⁹, «опыт идентичности и солидарности, которые человек сохраняет

¹ Nascimbene B. *Nationality laws in the European Union*, Milan: Butterworths, 1996. P. 430.

² Гражданство и безгражданство. Руководство для парламентариев. Женева, 2014. Стр. 8.

³ Pejic J. *Citizenship and statelessness in the former Yugoslavia: the legal framework* // In O'Leary S., Tiilikainen T. *Citizenship and nationality status in the New Europe*. London: Sweet & Maxwell, 1998. P. 171.

⁴ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁵ Aleinikoff T., Klusmeyer D. *Citizenship today: global perspectives and practices*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2001. P. 65.

⁶ Bloed A. *Citizenship issues and the OSCE High Commissioner on National Minorities* // In O'Leary S., Tiilikainen T. *Citizenship and nationality status in the New Europe*. London: Sweet & Maxwell, 1998. P. 45.

⁷ Delanty G. *The cosmopolitan imagination: the renewal of critical social theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 9.

⁸ Marshall T.H. *Citizenship and Social Class*. Cambridge: Cambridge University Press, 1950. P. 28-29.

⁹ Bosniak L. *Citizenship Denationalized (The State of Citizenship Symposium)* // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. Vol. 7: Iss. 2. Article 2. P. 455.

в коллективном или общественном смысле»¹. Некоторые исследователи указывают, что гражданство можно рассматривать как «привилегированное отношение, которое определённые категории людей имеют с определённым государством»².

Как указано в знаменитом решении Международного суда ООН по делу Ноттебома, гражданство подразумевает подлинную связь между личностью и государством, на основе «социального факта привязанности», и влечет за собой «взаимные права и обязанности»³. Традиционно, такие права, как право на проживание, на голосование и право на социальное обеспечение, в разной степени, принадлежали только гражданам того государства, в котором они предоставлены, тем самым, подчеркивая исключительную природу гражданства. Как отмечается, «неизбежным следствием выделения государственного членства или гражданства является определение тех лиц, которые не принадлежат государству и поэтому не могут пользоваться условными преимуществами такого членства»⁴.

Хотя различия между гражданами и негражданами могли бы быть снижены, особенно в рамках Европейского Союза, гражданство по-прежнему дает привилегированный статус в определенных областях. Так, например, в Ирландии, право голоса на общенациональных референдумах принадлежит только ирландским гражданам⁵. Кроме того, гражданство остается основным элементом в коллективной идентичности, критерием установления границ политического сообщества, показывая, кто «правильно» принадлежит — «как следствие их роли в определении политического сообщества, законы о гражданстве являются выразителями и неотъемлемой частью природы государства»⁶.

Другое фундаментальное ограничение государственных суверенных прав заключается в том, что ни одно государство не имеет право легально стремиться регулировать вопросы гражданства другого государства⁷.

¹ Aleinikoff T., Klusmeyer D. *Citizenship today: global perspectives and practices*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2001. P. 240-241.

² Nascimbene B. *Nationality laws in the European Union*, Milan: Butterworths, 1996. P. 424.

³ Nottebohm (Liechtenstein v. Guatemala) Case // *International Court of Justice Reports*, 1955. P. 23.

⁴ Nascimbene B. *Ibid.*

⁵ Ст. 16 Конституции Ирландии.

⁶ Fowler B. *Fuzzing citizenship, nationalizing political space: a framework for interpreting the Hungarian 'status law' as a new form of kin-state policy in Central-Eastern Europe* // ESRC «One Europe or Several?» Programme, Working Paper 40/02. Brighton: Sussex European Institute, University of Sussex, 2002. P. 12.

⁷ Hoffman R. *Overview of nationality and citizenship in international law* // In O'Leary S., Tiilikainen T. *Citizenship and nationality status in the New Europe*. London: Sweet & Maxwell, 1998. P. 7.

Существует два основных способа приобретения гражданства: первичный, то есть по рождению, и производный, то есть после рождения, что называется натурализацией¹. Приобретение гражданства в исключительном порядке происходит следующими способами: групповое предоставление гражданства или коллективная натурализация (частный случай — так называемый трансферт); оптация (выбор гражданства) и реинтеграция (восстановление в гражданстве)².

При этом надо отметить, что классификация способов приобретения гражданства, при которой различают приобретение гражданства по рождению и в порядке натурализации с включением в понятие натурализации всех видов вторичного приобретения гражданства (т.е. после рождения), стала традиционной.

Основным и наиболее распространенным способом приобретения гражданства есть филиация, или приобретение гражданства по рождению. В абсолютном большинстве случаев гражданство по рождению предоставляется государством независимо от воли человека³.

В соответствии с общепризнанными принципами международного права, каждый ребенок имеет право на гражданство. Это положение содержится в принципе 3 Декларации прав ребенка 1959 г. и в пункте С статьи 24 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года. Отсюда следует, что в соответствии с современными нормами международного права, ребенок ни в коем случае не должен остаться апатридом (лицом без гражданства).

Филиация может осуществляться на основе двух основных принципов: «права почвы» (*jus soli*) и «права крови» (*jus sanguinis*).

Jus Soli является территориальным принципом гражданства. Гражданство присуждается исключительно по факту рождения на определенной территории без ссылки на происхождение индивида или его этническое наследие. Сфера действия права почвы, очевидно, ограничена пределами юрисдикции государства, его территориальной основой, которая имеет решающее значение. Гражданство, основанное на принципе права почвы, влечет за собой гражданскую концепцию «нации», с гражданами, объединенными общим политико-правовым статусом, независимо от их культурной принадлежности. Хотя этот принцип редко работает в неизменном виде, как правило, он применяется при условии соблюдения

¹ Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: Учебник. М.: Изд-во БЕК, 1997. С. 18.

² Черниченко С.В. Международно-правовые вопросы гражданства. М.: Международные отношения, 1968. С. 53.

³ Римский принцип «права крови» был возвращен в право европейских государств только с принятием так называемого кодекса Наполеона.

дополнительных критериев¹.

Основной альтернативой принципа права почвы традиционно является принцип права крови. Согласно этому принципу, гражданство присуждается от рождения от гражданства родителя, а не от места рождения. Отсюда следует, что принцип права крови не ограничивается территориальными границами, по крайней мере, не для первого поколения. Государства обычно устанавливают ограничения в наследуемости гражданства в случае рождения за рубежом, как например, ирландское законодательство ограничивает возможность получения гражданства внуками ирландских граждан. Можно легко проследить, как работает экстерриториальный принцип права крови в его взаимодействии с принципом права почвы, когда положения законодательств других государств может привести к тому, что физические лица могут иметь несколько гражданств. Однако, это совместимо с нормами международного права².

Необходимо отметить, что приобретение гражданства на основе «права почвы» или «права крови» может быть как безусловным, так и зависящим от каких-то дополнительных условий.

В зарубежной литературе существует две точки зрения по вопросу об обязательном характере того или иного принципа. Согласно первой из них, государство должно предоставлять свое гражданство по рождению только согласно одному из указанных принципов (этой точки зрения, например, придерживался А. Фердрос³).

Согласно другой, ни «право почвы», ни «право крови» не носят обязательного характера. Вейс, например, выдвигает в защиту этого следующие аргументы:

а) сам факт сочетания обоих принципов в законодательстве различных государств говорит о том, что их обязательно-правовой характер не является бесспорным;

б) «право почвы» и «право крови» — основные виды приобретения гражданства во внутригосударственном праве, но это не означает, что существует соответствующая норма международного права, потому сходство норм внутреннего права различных государств не свидетельствует о том, что они являются отражением

¹ См.: Brubaker R. *Citizenship and nationhood in France and Germany*. Harvard: Harvard University Press, 2002.

² См.: Heater D. *What is citizenship?* Cambridge: Polity Press, 1999.

³ Черниченко С.В. *Международно-правовые вопросы гражданства*. М.: Международные отношения, 1968. С. 55.

международно-правовой нормы¹.

В целом, аргументацию Вейса следует признать правильной. Необходимость фактической связи лица с государством играет решающую роль при определении условий предоставления гражданства. Доминирование во внутреннем праве разных государств двух указанных принципов объясняется, по мнению С.В. Черниченко, тем, что они наиболее полно соответствуют данному требованию. Однако это не значит, что государства не могут руководствоваться другими принципами. Никакого международно-правового запрета здесь не существует: просто отсутствует объективная потребность в принятии других принципов. «Право почвы» и «право крови», а также их различные комбинации продолжают оставаться единственными принципами, которые лежат в основе законодательства о гражданстве. Как считает С.В. Черниченко, их даже нельзя назвать правовыми принципами в обычном понимании этого слова: они должны рассматриваться как типичные способы или совокупность типичных условий приобретения гражданства по рождению².

В феодальных государствах «право почвы» занимало доминирующее, если не исключительное место. Это объясняется иерархической структурой феодального общества, основанного на частной собственности на землю. Реальное господство было связано с владением землей, что давало власть над людьми, которые на ней проживали и рождались.

Распространение «права крови» связано с образованием наций. Но окончательное утверждение этого принципа в Европе происходит с приходом к власти буржуазии. Решающее значение начинает иметь факт рождения от лиц, принадлежащих к определенной нации.

Демократическая основа государств привела к мобилизации по этническому признаку, и, во многих странах, доминирующие этнические группы стремились «национализировать» государство по своему усмотрению, «развивать язык, культуру, контролировать демографическую ситуацию, обеспечивать экономический рост, и политическую гегемонию новой государственно-несущей нации»³. Вписывание этнических критериев в законодательство о гражданстве отражает уверенную концепцию государства как «национальной» родины,

¹ Weis P. Nationality and Statelessness in International Law. Alphen aan den Rijn-Germantown: Sijthoff and Noordhoff, 1979. P. 98.

² Черниченко С.В. Международно-правовые вопросы гражданства. М.: Международные отношения, 1968. С. 56.

³ Brubaker R. Aftermaths of empire and the unmixing of peoples: historical and comparative perspectives // Ethnic and racial studies. 1995. № 18 (2). P. 205.

одновременно предполагая законную озабоченность соотечественников вне границ государства, и ставит под сомнение «законность» принадлежности граждан, которые не разделяют доминирующей этнической идентичности.

Борьба за «собственность» и законную принадлежность стоит особенно остро в случаях правопреемства государств, когда законы о гражданстве, направленные на поддержку национального этноса, могут стремиться исключить постоянных жителей территории, включающей новое государство, как, например, это произошло в Хорватии (с попыткой исключить жителей- сербов) в 1990-е годы¹. Тем не менее, чаще всего, государства стремятся предоставить гражданство всем лицам, легально и постоянно проживающим на его территории в момент провозглашения государственности, т.е. поддерживают практику справедливого обращения, которое закреплено в международном праве. Это также выгодно для государства, так как провозглашая постоянное население в качестве граждан, «новое государство распространяет свою юрисдикцию равномерно по всей его территории»². Новые государства и страны, вернувшие свою государственность, сталкиваются с общей проблемой в определении критериев предоставления своего гражданства. Страна, восстановившая свою государственность, может, если она того пожелает, сделать ссылку на предыдущие критерии гражданства, как, например, это было сделано в постсоветской Эстонии. В этой стране, после обретения независимости от СССР, были сделаны попытки лишить гражданства граждан межвоенного эстонского государства и их потомков, что угрожало лишением гражданства послевоенных этнических русских «иммигрантов»³.

На практике многие восстановленные государства стремятся предоставить гражданство своим бывшим гражданам и их потомкам, рассматривая это как исправление прошлых ошибок (этот аргумент использовался во всех странах Балтии после провозглашения их независимости вследствие распада СССР). Такой процесс, мотивированный желанием компенсировать бывшим гражданам их предыдущие произвольные потери, называется «реституция»⁴.

В настоящее время законодательство большинства стран мира

¹ См.: Pejić J. Citizenship and statelessness in the former Yugoslavia: the legal framework // In O'Leary S., Tiilikainen T. Citizenship and nationality status in the New Europe. London: Sweet & Maxwell, 1998.

² Brusker R. Citizenship struggles in Soviet successor states // International migration review. 1992. № 26. P. 278.

³ Ibid.

⁴ Ó Caoimh B. Citizenship and borders: Irish nationality law and Northern Ireland // Mapping Frontiers, Plotting Pathways Working Paper № 18, 2006. P. 5.

предусматривает смешанную систему, при которой право крови сочетается с влиянием права почвы и наоборот. Право крови практически в чистом виде в настоящее время действует только в скандинавских странах, где право почвы применяется только к детям, родители которых неизвестны. Право почвы сохранило доминирующее или равное значение с принципом права крови в странах англосаксонской системы общего права, а также в отдельных латиноамериканских странах, таких, например, как Аргентина и Куба¹.

Выбор или преобладание того или иного принципа обусловлены, главным образом, политикой государства в демографической области. Если государство заинтересовано в быстром росте своего населения, оно может использовать оба указанных принципа.

Никаких обычных норм международного права, касающихся приобретения гражданства по рождению, не существует, за исключением единственной нормы о гражданстве детей дипломатов, которые родились в странах придерживающихся принципа права почвы. Эта норма является не только общепризнанной, но уже нашла своё закрепление на договорном уровне — в Факультативном протоколе о приобретении гражданства от 24 апреля 1961 г.²

Несмотря на то, что сегодня в Европе преобладает принцип права крови (причем во многих европейских странах исторически действовал этот вид приобретения гражданства), за последние годы распространилось действие принципа права почвы. Это связано с развитием в Европе такого явления как миграция, прежде всего, в рамках Европейского Союза.

Ирландия в соответствии с действующим Актом об ирландской национальности и гражданстве (в редакции 2004 г.)³ также, в целом, предусматривает смешанную систему, основанную на сочетании принципов права почвы и крови. Такое положение дел во многом объясняется многими факторами в контексте истории возникновения и развития государственности Ирландии: стремлением к объединению воедино всего острова Ирландия, распространением ирландской идентичности на соотечественников, проживающих за рубежом, стремлением к увеличению числа населения и т.д.

По нашему мнению, нет смысла защищать преимущества какого-либо из

¹ См. подробнее: Culliton-Gonzalez K. Born in the Americas: Birthright Citizenship and Human Rights // Harvard Human Rights Law Journal. 2012. Vol. 25 Iss. 1. P. 127-182.

² United Nations Treaty Scenes. Vol. 500. P. 231.

³ Irish Nationality and Citizenship Act, 1956 // Acts of the Oireachtas. № 26/1956.

исследуемых принципов, поскольку они не противоречат современному международному праву. Каждое государство имеет право выбрать какой-либо из них, исходя из своих интересов, что как раз и демонстрирует Ирландия. Однако, узаконение такой смешанной системы оснований для приобретения гражданства в Ирландии заняло очень много времени, практически совпадая с основными вехами развития государства и права Ирландии.

Вторым по значению способом приобретения гражданства является натурализация. Натурализация, в свою очередь, делится на два основных вида: индивидуальную (по заявлению) и на основании правопреемства государств¹.

Индивидуальная натурализация также делится на натурализацию, основанную на личном выборе, и на натурализацию на основании закона. В зависимости от того, какой орган уполномочен решать вопрос о гражданстве, различают законодательную и административную системы. В первом случае натурализация осуществляется путем принятия закона, а в другом — по решению административного органа.

И.И. Лукашук различает натурализацию в широком смысле, охватывающей все способы приобретения гражданства после рождения (через брак, усыновление, оптацию, поселение, вступление на государственную службу), и натурализацию в узком понимании — принятие в гражданство по заявлению. При этом автор отмечает, что в большинстве случаев натурализация используется в узком понимании².

Порядок натурализации может быть порой упрощенным, если заинтересованное лицо отвечает тем или иным требованиям, предусмотренным национальным законом. Наиболее часто в законодательстве государств упрощенный порядок предусматривается: а) при обращении с просьбой о натурализации лица, супруг которого имеет гражданство соответствующего государства; б) при аналогичном обращении лица, которое имеет гражданство страны, с которой данное государство связывают особые отношения (или договорного характера, или сложившиеся исторически); в) в случае обращения о восстановлении в гражданстве лица, ранее имевшего гражданство данного государства.

Существование упрощенной натурализации супруга гражданина обусловлено уважением к семье, как это предусмотрено в статье 8 Европейской Конвенции о

¹ См.: Slomanson W. R. *Fundamental Perspectives on International Law*. Boston, 2011. P. 204-207.

² Лукашук И.И. *Международное право. Особенная часть: Учебник*. М.: Изд-во БЕК, 1997. С. 181.

защите прав человека и основных свобод. Существование для иностранца, который находится в браке с гражданином государства упрощенной натурализации, является, на наш взгляд, обоснованным, поскольку у этого лица устанавливаются связи с родиной супруга. И, прежде всего, они устанавливаются при проживании супруга в этой стране.

Государства стремятся предотвращать возникновение случаев множественного гражданства, выдвигая требование об отказе лица от предыдущего гражданства. Многие европейские страны отходят от этого требования, когда лицо не имеет возможности выйти из гражданства иностранного государства. Да, и Европейская Конвенция о гражданстве устанавливает, что государство не должно выдвигать условием для приобретения или сохранения собственного гражданства отказ от гражданства или утрату гражданства другого государства, если такой отказ или потеря невозможны или недостижимы обычным способом¹.

Так называемый исключительный порядок приобретения гражданства, или натурализация, в силу правопреемства государств в отношении определённой территории, обычно закрепляется в специальном законодательстве и/или международных договорах этого государства. Такая натурализация, прежде всего, имеет место при территориальных изменениях. Территориальные изменения, приводящие к получению гражданства одного государства и утрате другого, можно разделить на следующие виды:

- отделение части территории от государства в связи с образованием на ней нового государства или разделение территории государства в связи с распадом этого государства на несколько новых государств;
- слияние территорий двух или более государств в результате их объединения;
- переход части территории одного государства к другому на основании договора (цессия).

Профессор И.И. Лукашук отмечает, что в приведенных выше случаях вопрос о гражданстве населения приобретает международный характер². Особого значения этому придает тот факт, что в таких случаях проблема гражданства имеет массовый характер. Если определенные договорные права и обязанности, а также имущество переходят к новому суверену в порядке правопреемства, то в отношении гражданства правопреемство здесь не имеет места. Соответствующие вопросы

¹ European Convention on nationality. Strasbourg, 6.XI.1997 // European Treaty Series. № 166.

² Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: Учебник. М.: Изд-во БЕК, 1997. С. 22-23.

решаются государствами самостоятельно и по договоренности. Главным является предотвращение массовой утраты гражданства населением вопреки его воле и, наоборот, навязывание нежелательного гражданства.

Как показали события последнего времени, связанные с распадом ряда государств, проблемы гражданства, которые возникли при этом, затрагивают интересы миллионов людей. Поэтому обоснованным является то, что в рамках Совета Европы и в Комиссии международного права ООН разрабатываются проекты статей, посвященные этой проблеме.

В случае полного правопреемства, то есть при присоединении одного государства к другому, гражданство бывшего государства прекращает своё существование. В таких случаях новый суверен, как правило, предоставляет своё гражданство всему населению государства, прекратившего свое существование. Так был решен вопрос, например, после Первой мировой войны по Сен-Жерменскому (1919 год) и Трианонскому (1920 год) мирным договорам. Это же относится и к мирному урегулированию после Второй мировой войны, например, согласно мирному договору с Италией.

Ряд правил по рассматриваемому вопросу содержится в Конвенции о сокращении безгражданства 1961 года¹. Каждый договор о передаче территории должен содержать постановления, которые бы гарантировали, что при осуществлении права на оптацию жители территории не окажутся без гражданства. При отсутствии таких положений в договоре государство, к которому переходит территория, предоставляет свое гражданство жителям этой территории, если они не сохраняют предыдущего гражданства или не имеют другого. Сохранение предыдущего гражданства осуществляется на основе индивидуальных заявлений жителей. Недопустимо предоставление гражданства вопреки воле человека. Приобретение нового гражданства возлагает на государство-предшественник определенную обязанность лишить соответствующее лицо своего гражданства для избежания двойного гражданства. Эти же правила применяются и к новому государству, образовавшемуся на территории, ранее принадлежавшей другому государству. Они находят все большее признание. В соответствии с ними, например, была решена проблема гражданства в государствах, образовавшихся после ликвидации СССР, за исключением прибалтийских республик.

В случае с натурализацией, ирландское гражданство может быть

¹ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml (дата обращения: 01.04.2022 г.).

предоставлено гражданину другого государства на основании сертификата о натурализации, выдаваемым Министром юстиции и равенства (ст. 14 Акта об ирландской национальности и гражданстве 1956 г.).

Изменение гражданства может быть связано с переселением, хотя, как отмечает С.В. Черниченко, само по себе переселение, в принципе, не приводит к изменению гражданства и не должно рассматриваться как один из видов гражданства¹.

Репатриация (частный случай переселения) — возвращение определенной категории лиц, которые находятся за рубежом, в страну своего гражданства (бывшего или настоящего) или в страну, на территории которой проживает нация или национальное меньшинство, к которым они принадлежат. Например, после окончания войны часто заключаются соглашения о репатриации военнопленных, беженцев и т.п. Репатриация чаще других видов переселения связана с изменением гражданства. В последнем случае, она, конечно, представляет собой своеобразную форму выбора гражданства — оптацию. Именно ею обычно сопровождается и переход территории.

Оптация — это выбор гражданства из двух или более возможных или имеющихся. Она может иметь место и в других, кроме указанных, случаях. Например, при заключении женщиной брака с иностранцем, при достижении совершеннолетия лицами, которые приобрели два гражданства при рождении и т.п.

Двойное гражданство (бипатризм) или множественное гражданство — это такой правовой статус лица, при котором оно одновременно обладает гражданством более чем одного государства. В настоящее время бипатризм представляет собой довольно распространенное явление, которое существует объективно, независимо от отношения к нему того или иного государства. Вполне правомерно закрепление в законодательстве многих государств так называемого принципа непризнания двойного гражданства, которое означает только непризнание правовых последствий бипатризма².

Двойное гражданство, как уже отмечалось, имеет в международном праве название «бипатризм» (от лат. «би» — два, «патрия» — отечество, родина). В буквальном смысле имеется в виду, что лицо владеет двумя гражданствами. Однако существуют случаи, когда лицо владеет более чем двумя гражданствами. В этом

¹ Черниченко С.В. Международно-правовые вопросы гражданства. М.: Международные отношения, 1968. С. 71.

² Боярс Ю.Р. Вопросы гражданства в международном праве. М.: Международные отношения, 1986. С. 17.

случае, применение термина бипатрид является уже не совсем корректным, и в отношении такого лица необходимо применять термин «полипатрид», а само явление назвать «полипатризм».

Но и в юридической литературе двойное гражданство очень часто отождествляется с множественным гражданством. Законы же некоторых государств, употребляя термин «двойное гражданство», имеют в виду наличие у лица двух или более гражданств. Положение о том, что никто не должен обладать двумя государственными принадлежностями, не представляет собой норму позитивного международного права, а лишь постулат правовой политики. То есть международно-правового запрета множественного гражданства не существует. Государства свободны в выборе средств по предотвращению возникновения и существованию множественного гражданства. Международно-правовым средством устранения множественного гражданства является заключение международных договоров между соответствующими государствами¹.

Множественное гражданство может также возникать вследствие коллизий принципов права крови и права почвы. Так, ребенок, родившийся у родителей-иностранцев на территории государства, где доминирует право почвы, несмотря на получение гражданства родителей по праву крови приобретает и гражданство того государства, на территории которого он родился. Принцип права почвы, согласно Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. и Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года, распространяется только на детей иностранных дипломатов и консулов.

Ирландское законодательство признает двойное гражданство «де факто». Ни прямого запрета, ни прямого разрешения иметь второе гражданство в законодательстве Ирландии прямо не закреплено. Также получив ирландское гражданство, человек может сохранить имеющееся у него иное гражданство, поскольку ирландское законодательство не считает нужным настаивать на отказе человека от другого гражданства как условия получения ирландского гражданства и не предписывает информировать другие страны о получении лицом гражданства Ирландии.

На Гаагской конференции по кодификации международного права 1930 г. безгражданство и множественное гражданство были оценены как негативные

¹ Koslowski R. Challenges of International Cooperation in a World of Increasing Dual Nationality. URL: http://www.albany.edu/~rk289758/documents/Koslowski_IntlCooperation_Dual_Nationality.pdf (дата обращения: 01.04.2022 г.).

явления, что нашло своё отражение в преамбуле принятой на этой конференции Конвенции, регулирующей некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве, в которой указано, что Договаривающиеся Государства, «будучи убежденными в том, что в общих интересах международного сообщества все его члены должны признавать, что каждое лицо должно иметь гражданство одного и только одного государства» признают «в соответствии с этим, что идеал, на достижение которого должны быть направлены усилия человечества в данной области, состоит в устранении как безгражданства, так и двойного гражданства»¹. Конвенция об уменьшении случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства 1963 г.² также пытается сократить случаи множественного гражданства лица³. В 1977 году Совет Европы принимает два Протокола, которые вносили изменения в Конвенцию 1963 года⁴, в частности, относительно передачи информации о всех случаях приобретения второго гражданства других государств-участников, а также о том, что лицо, обладающее по праву более чем одним гражданством, могло отказаться простым волеизъявлением от гражданства того государства-участника, на территории которого оно обычно не проживает⁵.

2 февраля 1993 г. был принят ещё один протокол, по изменению Конвенции о сокращении случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства⁶. В нем, среди прочего, было закреплено, что, если гражданин одной из Договаривающихся Сторон приобретает гражданство другой Договаривающейся Стороны, на территории которой он либо родился и проживает, либо обычно проживал в течение периода времени, который начался до

¹ Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве, The Hague, 12 April 1930 // League of Nations, Treaty Series. Vol. 179. P. 89.

² Конвенция о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства // Страсбург, 6 мая 1963 года. URL: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/search-on-states/-/conventions/treaty/043> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Ball A.M. Multiple Nationality And International Law. Martinus Nijhoff Publishers, 2007. P. 200.

⁴ Протокол о внесении изменений в Конвенцию о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства. Страсбург, 24 ноября 1977 года // Серии европейских договоров № 95; Дополнительный протокол к Конвенции о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства. Страсбург, 27 ноября 1977 года // Серии европейских договоров № 96.

⁵ Herzog B. Revoking Citizenship: Expatriation in America from the Colonial Era to the War on Terror. NY: New York University Press, 2015. P. 67.

⁶ Второй Протокол о внесении изменений в Конвенцию о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства. Страсбург, 2 февраля 1993 года // Серии европейских договоров № 149.

достижения им 18 лет, каждая из этих Сторон может предусмотреть сохранение им гражданства страны его происхождения. Данное положение отражало сложившуюся тенденцию о том, что позиции европейских стран по проблеме двойного (множественного) гражданства не совпадали, так как одни государства его запрещали, другие допускали. Тем самым, не создавалось препятствий для двойного гражданства и, в то же время, не требовалось от государств признания двойного (множественного) гражданства как общего принципа¹.

Принятая позднее Европейская конвенция о гражданстве 1997 года², в отличие от Конвенции 1963 г., ставила права индивида выше интересов государств, тем самым, рассматривая двойное гражданство как приемлемый феномен³.

Рассмотрим теперь более подробно вопросы, связанные с регламентацией института гражданства в Ирландии.

Изначально, законодательство о гражданстве в Ирландии разрабатывалось в контексте конституционной борьбы с Великобританией по расширению ограниченных суверенных прав, предоставленных англо-ирландским Договором 1921 года, по вопросу о национальности, который стал «средой, через которую новоиспеченное государство может отстаивать свою юридическую самостоятельность и свои исторические и политические отличия»⁴.

С 1922 по 1935 гг. вопросы гражданства регулировались статьёй 3 Конституции 1922 г., которая предусматривала, что: «Каждый человек, без различия пола, проживающий в пределах юрисдикции Ирландского Свободного Государства (Saorstát Eireann) на момент вступления в силу этой Конституции, кто родился в Ирландии, или любой из родителей которого родился в Ирландии, или кто обычно проживал в пределах юрисдикции Ирландского Свободного Государства (Saorstát Eireann) в течение не менее семи лет, является гражданином Ирландского Свободного Государства».

Ирландское гражданство было в то время «инновационным» институтом в Британском Содружестве Наций в отношении того, что оно было ограничено, прежде всего, лицами ирландского рождения или происхождения и неирландскими

¹ Transforming Europe: Europeanization and Domestic Change / Eds. M.G. Cowles, J. Caporaso, T. Risse. New York: Cornell University Press, 2001. P. 190.

² Европейская конвенция о гражданстве. Страсбург, 6 ноября 1997 года // Серии европейских договоров № 166.

³ Herzog B. Revoking Citizenship: Expatriation in America from the Colonial Era to the War on Terror. NY: New York University Press, 2015. P. 68.

⁴ O'Leary S. Irish nationality law / В Nascimbene (ed.), Nationality laws in the European Union. Milan: Butterworths & Giuffrè Editore, 1996. P. 426.

резидентами, соответственно, не делая различия между британскими подданными и гражданами иностранных государств¹. В статье 3 Договора 1921 года, на котором основывалась Конституция 1922 г., прямо оговаривалось, что привилегии и обязательства ирландского гражданства должны были иметь место только в «пределах юрисдикции Ирландского Свободного Государства» — вне государственных границ ирландские граждане признавались только как британские подданные.

Это обстоятельство стало одним из ключевых вопросов для зарождающегося государства, которое отказалось признать, что ирландское гражданство было лишь локальным вариантом британского. Как министр иностранных дел Ирландии Патрик МакГиллан указывал в 1930 году, новое государство не может терпеть «полное слияние нашей национальности с термином «британский подданный» в качестве единственно признанной и эффективной характеристики наших граждан, когда они находятся за пределами наших границ»². До того момента, в 1920-х гг., велись широкие дискуссии в отношении того, как граждане Ирландии должны были быть записаны в ирландских паспортах, так как официальный Лондон настаивал на том, чтобы такие паспорта должны были идентифицировать их владельцев в качестве британских подданных³.

Такая ситуация имела место вплоть до 1935 г., когда был принят Акт об ирландской национальности и гражданстве⁴. Главнейшей задачей при разработке этого законодательного акта было утверждение суверенитета и особого характера ирландского гражданства в соответствии со статьей 33.1, отменяющей британское подданство и Акт о британском гражданстве и статусе иностранцев 1914 года⁵, «если и настолько, они соответственно когда-либо действовали в Ирландском Свободном Государстве», и, статьей 33.3, объявившей, что «факты или события, по причине которых человек является в любое время рожденным гражданином Ирландского Свободного Государства, сами по себе не являются основанием для предоставления таким лицам любого другого гражданства». С ирландской точки зрения, по крайней мере, более не должно было быть двусмысленности в отношениях между

¹ Kohn L. The constitution of the Irish Free State. London: George Allen and Unwin, 1932. P. 121.

² Daly M. Irish nationality and citizenship since 1922 // Irish historical studies. 32 (127). 2001. P. 384.

³ O'Grady J. The Irish Free State passport and the question of citizenship // Irish historical studies. 26 (104). 1989. P. 401.

⁴ The Irish Nationality and Citizenship Act, 1935 // Acts of the Oireachtas. № 13/1935.

⁵ The British Nationality and Status of Aliens Act, 1914 // 4 & 5 Geo. 5. Ch. 17.

ирландским гражданством и статусом британского подданного.

Британская точка зрения была отличной, так как правительство Соединённого Королевства продолжало признавать ирландских граждан в качестве британских подданных. Эта аномалия не была решена вплоть до принятия нового Акта об Ирландии в 1949 году¹, в котором признавались, как отдельная категория «граждане Республики Ирландии»².

Аналогичным образом, Акт 1935 г. утверждал универсальную ценность ирландского гражданства, заявив, что граждане Ирландии были гражданами этого государства для «всех целей — внутригосударственных и международных». Статья 3 Конституции также была изменена в 1935 году, с удалением фразы, ограничивающей ирландское гражданство в «пределах юрисдикции Ирландского Свободного Государства»³.

В сочетании с Актом об иностранцах 1935 года⁴, Акт о гражданстве обозначил британских подданных как «чужих» в Ирландском Свободном Государстве. Тем не менее, в соответствии с приказом министра № 108/35, британские подданные были освобождены от применения Акта об иностранцах. Точно так же при разработке Акта 1935 г., немного внимания было уделено положению жителей Северной Ирландии⁵.

До 1935 г. подавляющее большинство жителей Северной Ирландии были, согласно ирландскому законодательству, гражданами Ирландского Свободного Государства в связи с теорией «разницы в 24 часа»⁶. Этот аргумент, сформулированный в решении суда по делу 1933 г. «Re Logue»⁷, опирается на положения Договора, позволявшие жителям Северной Ирландии отказаться от гражданства Ирландского Свободного Государства. Учитывая, что власть над всем островом была передана в Дублин 6 декабря 1922 г., и Северная Ирландия воспользовалась своим правом исключения только на следующий день,

¹ The Ireland Act, 1949 // 12 13 and 14 Geo. 6. Ch. 41.

² O'Leary S. Irish nationality law / B Nascimbene (ed.), Nationality laws in the European Union. Milan: Butterworths & Giuffrè Editore, 1996. P. 427.

³ Constitution (Amendment № 26) Act, 1935 // Acts of the Oireachtas. № 12/1935.

⁴ The Aliens Act, 1935 // Acts of the Oireachtas. № 14/1935.

⁵ Daly M. Irish nationality and citizenship since 1922 // Irish historical studies. 32 (127). 2001. P. 391.

⁶ Ó Caoindealbháin B. Citizenship and borders: Irish nationality law and Northern Ireland // Mapping Frontiers, Plotting Pathways Working Paper № 18, 2006. P. 11.

⁷ Re Logue [1933] 67 ILTR 253.

формулировка статьи 3 Конституции 1922 г. считалась применимой для всех тех проживающих на острове в тот же день (само собой, разумеется, этот аргумент не был признан на территории Соединённого Королевства).

Однако, трудность порядка получения гражданства, установленного статьей 3 Конституции, способствовало тому, что число людей, имеющих право на ирландское гражданство в Северной Ирландии было зафиксировано и должно было с течением времени только уменьшаться. Акт о гражданстве 1935 г. (ст. 2) предусмотрел приобретение гражданства ребенком, родившимся за пределами государства у гражданина-отца. Однако, это автоматическое право было ограничено первым поколением, для получения гражданства последующими поколениями требовалась обязательная регистрация и отказ от любого другого гражданства. Сочетание в ирландском законодательстве принципов права крови и почвы, с одной стороны, четко обозначали государственные территориальные притязания, а с другой стороны, способствовали поддержанию и распространению национальной идентичности на жителей Северной Ирландии, к которым относились «одинаковым образом лица ирландского рождения или происхождения, которые проживали в Великобритании или другой стране»¹.

Акт 1935 г. был, в целом, совместим с существовавшими границами государства, уважая и, в сущности, укрепляя их. Учитывая ирредентистский характер статей 2 и 3 новой Конституции, которая должна была быть принята только два года спустя, консерватизм составителей Акта кажется удивительным².

В самом деле, несмотря на риторические претензии статей 2 и 3, совместимость законодательства об ирландском гражданстве с государственными границами остались неизменными по Конституции 1937 года. В ст. 9.1.1 просто устанавливалось, что «при введении в действие этой Конституции каждый, кто был гражданином Ирландского Свободного Государства к моменту введения в действие этой Конституции, должен стать и является гражданином Ирландии».

Тем не менее, несмотря на претензии на юрисдикцию над Северной Ирландией, ее жители по-прежнему были лишены прав полного гражданства, таким образом, подчеркивался их посторонний статус³.

Отношение к жителям Северной Ирландии в ирландском законодательстве о

¹ Ó Caoidealbháin B. Ibid.

² Daly M. Irish nationality and citizenship since 1922 // Irish historical studies. 2001. 32 (127). P. 406.

³ O'Halloran C. Partition and the limits of Irish nationalism: an ideology under stress. Dublin: Gill and Macmillan, 1987. P. 176.

гражданстве, однако, изменилось радикально с принятием Акта об ирландской национальности и гражданстве 1956 г.¹ С провозглашением Республики Ирландия в 1948 году², и с последующим принятием британского Акта об Ирландии³ в 1949 году, полная независимость государства была нормативно закреплена, содействуя успешному разрешению, с ирландской националистической точки зрения, неудовлетворительного положения, в соответствии с которым рожденные в Северной Ирландии относились по законодательству Ирландии к родившимся иностранцам. Ирландское правительство стремилось изменить эту ситуацию, распространив возможность получения своего гражданства на жителей Северной Ирландии, а также на ирландских эмигрантов и их потомков за рубежом.

Стремясь к тому, чтобы сделать ирландское гражданство более широко доступным, Акт 1956 года закрепил решающее функциональное различие от своего предшественника Акта 1935 года, в статье 6.1 предусмотрев, что «каждый человек, родившийся в Ирландии является гражданином Ирландии от рождения», под термином «Ирландия», в соответствии со статьей 2 Конституции, следует понимать как «национальную территорию», которая охватывает «весь остров Ирландия, его острова и территориальное море». В то время как статья 7.1 официально отвергла автоматическое гражданство для тех, кто родился в Северной Ирландии, требуя обязательную регистрацию «в ожидании реинтеграции национальной территории». Подавляющее большинство населения Северной Ирландии подпадало под это определение по происхождению, что обеспечивало автоматическое гражданство для «каждого живого человека, который является внуком лица, рожденного в любой части тридцати двух графств до 6 декабря 1922 г.»⁴

Данные нормы имели важное значение для территориальных границ государства⁵. Два принципа легли в основу указанных положений: происхождение — право крови (*jus sanguinis*) и место рождения — право почвы (*jus soli*). Первое уважало существующие границы до такой степени, что оно разрешало получение гражданства по наследству. Тем не менее, в обеспечение автоматической передачи гражданства к тем, кто родился у гражданина-родителя в Северной Ирландии, в

¹ The Irish Nationality and Citizenship Act, 1956 // Acts of the Oireachtas. № 26/1956.

² The Republic of Ireland Act, 1948 // Acts of the Oireachtas. № 22/1948.

³ The Ireland Act, 1949 // 12 13 and 14 Geo. 6. Ch. 41.

⁴ Kelly J.M. The Irish constitution. Dublin: Butterworths, 1994. P. 63.

⁵ Ibid. P. 62.

отличие от рождения за пределами острова, которым, после первого поколения, требуется регистрация, Акт 1956 г. ввел территориальный элемент. Совместимость этого нововведения с международным правом является сомнительной, учитывая его попытку регулировать вопросы гражданства на территории, не входящей в территорию государства.

Важные изменения в режим ирландского гражданства, описанные как «вероятно, наиболее знаковые изменения в Конституцию»¹, были приняты во исполнение Договора Страстной Пятницы 1998 года. Для того, чтобы обеспечить политическое урегулирование конфликта на Севере, ирландское правительство согласилось на проведение референдума об утверждении необходимых изменений для исключения из Конституции положений о претензии Ирландии на территорию всего острова. «В центре внимания новых положений — смещение от определения национальной территории к попытке определить нацию со ссылкой на её людей»². Статья 1 Договора имеет особое значение для ирландской национальной политики, устанавливая: «Неотъемлемым правом всех людей в Северной Ирландии является право называться и быть принятыми в качестве ирландцев или англичан, или обоих, по своему выбору, и, соответственно, подтверждает, что их право на наличие обоих британского и ирландского гражданства признается обоими правительствами и не будет зависеть от какого-либо будущего изменения в статусе Северной Ирландии»³.

Термин «народ Северной Ирландии» было определен в Приложении к Договору и означает «все лица, родившиеся в Северной Ирландии и имеющие, на момент их рождения, по крайней мере, одного из родителей, который является гражданином Великобритании, гражданином Ирландии или иным образом правомочно проживать в Северной Ирландии без каких-либо ограничений на период их проживания».

После одобрения Девятнадцатой поправки к Конституции в 1998 году, принятой для имплементации Договора Страстной Пятницы, новая редакция статьи 2 Конституции предусматривает: «Неотъемлемым правом каждого человека, родившегося на острове Ирландия, состоящей из прилегающих к нему островов и территориального моря, является право быть частью ирландской нации. Это также неотъемлемое право всех лиц, которые в соответствии с законом могут быть

¹ Hogan G. W., Whyte G.F. JM Kelly: The Irish Constitution. Dublin: Lexis Nexis Butterworths, 2003. P. 68.

² Ibid. P. 71.

³ Northern Ireland Peace Agreement (The Good Friday Agreement), 1998. URL: http://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IE%20GB_980410_Northern%20Ireland%20Agreement.pdf (дата обращения: 01.04.2022 г.).

гражданами Ирландии. Кроме того, ирландский народ дорожит своей особой близостью с людьми ирландского происхождения, проживающими за рубежом, которые разделяют свою культурную самобытность и наследие»¹. Следует отметить, что конституционное право на получение гражданства по праву почвы не было ограничено, как это могло бы быть в отношении «народа Северной Ирландии», как он определен в Приложении к Договору Страстной пятницы.

Статья 3 Конституции была также заменена. В новой редакции она устанавливает: «Это твердая воля ирландского народа, в гармонии и дружбе, объединить всех людей, которые разделяют территорию острова Ирландия, во всем многообразии их самобытности и традиций, признавая, что единая Ирландия должна быть создана только мирными средствами с согласия большинства народа, демократически выраженного, в обеих юрисдикциях на острове. До тех пор, законы, принятые парламентом, установленные настоящей Конституцией будут иметь территорию и степень применения, как и законы, принятые парламентом, который существовал непосредственно перед вступлением в силу настоящей Конституции»².

Акт об ирландской национальности и гражданстве 2001 г.³ изменил статьи 6 и 7 Акта 1956 года, чтобы закрепить нормы, установленные Договором Страстной пятницы. В отношении права почвы, положение о предоставлении ирландского гражданства от рождения «каждому человеку, рожденному в Ирландии» было заменено положением о том, что «каждый человек, родившийся на острове Ирландия имеет право быть гражданином Ирландии». Категория «Ирландия» в старом законодательстве была заменена заявлением, что «ссылка на остров Ирландия включает ссылку на его острова и моря». Этот подход был разработан, чтобы уважать позицию тех лиц, проживающих в Северной Ирландии, кто не желает использовать такое право, как это установлено в британо-ирландском соглашении⁴.

В апреле 2004 года правительство выступило с предложением о внесении поправок в ст. 9 Конституции в целях устранения конституционного права на ирландское гражданство лиц, родившихся на острове Ирландия, которые не имеют по крайней мере одного родителя, бывшего гражданином Ирландии или имеющего право на ирландское гражданство. Эти предложения были сделаны для того, чтобы

¹ Ibid.

² Constitution of Ireland, Bunreacht na hÉireann. URL: http://www.taoiseach.gov.ie/eng/Historical_Information/The_Constitution/ (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ The Irish Nationality and Citizenship Act, 2001 // Acts of the Oireachtas. № 15/2001.

⁴ Minister for Justice, Seanad Debates, 8 December 1999.

прекратить практику, «которая позволяет кому-либо без каких-либо реальных связей с Ирландией, Северной или Южной, устроить свои дела так, чтобы родить ребенка в Ирландии, Северной или Южной». Отмечалось, что «ни у одной другой страны в мире нет такой ситуации, когда гражданство может быть приобретено без каких-либо весомых связей со страной гражданства, и которая предоставляет своим гражданам самый широкий круг прав»¹.

Это положение было предназначено для того, чтобы население Северной Ирландии не могло быть лишено ирландского гражданства. Оно также создало конституционное право на гражданство по рождению². Если нелегальная иммиграция не являлась проблемой в кампании по проведению референдума о внесении девятнадцатой поправки к Конституции, то она стала предметом многочисленных споров в последующие годы с утверждением о том, что иностранные граждане занимались «туризмом для рождения», ложась в больницы в Республике Ирландия или в Северной Ирландии на поздних сроках беременности, чтобы потом обеспечить гражданство для своих новорожденных детей. Хотя истинное число таких рождений точно установлено не было, но один случай в значительной степени повлиял на ситуацию и дальнейшее развитие событий — имеется ввиду дело Чен³, которое разбиралось Судом ЕС как раз во время кампании по проведению референдума о внесении указанных изменений в Конституцию Ирландии.

Кункиан Катерина Чжу родилась 16 сентября 2000 года в Белфасте у китайских родителей, которые жили в Уэльсе и работали на китайскую фирму в Великобритании. Мать ребенка, Мэн Лаветт Чен, выбрала Северную Ирландию в качестве места рождения для ребенка, чтобы она могла получить ирландское гражданство. Так как родители Катерины были только временными мигрантами в Великобритании, она не имела права на получение британского гражданства просто в силу рождения в Соединенном Королевстве⁴.

Тем не менее, родившись в Белфасте, Катерина имела право на ирландское

¹ Minister for Justice, Dáil Éireann Debates. Vol. 583. 21 April 2004.

² Referendum Commission. “Refcom information booklet on Referendum on Irish Citizenship”. URL: <http://www.refcom.ie/en/past-referendums/irish-citizenship/refcom-information-booklet-on-referendum-on-irish-citizenship/> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Case Kunqian Catherine Zhu and Man Lavette Chen v Secretary of State for the Home Department. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/NOT/?uri=CELEX:62002CJ0200> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁴ Shaw J. The Transformation of Citizenship in the European Union: Electoral Rights and the Restructuring of Political Space. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 260.

гражданство, и г-жа Чен получила ирландское гражданство для нее, с целью использования статуса ребенка как гражданки Европейского Союза, чтобы перевезти всю семью на постоянное место жительства в Кардифф, Уэльс. Тем не менее, британские власти отклонили ходатайство семьи о разрешении на постоянное проживание в Великобритании. При рассмотрении апелляции, дело было направлено для рассмотрения в Суд ЕС, который постановил, что в соответствии со статьей 18 Договора о ЕС, как гражданин Европейского Союза, Катерина Чен имела право на проживание в любом месте в ЕС, и что отказ в предоставлении такого права её родителям, в то время, когда она была не в состоянии ухаживать за собой противоречит этому положению.

Хотя в процессе рассмотрения дела в Суде ЕС, Генеральный адвокат Тиццано заявил, что в данном случае не было нарушения права ЕС, так как лицо пыталось воспользоваться правилами, связанными с ирландским гражданством, вопросы регулирования и предоставления которого находятся в юрисдикции государств-членов, а не Европейского Союза¹.

Если ограничение права на гражданство по рождению становилось политически популярным, то было юридически невозможно это сделать без внесения изменений в Конституцию. Двадцать седьмая поправка к Конституции не изменяла текст статьи 2 Основного закона, но вместо этого, вносила изменения в статью 9.2, которая ограничила право на гражданство по рождению.

Референдум о внесении изменений в Конституцию был проведен в тот же день, что европейские и местные выборы. Это дало повод некоторым утверждать, что правительство пытается использовать популярные предрассудки, чтобы повысить свои предвыборные перспективы. Было также отмечено, что правительство не представило достаточно доказательств, чтобы убедить, что предлагаемые поправки были крайне необходимы, так как количество лиц, которые воспользовались такой «конституционной лазейкой», на самом деле было статистически небольшим².

На референдуме, поправка была одобрена большинством почти 80% голосов³.

¹ Case C-200/02 *Man Lavette Chen and Kunqian Catherine Zhu v Secretary of State for the Home Department*. URL: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?docid=48733&doclang=en> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² См.: Anderson B., Hughes V. *Citizenship and Its Others*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. P. 134-136.

³ URL: <http://www.referendum.ie/archive/display-ballotid=76&page=0.php> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

Акт о Двадцать седьмой поправке к Конституции 2004 года¹, таким образом, вступил в силу, изложив статью 9.2 Конституции в следующей редакции:

«1° Несмотря на любые другие положения настоящей Конституции, человек, родившийся на острове Ирландия, который включает прилежащие острова и море, которые не имеют, в момент рождения этого лица, по крайней мере, одного родителя, который являлся бы гражданином Ирландии или имел право быть гражданином Ирландии, не имеет право на ирландское гражданство, если иное не предусмотрено законом.

2° Этот раздел не распространяется на лиц, родившихся до даты вступления в силу настоящего раздела».

Также во исполнение внесенных конституционных положений были внесены соответствующие изменения в Акт о гражданстве 1956 г. Актом об ирландской национальности и гражданстве 2004 г.², который вступил в силу с 1 января 2005 г.

2.2 Территория

Территория государства определяется как «пространственная сфера, в пределах которой осуществляется государственный суверенитет»³. Территория государства является общественной, юридической категорией и выступает в качестве естественной географической среды, в которой существует человеческое общество⁴. При этом формируются социальная и культурная среда, содержащая в качестве составных частей: этническую, религиозную и языковую составляющие.

Территория и государство — взаимосвязанные категории. Французский государствовед Л. Дюги отмечал: «Сообщество может быть государством только тогда, когда оно осело на территории с определенными пределами. Может существовать целая социальная группа, а в ее пределах может возникнуть даже политическая власть, но это сообщество, дойдя до политической дифференциации,

¹ The Twenty-seventh Amendment of the Constitution Act, 2004. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2004/ca/27/enacted/en/html> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² The Irish Nationality and Citizenship Act, 2004 // Acts of the Oireachtas. № 38/2004.

³ Milano E. Unlawful Territorial Situations in International Law: Reconciling Effectiveness, Legality And Legitimacy. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2006. P. 66.

⁴ Курс международного права: в 6 т. Т. 2. М.: Наука, 1967. С. 58.

не составляет и не может составлять государства»¹. На связь верховенства и единства в качестве признаков суверенитета с территорией государства указывают и другие исследователи².

В 70-х гг. XX в. существенным стал международно-правовой аспект территории. «Государственная территория — это принадлежащая государству часть земного пространства над сушей и водами, которая находится под исключительной его властью»³.

Проблема территории всегда была одной из самых острых и сложных в международном праве, так как территория — это не просто пространство, а необходимый атрибут государства, материальная основа жизнедеятельности его народа и человечества в целом, необходимый элемент, без которого оно не может нормально существовать. Хотя известны случаи, когда правительство, часть государственного аппарата одного государства были расположены на территории другой страны из-за потери своей территории в результате завоевания её иностранным государством. Временность и непрочность таких ситуаций лишь подчеркивает необходимость наличия территории для нормального существования государства.

На протяжении всей истории человеческой цивилизации возникали конфликты и вспыхивали войны за обладание той или иной территорией. Это вызвало необходимость создания международно-правовых норм, регулирующих отношения между субъектами международного права в отношении территорий. По мере развития науки и техники становились все более доступными и пригодными для исследований и эксплуатации отдаленные территории, которые не находятся под суверенитетом какого-либо государства и являются общим достоянием человечества, например, открытое море, Антарктика, космос. В связи с этим появились нормы, определяющие правовой режим этих пространств и возможности субъектов международного права по их научному изучению и экономическому использованию. Этот процесс продолжает развиваться и сегодня.

Понимание международным правом территории в основном в

¹ Дюги Л. Конституционное право: общая теория государства. М., 1908. С. 128.

² См.: Конституция Российской Федерации: комментарий / под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М.: Юрид. лит, 1994. С. 70; Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации, подготовленный Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации // <http://truddoc1.ru/kodex/kom1.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Клименко Б.М. Государственная территория. Вопросы теории и практика международного права. М.: Международные отношения, 1974. С. 160.

пространственном аспекте не имеет ничего общего с понятием территории в ее естественном смысле, как среды обитания земной фауны и флоры, местонахождение природных богатств и ресурсов, как среды обитания человека и материальной основы ее существования, хотя последнее и учитывается в нормах международного и национального права, касающихся природопользования. Нетрудно заметить, что в данном контексте территория представляется не только в виде пространственных пределов функционирования общества, некоей основы существования социального организма, но и как своего рода политическое, экономическое и культурное пространство, пределы осуществления власти внутри страны и пределы, за которыми государство выступает как иностранная, внешняя сила¹.

Однако, с точки зрения международного права, основной характеристикой территории является её правовой режим.

Я. Броунли писал: «Международное право знает четыре вида режима территорий: территориальный суверенитет; территория, на которую распространяется суверенитет любой государства или группы государств и которая имеет свой собственный статус (например, подмандатные и подопечные территории); *res nullius* (ничейные территории) и *res communis* (территория, принадлежащая всем)»².

Ганс Кельзен предложил свою классификацию территорий в международном праве. Под территорией он понимал конкретный правовой порядок, ограниченный пространственной формой, а конкретно территорию государства определял как территориальную сферу распространения национального правового порядка.

Анализируя взгляды Г. Кельзена, С.Ю. Павлов отмечает: «Под территорией в узком смысле Кельзен понимал «пространство, в пределах которого лишь одно государство, а именно то, кому принадлежит территория, управомочивается издавать общеобязательные акты». В то же время подобная деятельность других государств на этой территории полностью исключается. Территория государства в широком смысле «включает в себя, наряду с территорией в узком смысле, также пространство, где на равных основаниях может действовать одновременно несколько государств». К таковому относится, в частности, водное пространство, имеющее статус открытого моря. На этом пространстве каждое государство имеет право на свободное плавание своих судов под национальным флагом. На каждом из

¹ См.: Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М., 1997.

² Броунли Я. Международное право. Кн. 1. М.: Прогресс, 1977. С. 173.

этих судов действуют законы «своего» государства. К территории государства в широком смысле относятся также территории, не принадлежащие ни одному из государств. Их правовой статус аналогичен статусу открытого моря»¹. Таким образом, Г. Кельзен выделял территории государств, территории с международным режимом и территории со смешанным режимом².

Такому подходу в полной мере отвечает утверждение Н. А. Ушакова о том, что правовое понятие территории не имеет ничего общего с понятием территории «в ее природном, естественном смысле, как среды обитания земной флоры и фауны, местонахождения естественных богатств и ресурсов, среды обитания человека и материальной основы его обитания»³.

Территориальное верховенство государства означает полную и исключительную власть государства в пределах собственной территории. Эта власть осуществляется целой системой государственных органов. Полнота государственной власти заключается в том, что ей принадлежит вся законодательная, исполнительная и судебная деятельность. Исключительность государственной власти заключается в том, что над ней не имеет и не может быть никакой другой власти, а также на территории государства исключается деятельность любой другой публичной власти. Государственной власти подчиняются все лица и организации в пределах территории этого государства.

Территориальное верховенство каждого государства должно уважаться всеми другими государствами. Никто не может вмешиваться во внутренние дела государства. В своих границах государство устанавливает определенный правопорядок, который не должен нарушаться другими государствами.

Пределы действия территориального верховенства каждого государства ограничиваются его государственными границами. Правда, в ряде случаев, государства могут осуществлять свою юрисдикцию в отношении лиц и действий, совершенных за пределами своей территории. Является общепризнанным, что юрисдикция государства может распространяться за пределы границ только на свои военные корабли в открытом море, воздушные суда вне своей территории и на

¹ Павлов, С.Ю. Государственная территория: понятие и сущность // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 3. С. 606.

² Дорская А.А. Учение Ганса Кельзена и развитие международного права // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2014. № 4 (25). С. 6.

³ Ушаков Н.А. Международное право: основные термины и понятия. Учебное пособие. М.: ИГП РАН, 1996. С. 37.

космические объекты и их экипажи¹.

Современное международно-правовое понимание государственной территории основывается на основных принципах международного права. Тем не менее, и отечественная, и зарубежная доктрина, признавая и развивая данные принципы, иногда по-разному понимают и интерпретируют их содержание, равно как и содержание самого понятия «территория»². Плюрализм мнений и подходов можно объяснить целым рядом факторов и обстоятельств: как теоретическими, так и социально-политическими. В целом, история международного права знает несколько концепций обоснования и объяснения юридической природы государственной территории. Среди них можно выделить: объектную, пространственную теории и теорию компетенции.

Сторонники объектной или вещественной теории (среди них — Галлер, Зейдель, Сперанский и др.) рассматривали территории как вещь — объект собственности государства или суверена. Территория — это не только элемент государства, но и его объект. В этой связи, гражданско-правовые сделки по поводу земли допустимы как между гражданами, так и между государствами. Галлер утверждал, что государство произошло от права собственности на землю. Ведь именно это право автоматически распространяет право собственности и на людей, проживающих на соответствующей территории.

Взгляды сторонников этой теории являются исторически обоснованными, вместе с тем, в них проявляется идеологическая направленность: теория оправдывает монархическую власть и обосновывает феодальный строй в обществе. Зейдель в связи с этим полагал, что отношение монарха к государству соответствует отношению собственника к вещи³.

Таким образом, в данной теории территория рассматривалась как арена властной деятельности государства для внутреннего права и как собственность государства для международного права, иными словами, в международных отношениях каждое государство выступало как собственник своей территории. Следовательно, государство не только осуществляло территориальное верховенство в сфере публичного права, но также обладало способностью распоряжаться своей

¹ United Nations Report of the International Law Commission. Annex E. Extraterritorial Jurisdiction. URL: http://www.tjssl.edu/slomansonb/5.1_UNExtra.pdf (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Теория государства и права / Под общ. ред. Марченко М.Н. М.: Зерцало, 2004. С. 58.

³ Seidel M. Grundzuege einer allegemeiner Staatslehre. 1889. S. 10 (цит. по: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1911. С. 417).

территорией на международной арене как своей собственностью¹.

Сторонники пространственной теории (теории властвования) (И. К. Блюнчли, Л. Дюги, Ф. Лист, Г. Еллинек и др.) определяли территорию как пространственную границу государственной власти².

Наконец, теория компетенции предусматривала, что территориальный суверенитет государства ограничивается местной компетенцией (Кельзен, Руссо).

В частности, Г. Кельзен определяет территорию государства как «территориальную сферу распространения национального правового порядка» и рассматривает ее в двух смыслах — узком и широком. Под территорией в узком смысле автор понимает «пространство, в пределах которого только одно государство, а именно то, которому принадлежит эта территория, уполномочивается издавать общеобязательные акты»³. В то же время, похожая деятельность других государств на этой территории полностью исключается. Территория государства в широком смысле включает в себя, наряду с территорией в узком смысле, также пространство, где на равных основаниях могут действовать одновременно несколько государств. К таковому относится, в частности, водное пространство, имеющее статус открытого моря. На этом пространстве каждое государство имеет право на свободное плавание своих судов под национальным флагом. На каждом из судов действуют законы «своего» государства. К территории государства в широком смысле относятся также территории, которые не принадлежат ни одному из государств. Их правовой статус аналогичен статусу открытого моря.

В настоящее время, согласно нормам и принципам современного международного публичного права, территориальному верховенству любого государства присущи такие элементы, как *imperium* и *dominium*. При этом *imperium* означает осуществление государством суверенной власти в пределах своей территории, а *dominium* — одновременное публично-правовое владение этой территорией. Как справедливо отмечал И. К. Блюнчли, «с отделением частного права от государственного понятие государственной собственности над всей территорией сделалось несостоятельным»⁴.

¹ Нифанов А.Н. Генезис правовых теорий о территории государства // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. №14 (109). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/genezis-pravovyh-teoriy-o-territorii-gosudarstva> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² См. напр.: Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Рига, 1923.

³ См. напр.: Kelsen H. Allgemeine Staatslehre. Berlin: Springer, 1925.

⁴ Блюнчли И.К. Общее государственное право. СПб, 1885. С. 187.

Принцип исключительного использования территории государством в соответствии с международным правом был сформулирован Максом Хубером в 1928 году: «Суверенитет в отношениях между государствами означает независимость. Независимость в отношении доли Земного шара является правом свободного выполнения, исключая любое другое государство, функции государства. Развитие национальной организации государства в течение последних нескольких столетий и, как следствие, развитие международного права, выработало данный принцип исключительной компетенции государства в отношении своей собственной территории таким образом, чтобы сделать его отправной точкой в разрешении большинства вопросов, которые возникают в международных отношениях»¹.

Территория должна рассматриваться как внешний, очевидный знак той сферы, в рамках которой осуществляется публичная власть государства². Это выражение всех действий на своей территории является, по выражению Хубера, «отправной точкой» для большинства вопросов, которые возникают в международных отношениях. Территория является основой для выражения суверенитета, юрисдикции и может рассматриваться как краеугольный камень всего международного права.

Правовая система Ирландии использует понятие «территория» в отношении своего внутреннего устройства. Например, вплоть до 1998 года, Конституция Ирландии включала в себя ясно выраженное и недвусмысленное положение, определяющее территорию Республики. Статьи 2 и 3 закрепляли следующее:

«Статья 2. Принадлежащая народу территория состоит из всего острова Ирландия, прилегающих к нему островов и территориального моря.

Статья 3. До воссоединения национальной территории и без ограничения прав Парламента и Правительства, образованных в соответствии с этой Конституцией для осуществления юрисдикции на всей территории, законы, изданные Парламентом, должны применяться в тех же сферах и в отношении той же территории, как и законы Ирландского Свободного Государства, и также иметь экстратерриториальное действие»³.

Соответственно, Конституция закрепляла, что государство распространяется на весь остров Ирландия, и подтверждала права парламента и правительства

¹ The Island of Palmas (or Miangas) Case, United States of America V. The Netherlands (1928), Reports of International Arbitral Awards. Volume II. P. 829.

² Nationality Decrees in Tunis and Morocco Case. // PCIJ Reports. Series B. № 4. 1923.

³ Constitution of Ireland. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en/html> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

осуществлять юрисдикцию на этой территории. Однако, власть Республики Ирландия реально не распространяется на Северную Ирландию, иногда называемую как «шесть графств»¹. Эта территория входит в состав Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Как мощная координирующая система, международное право формулирует установленные рамки поведения между государствами по спорным вопросам, а также когда государства взаимодействуют друг с другом. Оно необязательно содержит реальные решения для существующих проблем, однако, устанавливает механизм для того, чтобы с ними справиться. Когда дело касается споров и претензий между государствами касательно территории и юрисдикции, как это было установлено в статьях 2 и 3 Конституции Ирландии до 1998 г., международное право могло быть особенно актуально при определении того, кто осуществляет реальную власть и эффективный контроль на этой территории. Только после этого будет рассмотрено, как этот эффективный контроль будет признан другими государствами.

Однако, очевиден вывод о том, что не существует суверенного государства, территория которой находилась бы в границах другого суверенного государства и его территории. Территориальное деление может быть симметричным, асимметричным, но если внутри какой-либо части территории сформировалась новая государственность, то это означает распад старого государства, если вновь созданное образование не реализует свое право на самоопределение через сепарацию.

Ирландия изменила свои конституционные положения с подписанием Белфастского Соглашения («Соглашения Страстной пятницы»)². Территориальные притязания Республики Ирландия были заменены в Конституции на не прямое обращение ко всей ирландской нации, которая состоит из «каждого рождённого на острове Ирландия, который включает его острова и моря», как это закреплено в статье 2 современной редакции Конституции. Это конституционное положение направлено на намерение распространить ирландское гражданство на людей, рождённых в Северной Ирландии, которые также должны быть британскими гражданами. Концепция ирландской нации нацелена на обретение национального единства, которое может получить полное признание со стороны других государств и подтверждение международным правом.

¹ См. напр.: McGarry J., O'Leary B. Explaining Northern Ireland: Broken Images. Wiley, 1995.

² The Belfast Agreement, 1998. URL: <https://www.dfa.ie/media/dfa/alldfawebstimedia/ourrolesandpolicies/northernireland/good-friday-agreement.pdf> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

Статья 2 Конституции Ирландии до 1998 г. представляет собой отличный пример того, как конституционное или международное право определяют государство и его территорию, если возникает территориальная проблема. В таких случаях выражается международная позиция государства, которая представляет собой сформированную политическую волю и силу, выраженную в отношении других государств, которые, в конечном счёте, должны найти своё закрепление в международном праве. Исходя из этого, определение территории национальным правом имеет незначительное, если не ничтожное значение в международном праве. Чтобы понять, как далеко юрисдикция распространяется на территорию, эффективность правопорядка является решающим фактором, принимаемым во внимание международным правом¹.

В международном праве можно говорить об уважении территориального разграничения между государствами, например, принципах территориальной целостности государств, нерушимости их границ. Тем не менее, в ряде случаев, например, в отношении международных водных артерий, международно-правовое регулирование не столь однозначно, что позволяет проиллюстрировать регламентацию отношений между соседними государствами в отношении разграничения их территорий. Река, соединяющая два государства, объединяет их во многих отношениях. Сложно сказать, какое государство обладает преимущественным правом для использования реки. Однако, полностью ограничить использование реки одним государством в интересах другого представляется несправедливым, тем самым подтверждается, что использование государством даже собственной территории неизбежно влечёт за собой определённые формы международного сотрудничества, тем более, как только использование другой страной своей территории может причинить ущерб. Пример с международными водными артериями демонстрирует, что необязательно существует приемлемый способ согласования этих конкурирующих территориальных интересов соответствующих государств.

В отношении этого неотъемлемого права государства использовать свою собственную территорию, водотоки, соединяющие государства, лучше всего демонстрируют необходимость в кооперации между государствами. Учитывая опыт Ирландии в контексте данного вопроса, следует особо остановиться на анализе дела

¹ Подробнее о влиянии на правовую систему Ирландии вопросов, связанных с Северной Ирландией, речь идет в параграфе 3 первой главы настоящей работы.

о её споре с Великобританией в отношении завода МОКС¹.

На побережье Ирландского моря, начиная с 50-х гг. прошлого столетия, Великобритания осуществляла свою ядерную программу в комплексе Селлафилд. В 2001 году по решению британского правительства там же был открыт завод по выработке МОКСа. Ирландия выступила с протестом, так как данная деятельность прямо и косвенно является причиной загрязнения морской среды Ирландского моря².

По заявлениям Ирландии были возбуждены два дела: первое — «Дело о заводе по производству МОКС» о загрязнении вод Ирландского моря, которое рассматривалось Международным трибуналом по морскому праву³, а второе — «Дело ОСПАР» о доступе к информации о МОКС-топливе в соответствии с Конвенцией о защите морской среды Северо-Восточной Атлантики (ОСПАР) 1992 г.⁴, которое было рассмотрено Постоянной палатой третейского правосудия (ППТС).

Во втором деле требования Ирландии были отвергнуты на основании того, что Великобритания не нарушила положения ст. 9 Конвенции ОСПАР, поскольку информация, запрашиваемая Ирландией, касалась коммерческой тайны и не затрагивала напрямую вопроса о состоянии морской среды⁵.

Рассмотрение же Дела о заводе МОКС в Международном трибунале ООН по морскому праву в 2003 году было приостановлено на основании того, что Судом ЕС было возбуждено дело против Ирландии по обращению Европейской Комиссии в отношении нарушения государством-членом норм права ЕС, а именно: ст. 10, 292 Договора о ЕС и ст. 192, 193 Договора о Евратоме⁶. Данное разбирательство было инициировано в связи с тем, что Конвенция ООН по морскому праву после её ратификации стала частью правовой системы ЕС, после чего все соответствующие

¹ МОКС - сокращенно от англ. «mixed oxide», смешанная окись обедненного урана и плутония (UO₂ +PuO₂) для повторного использования в качестве топлива, которое может использоваться как источник энергии в атомных электростанциях.

² Volbeda B. The MOX Plant Case: The Question of “Supplemental Jurisdiction” for International Environmental Claims Under UNCLOS // Texas International Law Journal. - 2006. - Vol. 42. - P. 211.

³ The MOX Plant Case (Ireland v. United Kingdom), Provisional Measures. URL: <https://www.itlos.org/cases/list-of-cases/case-no-10/> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁴ The Convention for the Protection of the Marine Environment of the North-East Atlantic (the ‘OSPAR Convention’). URL: <http://www.ospar.org/convention> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁵ См.: Солнцев А.М. Мирное разрешение международных экологических споров: теория и практика // Актуальные проблемы современного международного права: материалы межвузовской научно-практической конференции. М., 17.04.2006 / под ред. А.Я. Капустина, А.Х. Абашидзе. М.: РУДН, 2006. С. 274-287.

⁶ The Commission of the European Communities against Ireland. Case C-459/03. URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-459/03> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

возникающие споры должны разрешаться Судом ЕС, который в данном деле признал нарушения Ирландией указанных положений права Европейского Союза¹. После этого, в Ирландия отозвала свою жалобу из арбитража в 2007 г.²

В заключение параграфа можно сделать следующие выводы:

Гражданство — это комплексные стойкие правоотношения с участием лица и государства, содержанием которых являются взаимные права и обязанности сторон. В отличие от временных правоотношений, которые возникают в силу любого юридического факта и продолжаются до тех пор, пока не выполнены действия, предусмотренные правовой нормой, постоянные, устойчивые правоотношения гражданства возникают с момента юридического закрепления круга субъектов права и их правового статуса и продолжаются в течение всего времени, пока существуют субъекты, являющиеся их сторонами — конкретное лицо и государство.

«Право почвы» и «право крови», а также их различные комбинации продолжают оставаться основными принципами, которые лежат в основе правового регулирования приобретения гражданства по рождению. Их даже можно рассматривать не как правовые принципы в обычном понимании, а как обычные методы или совокупность типичных условий приобретения гражданства по рождению. Они наиболее полно отражают наличие фактической связи лица с государством. Однако, это не означает, что государства не могут руководствоваться другими принципами. Никакого международно-правового запрета здесь не существует, просто, как представляется, отсутствует объективная потребность в принятии других принципов. В ирландском законодательстве о гражданстве имеет место быть смешанная система: принцип «права почвы» дополняется принципом «права крови».

В международном праве сформировалось правило о том, что каждое государство обладает свободой использовать свою территорию в соответствии с международно-правовыми нормами, за исключением случаев, когда существует международно защищённая специальная цель, которой может быть нанесён ущерб таким использованием. Общая свобода использования территории и это конфликтующее право обычно приводятся в соответствие соответствующими государствами от случая к случаю. В определённых сферах пределы использования территории являются в настоящее время чётко определёнными, например: защита

¹ Ibid.

² См. подробнее: Солнцев А.М. Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров: дисс. ... к.ю.н. - М., 2008.

окружающей среды, свобода разработки природных ресурсов, социальные права или военная безопасность, нежели использование территории абстрактным образом. Но территориальный суверенитет всегда образует сердцевину любого дальнейшего обсуждения в международном праве.

В случае с Ирландией, мы имеем дело с территориальным спором данного государства с Великобританией в отношении принадлежности территории Северной Ирландии. Данный спор, в определённой степени, был разрешён с заключением в 1998 году Белфастского соглашения между двумя странами. Реализация данного международного договора предопределила внесение изменений в национальные законодательства Великобритании и Ирландии, что в случае с Ирландией позволило формально снять вопрос о территориальных притязаниях этого государства. Это подтверждает тот факт, что международная позиция государства, которая представляет собой сформированную политическую волю и силу, выраженную в отношении других государств, которые, в конечном счёте, должны найти своё признание международным правом. Исходя из этого, определение территории национальным правом имеет незначительное, если не ничтожное значение в международном праве. Чтобы понять, как далеко распространяется юрисдикция над территорией, эффективность правопорядка является решающим фактором, принимаемым во внимание на международно-правовом уровне.

§ 2. Парадигма суверенитета государства и членство в ЕС.

1. Общие вопросы концепции суверенитета.

Институт суверенитета государства в международном праве развивался одновременно вместе с самим международным правом. Любые изменения в понимании понятия «суверенитета» во многом связаны с переломными моментами в истории международного права¹. По мнению Оппенгейма, не существует категории, значение которой более дискуссионно, чем категория суверенитета². Категория «суверенитет» носит максимально общий характер, является абстрактным выражением сущности государства и потому является

¹ См.: Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и её правовое значение // Временник демидовского Юрьевского лицея. 1904. Кн. 89. С. 1-76.; Таубе М. История зарождения современного международного права (средние века). Введение и часть общая. СПб.: Типолитограф. П.И. Шмидта, 1894; Weber C. Simulating Sovereignty: Intervention, the State and Symbolic Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

² Oppenheim L. International Law. A Treatise. London, 1905. P. 103.

фундаментальной, базисной. Можно сказать, что суверенитет является ровесником государства. Само слово «суверенитет» пришло из французского языка – «souverainete» (верховная власть). Понятие суверенитета постоянно эволюционировало, развивалось, обогащалось новыми смыслами с учётом специфики той или иной эпохи¹.

Однако, сама идея суверенитета и понимание его сути возникли в исторической ретроспективе сравнительно недавно. До подписания Вестфальского договора 1648 г. понятия государственного суверенитета как такового в практике международных отношений не существовало. Вся власть принадлежала одному лицу – суверену (монарху), который признавался источником неограниченной власти и имел право свободно пользоваться собственной территорией. Управление государственными делами осуществлялось единолично без учета мнения населения конкретного государства. Поэтому изначально вопросы суверенитета, прежде всего, были связаны с отдельными лицами, являвшимися носителями власти, монархами. Однако, возможность лишения монарха его наследственной власти рассматривалась как недопустимое явление, так как это могло привести к ликвидации королевской власти его подданными.

В целом, период XVI-XVII вв. характеризовался сложными внутренними экономическими, религиозными и другими трансформационными процессами в европейских странах, которые повлияли на территориальное деление Европы и привели к Тридцатилетней войне. После этого вооружённого конфликта, в результате подписания Вестфальского мирного договора 1648 года, между европейскими государствами были поделены завоеванные территории, и установился новый порядок международных отношений – Вестфальская система, ставшая краеугольным камнем системы международных отношений, установив минимальный набор правил, которые регулировали и продолжают регулировать вопросы войны и мира между государствами, а, следовательно, их сосуществования. Согласно условиям договора было запрещено вмешиваться во внутренние дела любой страны независимо от того, какую религию исповедовали ее граждане².

Вестфальский договор юридически закрепил суверенное государство как

¹ См.: Алексеев Н.Н. Идея государства. Очерки по истории политической мысли. Нью-Йорк, 1955; Грачев Н.И. Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества: монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2009; Моджорян Л.А. Понятие суверенитета в международном праве // Сов. государство и право. 1955. № 1. С. 68-76.

² См.: Lesaffer R. Peace Treaties and International Law in European History-From the Late Middle Ages to World War One. New York: Cambridge University Press, 2004. P. 9-10.

форму организации власти, а также санкционировал принцип территориального суверенитета в межгосударственных отношениях. Суверенитет в пределах государства стал связываться с территорией, населением и четким определением и пониманием национальных интересов. Он рассматривался в качестве некоего фактора охраны государства от внешнего вмешательства.

В процессе своего функционирования Вестфальская система заставляла каждую страну-участницу ограничивать свои экспансионистские намерения, утверждая систему равновесия сил — некий компромисс между суверенитетом и общими интересами государств. Статьи Вестфальского договора зафиксировали новое соотношение сил, закрепили некую системность международных отношений, сложившихся в Европе, а также границы европейских государств. Согласно Вестфальской системе, государство является суверенным только на том основании, что оно является государством. С тех пор основной формой политической организации общества становится национальное государство, а определяющей характеристикой международных отношений — соблюдение государственного суверенитета, ставшего основополагающим принципом европейского межгосударственного порядка.

Понимание сущности суверенитета меняется с появлением национальных государств. Если ранее под суверенитетом понималась власть правителя, то в процессе становления национальных государств суверенитет стал распространяться на весь народ, проживающий на определённой государственной территории. Верховная государственная власть стала уже ассоциироваться не с личностью государя-правителя, а с государством в целом. Понятие государственного суверенитета не только закрепляется в политической теории и практике, но и превращается в атрибут государства.

Содержание Вестфальского мирного договора во многом отражало взгляды тогдашних учёных на институт государственного суверенитета. Хотя идею суверенитета исследовал еще великий итальянский мыслитель и политический деятель Никола Макиавелли, однако, он не употреблял термин «суверенитет» в контексте своей концепции. Впервые термин «суверенитет» употребил французский философ и юрист Жан Боден. В своем труде «Шесть трактатов о республике» 1576 года он написал: «Суверенитет есть постоянная и абсолютная власть монарха»¹. Он исключал наличие любой другой власти в государстве или вне его, которая бы могла

¹ Боден Ж. Шесть трактатов о республике // История политических и правовых учений. М.: Наука, 1995. С. 180.

быть выше власти монарха. Тем самым, он оправдал централизацию власти в государстве.

Это понимание суверенитета стало очень популярным, в особенности во Франции. Там власть постепенно полностью перешла к королю, который боролся с дворянством и иными сословиями до тех пор, пока все не признали, что только он является единственным источником государственной власти и сувереном. Это наиболее ярко было продемонстрировано в период правления короля Людовика XIV. В то время он рассматривался как солнце государственной Вселенной — суверен, который находится над законом. Даже сейчас монархи часто называются как «суверены». В ряде стран такое положение прямо закреплено конституционным правом: как, например, суверенитет британского монарха в парламенте, который символизирует единство монарха с обеими палатами парламента, действующими в пределах его суверенитета. Монарх или кто-либо ещё согласно конституционному праву определённой страны может при определённых обстоятельствах обладать последним словом в вопросах общественной важности. Это было прямо определено британской доктриной ещё в XVIII веке: «Власть короля должна быть абсолютной, что означает, что не существует юридической власти, которая могла бы противодействовать ему»¹.

Боден разработал свою концепцию суверенитета, основываясь на идее верховенства светской власти над всеми другими властями. Появление этой теории связано с вполне конкретными историческими обстоятельствами — борьбой королей против посягательств крупных феодалов на самостоятельность в пределах одного государства и попыток Папы Римского стать «над королями» и управлять ими. Боден выделил пять основных свойств суверенитета: издание законов, обязательных для всех; решение вопросов войны и мира; назначение должностных лиц; осуществление судебной функции в последней инстанции; помилование.

В сформулированном им понятии суверенитета, Боден впервые выделил внешнюю (независимость государства в отношениях с другими странами) и внутреннюю (верховенство государственной власти внутри страны) стороны данного явления, а также отметил присущие ему признаки: абсолютность, неделимость, непрерывность во времени, независимость, неотчуждаемость. Выделение этих признаков было исторически обусловлено персонификацией суверенитета в лице

¹ Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Oxford : Clarendon Press, 1765–1769. Book 1. P. 244.

монарха¹. Сформулированный Ж. Боденом подход был положен его преемниками в основу юридического понимания государственного суверенитета.

Никола Макиавелли, как и Боден, связывал государство с монархоносителем (субъектом) суверенитета, который отождествлялся с самим государством. Разграничивая эти понятия, выдающийся голландский юрист Гуго Гроций ввел в науку понятия «общего» и «непосредственного» носителей суверенитета. Как указывал Гроций, действия верховной власти не подчинены никакой другой власти «и не могут быть отменены чужой властью по ее усмотрению». Он считал, что «общим носителем» верховной власти, т.е. суверенитета, является государство, а «непосредственным носителем в собственном смысле» — «или одно лицо, или несколько человек, согласно законам или обычаям того или иного народа»².

Согласно взглядам Гроция, для эффективного исполнения своей основной функции государство должно обладать целым набором свойств, важнейшим из которых является верховная суверенная власть. К атрибутам государственной власти он относил: издание законов (как в светской, так и в религиозной областях), правосудие, назначение должностных лиц и руководство их деятельностью, взимание налогов, вопросы войны и мира, заключение международных договоров.

Томас Гоббс в своей работе «Левиафан» развил идею об абсолютном характере суверенитета, отрицая ответственность верховной власти за любые действия или бездействие перед подданными. Он также развил положения о внешнем аспекте суверенитета. Гоббс писал: «Среди независимых друг от друга государств каждое государство пользуется абсолютной свободой делать то, что оно считает наиболее подходящим для своего блага»³. Фактически он был одним из первых представителей этатистского понимания суверенитета, что выражается в трех формах-принципах: верховенстве и неограниченности власти, а также независимости государства.

Значительный вклад в исследование государственного суверенитета как правовой категории внес немецкий юрист Георг Елинек. Елинек отмечал, что суверенитет по своему историческому происхождению является, прежде всего,

¹ История политических и правовых учений: учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА, 2004. С. 186.

² Гроций Г. О праве войны и мира // История политических и правовых учений. Хрестоматия. Ч. I / Сост. В.В. Ячевский. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2000. С. 345.

³ Левин И.Д. Суверенитет. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 219

политической идеей, которая позже становится юридической. По его мнению, суверенитет обязан своим существованием мощным силам, борьба которых наполняется содержанием веков¹.

По мнению Г. Еллинека, государственный суверенитет — это способность «юридически не связанной внешними силами государственной власти к исключительному самоопределению, а следовательно, и самоограничению путем установления правопорядка, на основе которого деятельность государства только и приобретает такой характер, что подлежит правовой квалификации»². Он раскрывал суверенитет государства через верховенство власти, полнота которой обеспечивается деятельностью законодательной, исполнительной и судебной власти на всей территории.

Еллинек определял суверенитет как способность государства к исключительному правовому самоопределению. Принцип самоопределения Еллинек рассматривал во внешнем и внутреннем аспектах. По его утверждению, только суверенное государство «может в установленных или признанных им самим правовых рамках совершенно свободно нормировать содержание своей компетенции»³. По его мнению, суверенная государственная власть означает власть, которая не знает над собой любой другой высшей власти, поэтому она является одновременно независимой и суверенной властью⁴. Первый признак проявляется преимущественно на внешней арене, в отношениях суверенного государства с другими государствами, второй находит своё выражение во внутренних отношениях внутри государства. Суверенитет есть не безграничность, а способность юридически не связанной внешними силами государственной власти к исключительному самоопределению, а потому к самоограничению путем установления правопорядка, на основе которого деятельность государства приобретает правовой характер⁵. Довольно важным является другой его вывод, согласно которому верховенство исключает подчинение государства власти других государств в международной сфере за исключением добровольного соглашения со стороны государства на

¹ Еллинек, Г. *Общее учение о государстве*. СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1908. С. 354.

² Еллинек Г. *Общее учение о государстве* (по изданию 1903). СПб : Юрид. центр Пресс, 2004. С. 463.

³ Еллинек Г. *Указ. соч.* С. 363.

⁴ Там же. С. 457.

⁵ Там же. С. 463.

ограничение своего суверенитета¹.

В наполеоновские времена выдающийся немецкий учёный Георг Гегель дал философско-правовое обоснование этатистской интерпретации суверенитета. Он утверждал, что государственная власть никогда не ограничена законом. Сущность суверенитета в том, что он не имеет определенных границ, логика его сущности требует признания абсолютной независимости власти².

По мнению Гегеля, суверенитет делится на внутреннюю и внешнюю составляющие. Государство обладает единой волей на внутренней арене, что проявляется в установлении его законов — внутренняя составляющая (*Das Innere Staatsrecht* — нем.). Концепция внешнего суверенитета (*Das äußere Staatsrecht*) заключается в том, что такая единая воля государства проявляется в его отношениях с другими государствами³. Гегель рассматривал государство как единое образование, в котором ни одна его часть не может иметь самостоятельного существования. Суверенитет и государство неразделимы. Существующее государство должно стремиться к установлению на всей своей территории полного суверенитета, без которого назвать это образование государством нельзя.

Анализ исследований различных школ и течений позволяет сформулировать мысль о том, что принцип суверенитета развивался под влиянием социально-политических условий, которые постоянно меняются. С утверждением Вестфальской системы международных отношений суверенитет государств получил всеобщее признание. Анализ предложенных определений и признаков суверенитета дает основания утверждать, что содержание суверенитета обязательно предполагает, с одной стороны, верховенство государственной власти по отношению ко всем другим проявлениям власти внутри страны, а с другой — ее независимость в отношениях с другими государствами. При этом верховенство означает, что действия государственной власти не подчинены никакой другой власти и не могут быть отменены последней по ее усмотрению.

В современной науке международного права продолжается теоретическая разработка категории суверенитет государства, которые опять-таки неразрывно связаны с развитием самого международного права.

Как известно, нормы международного права регулируют самый широкий

¹ Там же. С. 479.

² Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 2001. С. 211.

³ См.: Hegel G. Staatsrecht. Berlin, 1805.

спектр отношений, но, прежде всего, отношения с участием суверенных государств, которые долгое время признавались единственным и основным субъектом международного права, а суверенитет был главным свойством этого основного субъекта международного права. Это во многом объясняется тем, что именно суверенитет государств обуславливает способ образования международно-правовых норм, определяет особенности объекта регулирования и специфику функционирования международного права. Именно государства наделяют международно-правовые нормы юридически обязательной силой, приводят в действие механизм их осуществления. Кроме того, наиболее насущные проблемы соотношения международного права с национальным правом, юридической природы международных организаций, «распределения власти», природы союзного государства, границ власти государства — все эти вопросы самым непосредственным и органичным образом связаны с проблемой суверенитета, а их решения — с решением проблемы суверенитета¹. В свое время известный ученый В. Э. Грабарь справедливо называл «вопрос о понятии государства, его государственности и независимости общим и, в то же время, основным и важнейшим вопросом международного права, без рассмотрения которого невозможно составить себе правильного представления и об отдельных его институтах»².

Неоспорим тот факт, что понятие суверенитета с момента своего формирования в науке до сегодняшнего дня никогда не имело универсально признанного определения³. В настоящее время в международном праве отсутствует формально-юридическое закрепление понятия «суверенитета государства». Параграф 1 статьи 2 Устава ООН устанавливает, что «Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов»⁴. В контексте данного положения термин «суверенитет» означает, что государства должны рассматриваться как первичные источники международных норм. Их особая роль в создании международного права через практику их поведения подчёркивается и в статье 38 Статута международного суда ООН, которая закрепляет, что «Суд, который обязан решать переданные ему споры на основании международного права, применяет ... b)

¹ Левин И.Д. Суверенитет. М.: Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. С. 3.

² Грабарь, В. Э. Римское право в истории международно-правовых учений. Элементы международного права в трудах легистов XII-XIV веков. Юрьев: Тип. К. Маттиссена, 1901. С. 3.

³ Oppenheim L. International Law. A Treatise. London, 1905. P. 103.

⁴ Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter1.shtml> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы»¹.

В отечественной науке международного права суверенитет государств характеризуется по-разному. Однако, в той или иной степени, большинство учёных сходятся на следующем определении:

Суверенитет — это верховенство государства в пределах собственных границ и его самостоятельность, независимость в международных делах. Это — качество, свойство любого государства². Суверенитет государства имеет внутренний и международно-правовой (внешний) аспекты³.

Внутренний аспект суверенитета предполагает установление правопорядка, которому подчиняются все физические и юридические лица внутри государства. Такое определение внутреннего суверенитета происходит из средневекового понимания суверенитета тогдашних ученых. Оно было обусловлено стремлением к обоснованию сильной централизованной власти монарха, в руках которого она и должна была концентрироваться.

Вестфальская модель суверенитета была основана на недопустимости внешнего вмешательства во внутренние дела государств. Внутренний суверенитет, согласно Вестфальской системе, должен оставаться неприкосновенным, а само государство должно свести к минимуму возможные ограничения своих суверенных прав извне. Доктрина невмешательства выступает юридическим проявлением концепции суверенитета. Впоследствии она нашла свое отражение в Уставе ООН, который в п. 7 ст. 2 закрепляет, что Устав ООН ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава. Данное положение также было подтверждено Декларацией о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, о защите их независимости и суверенитета, одобренной Резолюцией 2131 (XX) на 20-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21.12.1965 г. Принцип невмешательства во внутренние дела государств является одним из главных в международном праве, позволяя каждому государству иметь право самостоятельно выбирать свою политическую,

¹ Статут Международного суда ООН. URL: <http://www.un.org/ru/icj/statut.shtml#chap2> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Международное право / под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М.: Издательство «Омега-Л», 2011. С. 151.

³ Бирюков П.Н. Международное право. М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 137.

экономическую, социальную или культурную систему без вмешательства со стороны других государств¹.

В настоящее время внутренний суверенитет предполагает право на юрисдикцию в отношении своей территории и проживающего на ней населения; на осуществление законодательной, исполнительной власти в стране². В то же время, внутренний суверенитет предполагает отход от абсолютизма, своего рода толерантность, например, в развитии демократических институтов, обеспечении легитимности, защите прав человека, национальных меньшинств и т.д.

В свою очередь, международно-правовой (внешний) аспект включает в себя независимость государства на международной арене, что может выражаться, например, в проведении независимой внешней политики, установлении дипломатических отношений с другими странами, объявлении войны и заключении мира. В любом случае, внешний аспект предполагает признание со стороны других членов международного сообщества данного государства как единственного представителя определенной общности людей, проживающих на определенной территории, организованных политической властью.

Следует особо заметить, что внутренний и внешний аспекты суверенитета взаимообусловлены, а также в своей совокупности образуют соответствующую качественную характеристику государства³. При этом суверенитет выступает в качестве свойства, которое легитимизирует власть государства как перед своими гражданами, так и со стороны других суверенных государств.

В отношении содержания, сущности суверенитета государств в современных условиях единого мнения не существует. В частности, речь идёт о расхождении учёных во мнениях относительно различных вопросов, связанных с институтом суверенитета государств в международном праве. Среди таких теоретически и практически важных вопросов, среди прочего, можно выделить вопросы о влиянии на сущность суверенитета государства процессов глобализации и региональной интеграции, об ограничении суверенитета государства, об отчуждаемости или неотчуждаемости государственного суверенитета, о соотношении государственного суверенитета с суверенитетом народа и национальным суверенитетом, а также

¹ Бирюков П.Н. Международное право. М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 91.

² Шумилов В.М. Международное право: Учебник для бакалавриата. М.: Международные отношения, 2012. С. 65.

³ См.: Суверенитет в государственном и международном праве. «Круглый стол» // Советское государство и право. 1991. № 5. С.3-28.

некоторые другие.

Представляется, что наиболее важное значение для уяснения сущности категории суверенитета государств имеет влияние на него гуманистических идей, глобализационных процессов и процессов региональной интеграции, при которых суверенитет приобрел новые очертания и некоторые содержательные характеристики.

В настоящее время государство теряет свою исключительную компетенцию в области прав человека. Гуманитарные вопросы перестали быть внутренним делом государства. Например, граждане многих государств вправе защищать нарушенные права в международных органах и организациях. В свою очередь, систематические и грубые нарушения каким-либо государством основополагающих прав человека могут обернуться против него так называемой гуманитарной интервенцией, но при этом насильственное лишение государства суверенитета современным международным правом, в любом случае, недопустимо.

Развитие современного международного права происходит в условиях растущей взаимозависимости государств, которые находят свое отражение в интенсивных глобализационных и интеграционных процессах. Это также сказывается на изменениях представлений о суверенитете. Следствием роста количества взаимных обязательств государств, увеличением числа международно-правовых норм, появлением на международной арене новых международных институтов является все большее увеличение масштабов взаимозависимости государств.

Глобализация за последнее время стала одним из наиболее популярных категорий в науке. Данный процесс приводит к формированию новой мировой реальности, утверждению новых ценностных координат, качественного изменения принципов и структуры мира, модернизации социальной, политической, правовой и экономической систем.

В условиях глобализации государства вступают в новый этап своего развития, когда они вынуждены развиваться в унисон с другими странами. В результате такого тотального влияния глобализации меняется специфика развития мира, традиционные формы социальной организации испытывают трансформационно-модернизационные изменения, так как постепенно формируются глобальное общество на основе глобального информационного пространства. Глобализация в ее современном варианте приводит к изменению структуры современного мира, а в результате этого — к изменению государственных систем, изменению стратегий

экономического, политического, правового и духовного развития, порождая сплошную взаимозависимость мира и составляя основу его функционирования.

Развитие процессов регионализации обосновывается целесообразностью интеграционного взаимодействия за счет максимального использования местных условий и создания соответствующих факторов внутреннего роста. Усиление глобализационных процессов, переход из межгосударственного сотрудничества на качественно новый наднациональный уровень привели к пересмотру путей оптимизации участия стран и регионов в процессах региональной интеграции, роль которой заключается в сближении народов и стран мира в различных сферах их жизнедеятельности¹.

Поэтому очевидной тенденцией развития международного сообщества и международных отношений является стремление государств, в ряде случаев, передать свои неотъемлемые правомочия международным организациям для успешного достижения общих целей как на региональном, так и на универсальном уровнях. Развитие надгосударственных черт в деятельности некоторых международных организаций, хотя и является объективным и очевидным достоянием современных объединительных процессов, продолжает вызывать споры среди юристов-международников. При этом как на практическом, так и на теоретическом уровнях большинство признает первичную роль суверенитета государства в процессе развития наднациональных образований и эволюции их властных полномочий, так как сама передача суверенных полномочий государств на наднациональный уровень стала возможной только в силу существования суверенитета государств. Обладая универсальной компетенцией, государство может самостоятельно, по своему усмотрению, определять предметы своего ведения и тот объем полномочий, которые само считает необходимым. Государства могут как расширять свою компетенцию, так и, наоборот, стремиться к уменьшению сфер своих полномочий, например, путем передачи некоторых из них международным организациям, в том числе и наднационального характера.

Некоторые учёные считают, что следствием глобализации можно назвать ослабление суверенитета государства. Так, английский профессор Д. Ллойд подчеркивает, что подчинение нормам международного права не влечет за собой растворение государственного суверенитета в более высоком государственном образовании, это скорее признание суверенными государствами системы правовых

¹ См. подр.: Галушко Д.В. Теоретические подходы к пониманию региональной интеграции // Юридические записки. 2013. № 3 (26). С. 43-46.

принципов, обязательных для этих государств¹.

Отказываясь от абсолютного суверенитета в отношении каких-либо действий в пределах своей территории, государства одновременно приобретают право оказывать влияние на решение этих же вопросов во всемирном масштабе. Поэтому международные договоры, ориентированные на регулирование отношений, складывающихся в пределах одного государства, необходимо рассматривать не в качестве средства ограничения его суверенитета, а в качестве меры согласования волеизъявления различных стран, проистекающей из суверенитета².

Другие учёные утверждают, что международное право не в состоянии преодолеть последствия глобализации вследствие инерционности и переживает кризис своего существования. По их мнению, важнейшим последствием глобализации стала не универсализация международно-правовых предписаний, а формирование и укрепление интеграционных образований, которые, признавая, общие принципы международного права, стремятся к утверждению собственного правопорядка и собственных самостоятельных правовых систем³.

При этом имеется в виду постановка вопроса об «исторической исчерпаемости» государственного суверенитета и постепенном его «размывании» в процессе интеграции национальных государств и правовых систем или же просто — отказе от суверенитета как «непременного признака государства» не только противостоящего в настоящее время «суверенитету народа собственной страны», но и «мешающего глобальным, прогрессивным интеграционным процессам»⁴.

А.А. Моисеев указывает, что «рост взаимозависимости государств ведет к тому, что они все чаще прибегают к добровольному возложению традиционных государственных функций на международные организации. Несмотря на расширение круга коллективных интересов государств и всего международного сообщества в условиях глобализации, допускающего определенные добровольные ограничения функций суверенных государств с целью достижения их интересов, современный международный правопорядок не дает оснований для утверждения возможности ограничения суверенитета. Глобализация не ведет к ограничению

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Глобализация: Взаимовлияние внутреннего и международного права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 6.

² Гаврилов В.В. Международное право в эпоху глобализации: некоторые понятийные и содержательные характеристики // МЖМП. 2002. № 3. С. 188.

³ См.: Энтин М.Л., Энтин Л.М. Международное право и новые вызовы // Международная жизнь. 2003. № 12. С. 32-44.

⁴ Марченко М.Н. Государственный суверенитет // Правоведение. 2003. № 1. С. 186-197.

государственного суверенитета»¹.

В процессе глобализации чрезвычайно важно определить функции и роль суверенитета государств для избежания злоупотреблений данным понятием на международно-правовом уровне, для планирования развития международных отношений, а также следует разработать единый подход для его понимания.

Разумеется, решая вопрос о природе и характере государственного суверенитета, нельзя не учитывать процесс глобализации и порождаемых им процессов интеграции национальных государств и правовых систем, оказывающих определенное влияние на национальное государство, право и, естественно, на государственный суверенитет².

Можно согласиться с мнением А. А. Моисеева, который указывает, что «в современном международном праве суверенитет представляет собой качественную категорию, которая носит абсолютный характер»³. Как справедливо замечает профессор С.В. Черниченко, «можно согласиться с тем, что в понятии суверенитета государства присутствует и количественное измерение; однако, оно относится не к суверенитету как правовому качеству, а к различным проявлениям суверенитета государства»⁴.

Иными словами, по нашему мнению, суверенитет как свойство государства предполагает наличие определённых количественных характеристик — набора определённых прав и полномочий (правоспособности государства). В условиях глобализационных и интеграционных процессов суверенитет государства не может быть ограничен, так как он является качественной, статичной категорией, а могут быть ограничены или делегированы права государства, вытекающие из данного свойства государства, как первичного субъекта международного права, при чём исключительно с его согласия на добровольной основе. Например, как это закреплено в статье 79 Конституции РФ, Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя

¹ Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации). Автореф. дис. докт. юрид. наук / А.А. Моисеев. М., 2007. С. 26.

² Марченко М.Н. Государственный суверенитет // Правоведение. 2003. № 1. С. 186-197.

³ Моисеев А.А. указ. соч. С. 19.

⁴ Черниченко С.В. Делим ли государственный суверенитет? // Евразийский юридический журнал. 2010. № 12. С. 25-31.

Российской Федерации.

По утверждению В.М. Шумилова, суверенитет и глобализация — сущностное противоречие современной эпохи, которое будет разрешаться о мере вызревания необходимых предпосылок¹.

Тем не менее, в результате глобализации и развития надгосударственных аспектов в деятельности международных организаций постепенно меняется и роль государств², которым приходится учитывать не только собственные политико-правовые аспекты, но и современные реалии развития глобализирующегося международного сообщества и отношений внутри него. Современные вызовы времени свидетельствуют о том, что региональная интеграция и глобализация требуют от государств переосмысления традиционного представления о суверенитете в международных отношениях (сложившееся еще в результате формирования Вестфальской системы). Однако, детальное исследование категории суверенитета не даёт нам адекватных или убедительных доказательств, что суверенитет потерял своё значение или значимость в международных отношениях³.

Высказываемые мнения о том, что наднациональность, в рамках системы международных организаций, является тенденцией, которая усиливается в условиях глобализации и угрожает независимости и самостоятельности государств, что может привести не только к изменению природы суверенного государства, но и к его исчезновению, также вызывают сомнения. Конечно, тезис об усилении наднациональных черт в деятельности отдельных международных образований, в частности Европейского Союза, достаточно обоснованный, однако, предположение о кардинальном изменении природы суверенитета государства в международном праве, а тем более о возможности исчезновения суверенного государства сомнительно и довольно категорично.

Глобализация, в самом деле, приводит к усложнению управления международной системой, а также национальным обществом. Государствам приходится совместно решать не только международные проблемы, но и те задачи, которые еще вчера были исключительно внутренними. Все больший объем общественных отношений выходит за пределы государственных границ, а их регулирование возможно только путем взаимодействия государств.

¹ Шумилов В.М. указ. соч. С. 119.

² Лукашук, И.И. Глобализация, государство, право, XXI век [Текст] / И.И. Лукашук. М.: Спарк, 2000. С.16

³ Holsti K.J. Taming the Sovereigns: Institutional Change in International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 141.

Глобализация, как объективный процесс, главным образом, отличается тем, что на внутренней деятельности государств все больше сказываются различного рода международные обстоятельства. С другой стороны, наблюдается активное создание международных институциональных структур, деятельность которых обуславливается влиянием соотношения сил их государств-участников. При этом, именно суверенные государства несут ответственность как за состояние своих внутренних дел, так и за порядок на международном уровне. Ни одно другое образование не способно заменить государство в этом качестве. Даже противопоставления индивида государству в тех случаях, когда он обращается за защитой своих прав от произвола государства в международные судебные органы (например, Европейский суд по правам человека), а последние наделены полномочиями привлекать суверенные государства к ответственности, не может служить подтверждением потери государствами своего суверенитета. Поэтому вполне можно согласиться с С. В. Черниченко, который, говоря о значении суверенитета государства, указывает: «Сомневаться в необходимости сохранения этого термина почти то же, что ставить под сомнение целесообразность сохранения термина «государство»»¹.

Сущность суверенитета воплощается в праве, при чем как в национальном, так и международном. Именно право определяет его основу и, как было сказано, главное содержание. Юридические признаки суверенитета (верховенство и независимость) выражают действительные качественные особенности любого государства, проявляющиеся в реальных общественных отношениях². Государство существует как реальная сила, способная осуществлять верховную власть на своей территории и выступать как суверенная независимая организация в международных отношениях. По мнению Н.А. Ушакова, «универсализируя суверенитет, международное право устанавливает конкретное содержание государственного суверенитета, то есть определяет конкретные рамки свободы действия государства»³.

Говоря о государственном суверенитете в контексте международного права, можно согласиться с более широким определением этого понятия, которое предложил А. А. Моисеев. По его мнению, «суверенитет (государственный) — это

¹ Черниченко, С.В. Теория международного права [Текст]: в 2 т. Т. 2: Старые и новые теоретические проблемы. М.: Изд-во «НИМП», 1999. С. 87.

² См.: Keohane R. Ironies of Sovereignty: The European Union and the United States // JSMC. 2002. Vol. 40, No. 4. P. 743-765.

³ Ушаков, Н.А. Суверенитет в современном международном праве. М., 1963. С. 23.

неотчуждаемое юридическое качество независимого государства, символизирующее его политико-правовую самостоятельность, высшую ответственность и ценность как первичного субъекта международного права; это юридическое свойство является необходимым для исключительного верховенства государственной власти и предусматривает неподчинением власти другого государства. Суверенитет возникает или исчезает в силу добровольного изменения статуса независимого государства как целостного социального организма; он обусловлен правовым равенством независимых государств и лежит в основе современного международного права. В рамках современного международного права в суверенитете отсутствуют границы, он цельный и не влияет на фактическое соотношение сил в международном сообществе, гарантирует независимость и самостоятельность государств независимо от характера их взаимоотношений, объема и конкретного вида осуществляемых государственной властью функций»¹.

Признание равенства государств стало важнейшим элементом в формировании системы современных межгосударственных отношений. В основе равенства государств лежит их суверенитет, который способствует признанию за каждым народом право самостоятельно выбирать путь своего развития, организацию государственной власти, которые другие государства и иные субъекты международного права должны уважать. Сегодня принцип суверенного равенства государств зафиксирован как один из основополагающих принципов, на которых основывается система межгосударственных отношений формально во главе с ООН.

В современном международном праве принцип суверенного равенства государств с наибольшей полнотой отражен в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 года². Позже этот принцип был развит в Заключительном акте Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) 1975 года³, Итоговом документе Венской встречи представителей государств-участников Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1989 года⁴, Парижской хартии для Новой Европы 1990 года⁵ и ряде других документов.

¹ Моисеев, А.А. Указ. соч. М., 2007. С. 8.

² URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁴ URL: <http://www.osce.org/ru/mc/40885?download=true> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁵ URL: <https://www.osce.org/ru/mc/39520?download=true> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

Данный принцип закреплён в уставах международных организаций системы ООН, в уставах большинства региональных международных организаций, в многосторонних и двусторонних соглашениях государств и международных организаций, в правовых актах международных организаций¹.

В статье 1 Заключительного акта 1975 г. констатируется, что государства-участники будут уважать все права, присущие их суверенитету и охватываемые им, в число которых входит, в частности, право каждого государства на юридическое равенство, на территориальную целостность, на свободу и политическую независимость. Они будут также уважать право друг друга свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, равно как и право устанавливать свои законы и административные правила².

Закрепление принципа суверенного равенства государств в Уставе ООН представляет собой ценный ключ для понимания позиций государств в международном праве. Данный принцип состоит из двух элементов — государственного суверенитета и равенства.

Что касается равенства, то здесь речь идет о равенстве суверенных прав государств. Равенство правового статуса государств означает, что все нормы международного права применяются к ним одинаково, обладают равной обязательной силой. Государства обладают равной способностью создавать для себя права и принимать обязательства³.

Равенство государств в международном праве является по своей сути исключительно юридическим, так как на практике естественно вы не найдете одинаковых государств, если только исходить из их физических характеристик — территории, населения и пр.

Свойство равноправия подчеркивается тем, что суверенные государства выступают как равноправные члены международного сообщества и этот статус не зависит от различий экономического, социального и иного характера. Каждое государство имеет право свободно выбирать и развивать свои политические,

¹ См. подр.: Галушко Д.В. Принцип суверенного равенства государств в процессах региональной интеграции // Признание права и принцип формального равенства: Сборник трудов международной научной конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации; ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»; Ответственный редактор: В.В. Денисенко, 2015. С. 435-443.

² Заключительный акт первого саммита глав государств и правительств государств-участников СБСЕ, который проходил в Хельсинки, 1975 г. URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 310-311.

социальные, экономические и культурные системы. Из этого следует, что все государства юридически равны, каждое из них обязано уважать правосубъектность других государств. Важными являются и такие элементы суверенного равенства, как территориальная целостность и политическая независимость государства, являющиеся неприкосновенными. Эти элементы дополняются обязанностью каждого государства полностью и добросовестно выполнять свои международные обязательства¹. Каждое государство само решает, с кем и в какие правоотношения (если они не противоречат принципам и нормам международного права) вступать. Таким образом, если по своей правоспособности государства равны, то в реализации своей международной дееспособности, кроме исключительных случаев, равенства не бывает.

Равенство государств, непосредственно вытекает из их суверенитета: в силу последнего невозможно поставить государства в подобие иерархии друг против друга. В Декларации 1970 г. содержится ссылка на принцип суверенного равенства государств, смысл которого заключается в том, что все государства юридически равны, они обладают одинаковыми правами и обязанностями, являются равноправными членами международного сообщества, каждое государство пользуется правами, присущими полному суверенитету. Тем самым, государства связаны только теми юридическими правилами, на которые они сами согласились. Именно эта особенность международного права приводит к тому, что на первый взгляд может показаться парадоксом: хотя государства должны уважать суверенное равенство друг друга, они не должны относиться друг к другу равно в смысле того, что они могут по желанию вступать в договорные отношения с некоторыми государствами и отказаться от вступления в такие отношения с другими государствами: за исключением случаев, когда явно стремится — по договору — сделать многосторонним предоставление определенных прав, льгот и преимуществ другим государствам, они могут свободно выбирать своих договорных партнеров. В обычном международном праве нет четко установленного общего обязательства государства отказаться от дифференцирования между другими государствами².

Как всегда, дифференциация не должна быть приравнена к дискриминации. Хотя этот вопрос, возможно, нуждается в более подробном рассмотрении, тем не менее, можно сказать, что международное право рассматривает дискриминацию

¹ Тиунов О.И. Суверенное равенство государств в системе основных принципов международного права // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 17.

² Jennings R., Watts A. *Oppenheim's International Law*. London: Longman, 1992. P. 376.

других государств, как нежелательную. Комиссия международного права пошла дальше и расценила недискриминацию как «общее правило, присущее суверенному равенству государств»¹.

Общеизвестно, что участие государства в многостороннем сотрудничестве и международных организациях путем реализации определенного объема и качества своих прав, присущих государственному суверенитету, является не ограничением, а реализацией суверенитета, даже если речь идет о правах, которые государства традиционно относят к внутригосударственной компетенции².

Следует особо подчеркнуть, что суверенитет базируется на суверенных правах, но не сводится к их совокупности (то есть он является качественной, а не количественной категорией), поскольку является их предпосылкой. Отсюда вытекает идея неделимости и неотчуждаемости суверенитета: его нельзя разделить и затем осуществить любым способом отчуждение не потому, что это запрещено, а потому, что это невозможно сделать, не разрушив его как целостное явление. Передаваться может право осуществления отдельных полномочий или суверенных прав, но не сам суверенитет. Если суверенитет и можно передать, то только полностью, но при этом тот, кто передает, теряет его, уступив свое право на суверенитет другому субъекту.

Термин «суверенные права» начал применяться в последней четверти прошлого века, например, в соответствующих конвенциях для закрепления правомочий государств на природные ресурсы принадлежащих им континентального шельфа и исключительной экономической зоны³, а позднее — для закрепления суверенных прав государств на энергетические ресурсы, установления основ политического взаимодействия между государствами. Декларация 1970 г. о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, предусматривает, что ни одно государство не вправе ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении своих суверенных прав.

¹ Yearbook of the International Law Commission. 1961. Vol. II, P. 128.

² Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации) : Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д.ю.н. Специальность 12.00.10 - Международное право; Европейское право. М., 2007. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1220803> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Заключительный документ Гаагской конференции по Европейской энергетической хартии (16-17 декабря 1991 г.). URL: <http://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

Кроме международно-правовых актов, ссылка на «суверенные права» также получила свое распространение в национальном законодательстве государств.

Такой юридический признак государства, как суверенитет, является основанием возникновения у него суверенных прав, по которым он юридически выражается и конкретизируется¹. Как уже указывалось ранее, государство, будучи суверенным актором, не только обладает суверенными правами как субъект международного права (правоспособностью), но также обладает способностью их эффективно реализовывать (дееспособностью). Как раз для повышения эффективности реализации своих суверенных прав, государства и обращаются к участию в межгосударственных объединениях.

Кроме этого, исходя из своих национальных интересов, государства по своему усмотрению, самостоятельно распоряжаются своими суверенными правами путем участия в международных договорах, при чем выразиться такое участие может как в реализации суверенных прав государств, так и в их ограничениях. Однако, следует отметить, что универсальная правоспособность государства в любом случае не может быть ограничена участием в каких-либо международных договорах. Наоборот, заключая международные договоры, государство в любом случае реализует свой государственный суверенитет, который и предопределяет такую способность.

В любом случае, полномочия государства, как суверенного субъекта международного права, гораздо шире полномочий любой международной организации, даже тех организаций, которые обладают признаками наднациональности — такими как, например, Европейский Союз. Иными словами, как раз суверенные государства создают какую-либо международную организацию, заключая учредительный договор, в котором прописывают компетенцию создаваемой организации, её цели и задачи, а потом, по своему усмотрению, законодательно обеспечивают передачу созданной международной организации части своих суверенных прав. Суверенитет позволяет государствам по их усмотрению распоряжаться своим универсальным объёмом суверенных прав, в том числе, по отказу от ранее принятых государством на себя международных обязательств, в частности, по выходу из различных международных организаций.

На современном этапе развития международные организации способны выступать для государств в качестве одних из наиболее эффективных средств для достижения их целей. Тем самым, не происходит ограничения суверенитета как

¹ Sovereignty in Transition / Ed. Walker N. Portland: Hart Publishing, 2003. P. 383-384.

сущностной, юридической характеристики государства, так как речь идет лишь об ограничении его суверенных прав.

2. Концепция суверенитета: ирландское измерение.

Конституция Республики Ирландии упоминает суверенитет в двух своих статьях:

Статья 1 говорит, что «Ирландский народ настоящим утверждает неотъемлемое, неотчуждаемое и суверенное право избирать собственную форму правления, определять свои отношения с другими народами и развивать свою политическую, экономическую и культурную жизнь в соответствии с его собственными склонностями и традициями»,

Статья 5 указывает, что «Ирландия является суверенным, независимым и демократическим государством».

Кроме того, Конституция Ирландии содержит положения, касающиеся осуществления суверенных прав (функций) при участии в каких-либо межгосударственных объединениях. В статье 29.4.2 закреплено, что с целью осуществления любых исполнительных функций государства или относящихся к внешним сношениям Правительство может в пределах и на условиях, определенных законом, использовать или применить любой орган, инструмент или процедуру, используемые или одобряемые для этих целей членами любой группы или союзом народов, с которыми государство объединяется или будет объединяться с целью международного сотрудничества по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Такое включение государством в свое национальное законодательство нормативных положений, касающихся передачи суверенных прав межгосударственным образованиям, органы которых вправе принимать обязательные для этих государств акты и предписания, выступает как форма реализации своего суверенитета.

В целом, когда государство передает некоторые свои суверенные права межгосударственным образованиям, то это не влечет за собой уменьшения суверенных правомочий этих государств. Так как переданное право на реализацию суверенных правомочий компенсируется приобретением так называемых общесистемных полномочий, что влечет за собой расширение радиуса совместной деятельности государств¹.

¹ См.: Hathaway O.A. International Delegation and State Sovereignty. URL: <http://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1455&context=lcp> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

В качестве примера можно привести опыт Ирландии (впрочем, как и других стран-членов Европейского Союза), которая став членом ЕС ни в коей мере не утратила своего суверенитета, поскольку передала, как утверждают некоторые учёные, не сами свои суверенные права, а лишь право их реализации¹. Кроме того, Ирландия может вернуть их себе обратно в полном объеме путем выхода из Союза.

Ирландские юридическая доктрина и практическая юриспруденция в качестве основополагающих элементов ирландской правовой системы выделяют: суверенитет государства, суверенитет народа, общее благо, общество².

Суверенитет государства.

В силу отсутствия в Ирландии конституционного суда, важнейшее значение в отношении толкования конституционных положений имеют прецеденты Верховного суда³. Так, согласно позиции Верховного суда Ирландии, независимое суверенное государство Ирландии было создано Конституцией 1922 г. — Saorstát Éireann: «в соответствии с положениями Конституции 1922 г., то, что было создано, было совершенно новое суверенное государство, а функции, полномочия или положение Короля в том суверенном государстве были делегированы ему той Конституцией и государством, ею созданным»⁴. Эта дата была оспорена в своей работе профессором Келли⁵, однако, из анализа обеих позиций видно, что Ирландия, в любом случае, была суверенным и независимым государством с принятием Конституции в 1937 году.

Как отмечают ирландские учёные, суверенитет государства является сложной категорией с противоречивыми значениями в юридической и политической теории, а также в различных правопорядках⁶. В ирландском праве государственный суверенитет характеризуется по-разному, в зависимости от следующих трёх контекстов:

1. Внутренняя деятельность государства, контролируемая ирландским

¹ Sovereignty in Transition / Ed. Walker N. Portland: Hart Publishing, 2003. P. 78.

² Phelan D.R. Revolt or Revolution (Constitutional Boundaries of the European Community), Dublin: Sweet and Maxwell, 1997. P. 303.

³ См. подробнее: Галушко Д.В. Правовые и институционные основы взаимодействия Европейского Союза и Ирландии. Воронеж, 2007.

⁴ Webb v. Ireland [1988] I.R. 353 at 382 per Finlay C.J.

⁵ См.: Kelly J.M. Hidden Treasure and the Irish Constitution // Dublin University Law Journal. 1988. No 10. P. 5-23.

⁶ Bartelson J. The Concept of Sovereignty Revisited // The European Journal of International Law. 2006. Vol. 17 No. 2. P. 463-464.

правом,

2. Деятельность государства на международной арене, контролируемая ирландским правом,

3. Внутренняя или внешняя деятельность государства, контролируемая другой правовой системой.

Эти значения были раскрыты прецедентным правом Ирландии. Первые два значения суверенитета иллюстрируют реализацию суверенитета государством под контролем Конституции. Последнее значение — это утверждение ирландским правом места государства в международном праве.

1. Судья Уолш в решении по делу *Byrne v. Ireland*¹, в котором Верховный суд большинством голосов пришел к выводу (который впоследствии был явно подтвержден решением по делу *Webb*²) о том, что «Статья 5 означает, что государство не является субъектом осуществления любого правомочия правительства, которое передано ему народом по Конституции, и что государство не подчинено какой-либо внешней власти для его осуществления ... в рассматриваемом деле судья неверно истолковал содержание статьи 5 Конституции, если он толковал её как конституционную декларацию о том, что государство находится над правом»³. В этом решении Верховный суд установил, что государство не обладает иммунитетом от подачи иска и может выступать ответчиком за ущерб, причиненный его служащими и агентами. Положение статьи 5 Конституции, что Ирландия является суверенным государством, не исключает (в отличие от мнения Высокого суда) возможности подачи исков против государства.

Судья Бадд в решении по делу *Byrne* указал, что «Государство не является внутренне суверенным, но по внутренним вопросам, в соответствии с Конституцией, оно ограничено её властью»⁴. Данное мнение касалось того, что статья 5 Конституции относится к независимости в международных делах. По утверждению профессора Келли, «‘суверенная’ природа государства, хотя и бесспорная в отношениях с другими государствами, не применяется на внутренней арене для того,

¹ [1972] I.R. 241.

² *Webb v. Ireland* [1988] I.R. 353

³ *Byrne v. Ireland* [1972] I.R. 241 at 264.

⁴ *Ibid* at 299.

чтобы поставить государство, как юридическое лицо, над законом»¹.

2. Действия Ирландии на международной арене, как члена международного сообщества, будут контролироваться судами в тех случаях, когда это предусмотрено Конституцией. Статья 29.4 устанавливает, что исполнительная власть государства, относящаяся к международным отношениям или связанная с ними, должна, в соответствии со статьей 28 Конституции, осуществляться Правительством или по его полномочию. Статья 28.2 закрепляет, что исполнительная власть должна осуществляться в соответствии с Конституцией.

В деле Кротти² Верховный суд Ирландии установил положение, ограничивающее правительство в принятии инструмента ратификации Единого Европейского Акта. Все судьи установили, что суды должны вмешиваться в процесс осуществления внешних сношений государства, когда какой-либо орган исполнительной власти действует в нарушение положений Конституции. Двое судей не согласились с вынесением судебного запрета, так как согласно их трактовке Раздела III Единого Европейского Акта «Европейское сотрудничество в сфере внешней политики», он не ограничивал «свободное право в принятии решений» государством³, что и было значением суверенитета в этом контексте. Однако, они, в принципе, согласились с тем утверждением, что суды вправе вмешиваться в осуществление внешних сношений: было указано, что суды должны вмешиваться, когда физическое лицо обращается за защитой своих конституционных прав⁴. Данное мнение было высказано на основе интерпретации решения по делу *Boland v. An Taoiseach*⁵.

Трое других судей (Уолш, Хенчи и Хедерман) согласились с вынесением судебного запрета относительно вступления в силу Единого Европейского Акта и проведением референдума. Данное дело, в основном, касалось того, соответствует ли Конституции предлагаемый метод ратификации этого международного договора принятием Парламентом Ирландии законодательного акта в соответствии со статьей 29.5.2 Конституции. Большинство голосов было постановлено, что Конституция запрещает пересмотр вопросов осуществления государством своих

¹ Kelly J.M. Hidden Treasure and the Irish Constitution // Dublin University Law Journal. 1988. No 10. P. 24.

² Crotty v. Taoiseach [1987] I.L.R.M. 400.

³ Ibid at 446.

⁴ Ibid at 452.

⁵ [1974] I.R. 338.

внешних сношений в отношении политических заявлений, но не в отношении обязательных международных договоров. Судья Хедерман заявил, что важнейший вопрос заключается в том, может ли государство обязать себя каким-либо актом своих органов власти подчинением предписаниям, переданным Конституцией в распоряжение других государств. Он указал, что органы государства не могут сокращать объем полномочий, переданных Конституцией: «Они являются хранителями этих полномочий, а не их распорядителями»¹. По замечанию Уолша: «Вне компетенции правительства или же парламента находятся их освобождение от ограничений, установленных Конституцией, а также вопросы передачи их полномочий другим органам, если только это не разрешено им Конституцией»². Это очень важное положение, так как ирландские конституционные нормы в отношении Европейского Союза установили ограничение на проверку конституционных положений в ирландских судах в отношении применения права ЕС. Они не уполномочили органы власти на передачу их полномочий.

3. В отношении контроля действий государства другим правом, статья 5 Конституции является заявлением права Ирландии в отношении позиции страны в публичном международном праве и знаменует определенный разрыв любых конституционных связей с Великобританией. В деле *Crotty* судья Уолш указал, что «государство не было бы полностью суверенным, если бы оно не имело общих с другими членами Содружества наций прав и полномочий в сфере международных отношений, равных правам и полномочиям других государств»³. К этому может быть добавлена ремарка судьи Уолш в решении по делу *Byrne v. Ireland* о том, что «государство не подчиняется какой-либо внешней власти в своей деятельности».

Суверенитет народа.

Право Ирландии устанавливает, что народ является полностью суверенным в отношении внутреннего аспекта суверенитета. Как указывается в решении по делу *Byrne v. Ireland*: «Народ является первостепенным ... Государство не является внутренне суверенным, но во внутренних делах подчиняется Конституции, которая ограничивает его полномочия»⁴. В отношении внешнего аспекта суверенитета,

¹ *Crotty v. Taoiseach* [1987] I.L.R.M. 400.

² *Ibid* at 454.

³ *Ibid* at 454.

⁴ *Byrne v. Ireland* [1972] I.R. 241.

народ контролирует выполнение внешних функций государства через Конституцию. Государство внешне суверенно в смысле того, что оно не связано с другими государствами, кроме того, как это предусмотрено Конституцией. Суверенитет народа был юридически установлен в первом крупном деле относительно характеристики категории суверенитета в ирландском праве: «Государство — это создание народа, поэтому оно должно управляться в соответствии с положениями Конституции, которая была принята только народом, поэтому суверенной властью в стране является народ»¹.

В решении по делу *Webb v. Ireland*² было установлено, что «народ как суверенная власть, которая посредством Конституции создал государство, и посредством статьи 5 объявил его суверенным». В решении по делу *McKenna v. An Taoiseach*³ Верховный суд подтвердил важность роли народа в осуществлении демократии, «которая не является исключительно парламентской, а имеет элементы плебисцитной»⁴. «Право исходит от народа»⁵.

Хотя народ и обладает в полной мере полным внутренним суверенитетом, идея суверенитета сама по себе ограничена ирландским правом и правовой концепцией «общего блага». Легитимация ирландского права не обязательно зависит от воли народа. Хотя народ и означает в отношении суверенитета нечто более, чем те граждане, которые зарегистрированы в качестве избирателей на президентских выборах, но данная категория не была легально определенно охарактеризована. В отношении понятия «народа», документы на ирландском языке используют слово «*robal*», которое также означает «сообщество», и, между прочим, имеет это же значение и в самой Конституции, в то время, как «*leas an phobail*» переводится как благосостояние общества — «общее благо».

Общее благо.

Значение концепции «общего блага» не было системно исследовано в ирландской правовой науке. По утверждению Костелло, «необычно для современных разработчиков биллей о правах, законов и международных конвенций, касающихся фундаментальных прав человека, использовать фразу «общее благо».

¹ *Byrne v. Ireland* [1972] I.R. 241 at 268.

² [1988] I.R. 353.

³ [1995] 2 I.R. 10.

⁴ *Ibid* at 43.

⁵ *Ibid* at 54.

Словосочетание «общее благополучие» также употребляется более или менее в этом же значении. Данную фразу Конституция получила из классических христианских писем по естественному праву»¹. Общее благо относится к моральному аспекту общества. Как было указано в решении по делу *Re a Ward of Court*: «У государства присутствует интерес в отношении морального аспекта общества — общего блага»².

Общее благо может означать только благо для народа. Однако, это значение имеет некоторый подтекст мажоритаризма, который остальное ирландское право неизменно отвергает: защита ирландских конституционных естественных прав заключается не только в сохранении делегированных полномочий правительства в рамках, допустимых им суверенным большинством, но, скорее, это обязательное условие в легитимации ирландского права. Интерпретируя Конституцию в целом, такое ограничение в трактовке понятия должно быть отвергнуто.

Общее благо, в большей степени, понимается как общее благо для ирландского народа. В решении по делу *Webb v. Ireland* была подчеркнута постоянная забота Конституции об общем благе при решении вопроса о владении государством объектами, которые составляют историческую ценность³.

Общее благо является ограничением идеи народа как неограниченного суверена. Общее благо прямо упоминается в Конституции несколько раз. Оно обозначено как одна из целей Конституции и причин, почему люди приняли эту Конституцию, будучи вдохновленными стремлением к справедливости: «стремясь достичь общее благо, с соблюдением благоразумия, справедливости и милосердия ... Настоящим одобрили и даровали себе эту Конституцию»⁴. Статья 6 устанавливает, что «все власти — управления, законодательная, исполнительная и судебная — в соответствии с Божьим велением исходят от народа, который вправе назначать правителей государства и решать все вопросы государственной политики в соответствии с требованиями общего блага». Эта статья не закрепляет беспрепятственное суверенное право принимать решения; она устанавливает право, которое, как и право правительства, должно реализовываться в соответствии с требованиями общего блага.

Общее благо несколько раз упоминается в Конституции как основание для

¹ Costello D. *Natural Law, the Constitution and the Courts* / Lynch P., Meenan J. *Essays in Memory of Alexis Fitzgerald*. Dublin: Incorporated Law Society of Ireland, 1987. P. 110-113.

² [1995] 2 I.L.R.M. 401 at 459.

³ *Webb v. Ireland* [1988] I.R. 353 at 383.

⁴ *McGee v. Attorney General* [1974] I.R. 284.

ограничения реализации индивидуальных прав. Например, статья 40.6.1 устанавливает, что государство гарантирует свободу осуществления следующих прав при условии соблюдения общественного порядка и морали: i) право граждан свободно выражать свои суждения и мнения. Однако, тут же указываются ограничения для осуществления этого права, предписывается, что создание общественного мнения является вопросом самой большой важности для общего блага, поэтому государство приложит силы для обеспечения таким проявлениям общественного мнения, как радио, пресса, кино, сохранения их правомерной свободы выражения, включая критику политики Правительства, но она не должна быть использована для подрыва общественного порядка или морали или авторитета государства. В отношении права частной собственности, государство может, в случае необходимости, ограничить посредством закона осуществление этого права для согласования его осуществления с общим благом (статья 43.2.2). Суды постановили, что они могут обращаться к руководящим принципам социальной политики при определении значения категории общего блага в ограничении соответствующих конституционных прав¹.

В статье 42.3.2 государство названо «хранителем общего блага». В статье 43.2.2 указано, что государство может в случае необходимости ограничить посредством закона осуществление указанных прав для согласования их осуществления с общим благом. Это также поддержано статьей 45.2: «Государство, в частности, должно направлять свою политику на обеспечение того, чтобы:

i) граждане (все — мужчины и женщины — в равной степени имеют право на соответствующие средства существования) могли посредством своих занятий найти средства для разумного обеспечения своих домашних потребностей;

ii) собственность и управление материальными ресурсами общества могли бы быть распределены между частными лицами и различными классами для лучшего содействия общему благу».

В целом, общее благо выступает в качестве абстрактного термина для целого ряда условий в обществе, которые позволяют гражданам наилучшим образом следовать в своей жизни фундаментальным обязательствам, установленным Конституцией². Условия общего блага выступают в качестве противовеса неконтролируемого стремления к благу человека, но, в то же время, содействует

¹ См., например, решения по делам *Landers v. Attorney General* [1975] 109 I.L.T.R. 1; *Attorney General v. Paperlink Ltd.* [1984] I.L.R.M. 373.

² Phelan D.R. *The Concept of Social Rights* [1994] 16 D.U.L.J. 105. P. 114.

индивиду в обеспечении его блага в жизни внутри общества. Общее благо в ирландском праве не выступает в качестве величайшего блага для большинства граждан. Также оно не касается исключительно урегулирования конфликтов между двумя конкурирующими конституционными правами. Скорее, оно выступает в качестве понятия, которое используется для ограничения реализации естественных конституционных прав, для определения ряда условий при наделении членов ирландского общества, насколько это возможно, фундаментальными правами.

Понимание ирландским правом понятия «общее благо» имеет особое значение для правовой системы Ирландии и способствует потенциальному конфликту с международным правом вообще и правом Европейского Союза в частности. Общее благо составляло *ratio decidendi* в решении по делу Кротти, где было указан предел полномочий правительства в осуществлении внешних сношений, предусмотренных статьей 6 Конституции. Было постановлено: «Следует, что общее благо для ирландского народа выступает в качестве окончательного стандарта, в соответствии с которым конституционная обоснованность осуществления внешних сношений правительством и должна рассматриваться. В этом и в целом ряде других соответствующих положений Конституции, главенствующая роль общего блага ирландского народа подчеркивается как одна из наиболее фундаментальных характеристик Ирландии как суверенного, независимого, демократического государства»¹.

Раздел III Единого Европейского Акта стал предметом разбирательства, так как потребовал сокращения свободы действий каждого государства-члена «в интересах общего блага государств-членов как единого целого». Общее благо, по ирландскому праву, таким образом, вступало в конфликт с общим благом, обозначенным в Разделе III Единого Европейского Акта.

Общество.

По ирландской доктрине, общество является созданием Конституции, а не наоборот. Конституция является тем фундаментом, который помогает обществу эволюционировать, а не инструментом, который будет следовать туда, куда может привести давление общества. Это не удивительно, так как одна из самых главных целей Конституции, которая, в отличие от Конституции Ирландского Свободного Государства, оформила окончательный разрыв с Великобританией, заключалась в

¹ Crotty v. Taoiseach [1987] I.L.R.M. 400 at 463.

формулировании национального определения категории «общество». Статья 1 Конституции Ирландии закрепила, что «ирландский народ настоящим утверждает неотъемлемое, неотчуждаемое и суверенное право избирать собственную форму правления, определять свои отношения с другими народами и развивать свою политическую, экономическую и культурную жизнь в соответствии с его собственными склонностями и традициями». Данное конституционное положение олицетворяет существенное символическое значение права. В этом отношении в ирландской науке указывается, что особое ирландское отношение к праву — это акцент на его символической ценности ... Двигаясь к этому идеалу, даже если признано, что он во многом не может быть достигнут на практике, право устанавливает стандарт, отражающий широко признаваемое национальное стремление, возможно даже предлагая пример другим государствам. Такая теория предполагает, что право выполняет также образовательную функцию, и что радикальные изменения в стандартах, которые оно закрепляет, могут повлиять на поведение с течением времени¹.

Идея общества, созданного Конституцией, была заявлена в деле *Webb v. Ireland*². Верховный суд начал с подтверждения того, что государство создано народом и его функционирование должно регулироваться Конституцией, а также что государство и его агенты не обладают иммунитетом от судебного преследования³. Далее суд постановил, что не существует королевской прерогативы на найденный клад, однако, это не означает, что те лица, что нашли клад, становятся его обладателями. «Было бы несовместимо с сутью общества, которое было создано и защищено Конституцией, что такие объекты должны стать единоличной собственностью тех, кто случайно их нашли»⁴.

В Конституции закреплены несколько положений, которые прямо касаются понятия ирландского общества. Например, статья 41.1.1 указывает, что государство признает семью как естественный первоисточник и объединяющую основу общества, а также как нравственный институт, обладающий неотъемлемыми и неотчуждаемыми правами, предшествующими всякому позитивному праву и высшими по отношению к нему. В статье 45 установлено, что принципы социальной

¹ Duncan W. The divorce referendum in the Republic of Ireland: resisting the tide // *International Journal of Law and the Family*. No. 62. 1988. P. 71-72.

² *Webb v. Ireland* [1988] I.R. 353.

³ *Byrne v. Ireland* [1972] I.R. 241.

⁴ *Webb v. Ireland* [1988] I.R. 353 at 383.

политики, установленные в этой статье, предназначены быть общим руководством для Парламента. Данная статья далее содержит перечень целей и политик, связанных с защитой более слабых членов общества и продвижением всеобщего блага. Парламент Ирландии прямо обращался к этим принципам. Кроме того, к этой статье также обращались для раскрытия содержания личных прав¹ и для характеристики законности действия доконституционных законов².

В решении по делу *Attorney General v. Paperlink Ltd.* было указано, что вступительные слова данной статьи Конституции предназначены для помощи суду в установлении того, какие личные права включены в перечень гарантий, содержащийся в статье 40.3.1, и какие легитимные ограничения интересов общего блага государства могут быть наложены на эти права³.

Важность конституционного видения общества в фундаментальных правах проиллюстрировано в решении по делу *Kennedy v. Ireland*, в котором было охарактеризовано право на частную жизнь: «Его осуществление может быть ограничено конституционными правами других, или же требованиями общего блага, а также требованиями публичного порядка и морали ... Сущность права на частную жизнь заключается в обеспечении достоинства свободы индивида в том типе общества, который предусмотрен Конституцией, а именно: в суверенном, независимом и демократическом»⁴.

В заключение параграфа можно сделать следующие выводы:

Разнообразие подходов к определению понятия суверенитета свидетельствует о его многогранности и сложности. Кроме того, такие подходы отражают не только его юридические признаки, но и те изменения, которые влияют на трансформацию этого понятия. В то же время, важно понять, насколько соответствуют представления о суверенитете существующей окружающей действительности, а также в какой степени они учитывают новые взгляды и идеи, которые выходят за рамки общепринятого явления.

Факт наличия государственного суверенитета не зависит от качества и количества осуществляемых государством функций. Суверенитет является тем качеством государства, который позволяет говорить о его международной

¹ См. решения по делам: *Murtagh Properties v. Cleary* [1972] I.R. 330; *Landers v. Attorney General* [1975] I.L.T.R. 109; *Rogers v. I.T. & G.W.U.* [1987] I.L.R.M. 51.

² См. напр.: *McGee v. Attorney General* [1974] I.R. 284.

³ [1984] I.L.R.M. 373 at 386.

⁴ [1987] I.R. 587 at 592-593.

правосубъектности.

Основным формально зафиксированным принципом, на котором основывается современная система международных отношений, является принцип суверенного равенства государств. Он заключается в том, что государства имеют одинаковые права и обязанности и являются равноправными членами международного сообщества. Государственный суверенитет является неотъемлемым атрибутом каждого государства.

Неоднозначные утверждения об изменении роли суверенитета государства в современной (пост-Вестфальской) международной системе, по нашему мнению, обусловлены, прежде всего, разными возможностями государств реализовывать свой суверенитет на международной арене. Действительно, глобализация способствует реализации интересов ведущих стран мира, способствует увеличению их возможностей и богатства. Закономерным при этом является то, что чем выше экономическая, культурная, политическая мощь государства, тем меньше оно делегирует свои суверенные полномочия международным структурам. И, наоборот, чем меньше статус государства в международном сообществе, тем больше оно передает свои суверенные права международным институтам. В целом, в современной международной системе наблюдается неравномерное участие государств в процессах глобализации, а также их неравные возможности по защите своего суверенитета. Можно утверждать, что государственный суверенитет как одна из ключевых категорий международного права переживает период переосмысления, уточнения своей сущности.

Синтезируя результаты проведенного анализа, следует отметить, что государственный суверенитет характеризуют следующие положения: 1) суверенитет — это исторически обусловленное политико-юридическое свойство государства; 2) суверенитет является не только исторической категорией, но и необходимым критерием, который дает возможность распознать государство среди других публично-правовых объединений; 3) суверенитет выступает как реальная правовая категория, внешняя форма выражения государственно-правовых явлений и процессов; 4) нельзя сводить суверенитет к перечню прав, которыми обладает государственная власть, хотя только в совокупности этих прав он получает свое проявление. Таким образом, суверенитет является единым и неделимым и проявляется в двух измерениях — внутреннем и внешнем, которые являются неразделимыми и только в единстве характеризуют его сущность. В свою очередь, разграничение и исследование «внутреннего» и «внешнего» суверенитета как

отдельных категорий является некорректным и влияет на понимание структуры и природы этого явления.

На примере Ирландии подтверждено, что в целом, государство не является суверенным в смысле неограниченной власти, «власти правительства», за исключением конституционного утверждения о месте страны в международном публичном праве. Это утверждение в решении по делу *Crotty* о государственном суверенитете в публичном международном праве иллюстрирует, что ирландское право рассматривает членство в Европейском Союзе как ограничение статуса Ирландии как суверенного государства.

Ирландское право обращается к традиционному и национально-ориентированному пониманию суверенитета как принципу функционирования внутреннего правопорядка, который содержит понятие «суверенитета народа», а также неясные и даже в чём-то загадочные категории «общего блага» и «общества». В целом, ирландское право, судебная практика и доктрина разделяют как абстрактный, так и конкретный подходы к пониманию категории «суверенитета».

Глава III. Реализация правосубъектности Ирландии в рамках европейского интеграционного взаимодействия.

§ 1. Организационно-правовые аспекты внешней политики Ирландии как государства-члена ЕС.

Дипломатия – это наука международных отношений и искусство ведения переговоров руководителями государств, правительств и специальных органов внешних сношений – министерствами иностранных дел, дипломатическими представительствами, участие дипломатов в определении курса внешней политики страны и её претворение в жизнь мирными средствами¹. Дипломатия касается управления отношениями между государствами, а также между государствами и другими субъектами. С позиции государства, дипломатия заключается в разработке и реализации внешней политики. Она является средством, при помощи которого государства через свои официальные представительства, впрочем, как и другие субъекты международного права выражают, координируют и защищают свои интересы². Главные цель и задача дипломатии – это не только защита интересов государства, но и его граждан³.

Часто говорят, что институт дипломатии является таким же старым, как сама история человечества⁴. Со временем, предмет дипломатии значительно расширился. В течение веков, дипломатия, прежде всего, занималась решением вопросов войны и мира – использования силы – охватывая большую политику и стратегические интересы. Некоторые ученые и характеризуют дипломатию как «мирный диалог и взаимодействие между государствами»⁵. Эти вопросы, естественно, до сих пор актуальны, включая современную сферу международной безопасности, однако, большое количество других вопросов были добавлены к дипломатической повестке дня, включая экономические, научно-технические, международно-правовые и многие другие⁶. Взаимозависимость государств и глобализация в значительной

¹ Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика : [курс лекций, прочитанных в 1991-1998 гг. в Дипломатической академии МИД РФ] / В.И. Попов. М. : Научная книга, 2000. Ч. 1. С. 16.

² Barston R. P. Modern Diplomacy. - Madison: Taylor and Francis, 2014. - P. 1.

³ Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика : [курс лекций, прочитанных в 1991-1998 гг. в Дипломатической академии МИД РФ] / В.И. Попов. М. : Научная книга, 2000. Ч. 1. С. 16.

⁴ Sen B. A Diplomat's Handbook of International Law and Practice. The Hague: Martinus Nijhoff, 1965. P. 3.

⁵ Nigro L. Theory and Practice of Modern Diplomacy: Origins and Development to 1914 // USAWC Guide to National Security Issues, Vol I: Theory of War and Strategy. P. 195.

⁶ Leguey-Feilleux J.-R. The Dynamics of Diplomacy. Bouldre: Lynne Rienner Publishers, 2009. P. 2.

степени этому способствовали. Многие вопросы, которые ранее имели, в основном, внутригосударственный характер, как например, вопросы защиты прав человека, в настоящее время имеют международное значение и прямое отношение к дипломатии¹.

Возникновение самой дипломатии следует непосредственно связывать с деятельностью определенных органов и должностных лиц, которые занимаются этой сферой². На международной арене, в сношениях с другими субъектами международного права, любое государство на основе присущего ему государственного суверенитета выступает как единое целое, будучи представленным системой специальных государственных органов – органами внешних сношений.

Органы внешних сношений государств отличаются тем, что их деятельность связана с реализацией государственной власти соответствующего государства не только внутри его территории, но и за его пределами, осуществляя официальную внешнюю политику государства. В каждом отдельном государстве система органов внешних сношений является значительной и зависит от размера государства и его финансовых возможностей³.

Также органы внешних сношений по характеру своей деятельности можно разделить на две группы: внутригосударственные (или центральные) и зарубежные. К внутригосударственным органам внешних сношений и должностным лицам относятся: высшие законодательные органы, глава государства, правительство и отдельные органы исполнительной власти.

В свою очередь, центральные органы внешних сношений любого государства можно классифицировать по характеру выполняемой ими деятельности на высшие органы руководства государством и органы специальных связей государства с другими странами. Первые из данных органов осуществляют общее политическое руководство реализацией внешней политики любого государства. Нормативная основа их деятельности и полномочия в данной сфере определены, прежде всего, в конституциях государств. Специальные органы государственной власти занимаются внешнеполитическими вопросами в пределах своей компетенции, действуя, как

¹ См. подробнее: Galushko D.V. State sovereignty and human rights protection in contemporary International law // Человек в глобальном мире: материалы Международной научной конференции (Воронеж, 18–20 мая 2015 г.) / под ред. Бутусовой Н.В., Ананиевой Й. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. Р. 34-38.

² Hamilton K., Langhorne R. The Practice of Diplomacy: Its Evolution, Theory, and Administration. London: Taylor & Francis, 2011. - P. 7.

³ Murty B.S. The International Law of Diplomacy: The Diplomatic Instrument and World Public Order. London: Martinus Nijhoff Publishers, 1989. P. 19.

правило, на основе специальных национальных нормативных актов.

Рассмотрим организационные основы реализации внешней политики государства на примере органов внешних сношений Ирландии.

Согласно ст. 5 Конституции Республики 1937 г.¹, Ирландия является суверенным, независимым и демократическим государством. По форме правления Ирландия является парламентской республикой.

Парламент Республики Ирландия (Oireachtas)². Статья 15.1.2 Конституции устанавливает, что Парламент страны состоит из Председателя и двух палат: Палаты представителей (Dail Eireann) и Сената (Seanad Eireann).

По ст. 16.5 Конституции Ирландии срок полномочий депутатов Палаты представителей составляет семь лет. В настоящее время в состав Палаты Представителей входят 166 депутатов, избранных от 41 избирательного округа, каждый из которых избирает три, четыре или пять депутатов пропорционально своей численности населения.

По Конституции Сенат состоит из 60 членов, из которых 11 должны быть назначаемыми членами, а 49 избираемыми. Для того чтобы быть избранным членом Сената, лицо должно иметь право быть избранным в Палату представителей.

Роль Парламента Ирландии в непосредственном осуществлении внешних сношений государства является незначительной. Однако, Парламент играет важнейшую роль в процессе трансформации международно-правовых норм в правовую систему Ирландии, прежде всего, норм международных договоров. Так, статья 29 Конституции Ирландии закрепляет:

«5.1°. Каждое международное соглашение, участником которого становится государство, должно быть представлено в Палату представителей.

2°. Государство не должно быть связано никаким международным соглашением, влекущим расходы из государственных фондов, если условия его не были одобрены Палатой представителей.

3°. Этот параграф не должен применяться к соглашениям или конвенциям технического или административного характера.

¹ Constitution Of Ireland. Bunreacht Na hÉireann. URL: <http://www.constitution.ie/constitution-of-ireland/default.asp> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² URL: <http://www.oireachtas.ie> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

... 6. никакое международное соглашение не должно быть частью внутреннего закона государства, если иное не определено Парламентом»¹.

Кроме деятельности по трансформации международного права, предписанной Конституцией и подтверждающей дуалистический подход к соотношению международного и национального права, Парламент, выполняя свои законодательные функции, имплементирует нормы международного права в правовой системе страны². Формы участия Парламента Ирландии в имплементационной деятельности разнообразны. Как отмечается, значительная часть всех принимаемых Парламентом актов так или иначе связана с актами, издаваемыми институтами Европейского Союза³.

Как правило, большая часть работы палат Парламента по отношению к международным делам вообще и дела Европейского Союза в частности делегированы комитетам. Например, Программа работы правительства на 2011-2016 гг. закрепляла, что все комитеты должны «разделить бремя» работы по всем вопросам, связанным с членством страны в ЕС⁴.

В связи с членством Ирландии в Европейском Союзе/Сообществах, возникшие обязательства по имплементации актов ЕС в значительной степени отразились на функционировании Парламента: изначально он фактически самоустранился от принятия изменений в статутное право в соответствии с принятым им механизмом имплементации европейского права в Ирландии. Однако, в последнее время в Ирландии, как и в других государствах ЕС, наблюдается тенденция наделяния национальных парламентов полномочиями по надзору за отношениями своих государств с Союзом⁵. Палата представителей и Сенат Ирландии, в соответствии с Актом о порядке рассмотрения европейских вопросов⁶,

¹ Constitution Of Ireland. Bunreacht Na hÉireann. URL: <http://www.constitution.ie/constitution-of-ireland/default.asp> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² The Irish Yearbook of International Law. Volume 6, 2011 / Edited by Fiona de Londras and Siobhán Mullally. Oxford: Hart Publishing, 2013. P. 155-156.

³ National Parliaments Within the Enlarged European Union: From 'Victims' of Integration to Competitive Actors? // Eds. O'Brennan J., Raunio T. London: Routledge, 2007. P. 184.

⁴ Programme for Government 2011-2016. URL: http://www.taoiseach.gov.ie/eng/Work_Of_The_Department/Programme_for_Government/Programme_for_Government_2011-2016.pdf (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁵ Foundations of an Ever Closer Union: An Irish Perspective on the Fifty Years Since the Treaty of Rome / Ed. M. Callanan. Dublin: Institute of Public Administration, 2007. P. 195-196.

⁶ European Union (Scrutiny) Act 2002. // Acts of the Oireachtas. № 25 / 2002.

имеют в своём арсенале достаточно эффективные способы контроля за действиями органов исполнительной власти Ирландии.

Кроме того, в связи с членством в ЕС в рамках парламента Ирландии были учреждены специальные комитеты. Так, в 1973 году Парламентом Ирландии был учреждён «Объединённый комитет по надзору за вторичным законодательством Европейских Сообществ»¹. На тот момент это был единственный парламентский орган по вопросам Сообществ. Комитет состоял из 25 членов (восемнадцать депутатов и семь сенаторов). В его компетенцию входило рассмотрение и дальнейшее представление докладов парламенту законопроектов Европейской Комиссии, актов ЕС, подзаконных актов, принятых в Ирландии в соответствии с Актом о Европейских Сообществах 1972 года, а также обо всех остальных законодательных инструментах, которые вытекали из членства Ирландии в Сообществах². Полномочия Комитета были ограничены, что, в принципе, было характерно для всех парламентских комитетов, работающих в других областях³. Однако, сами ирландцы скептически оценивали деятельность Объединённого комитета. Он концентрировал свою деятельность на анализе самих норм Сообществ и не исследовал их влияние на функционирование органов власти Ирландии⁴.

Такая ситуация была преодолена в 1993 году, когда был учрежден «Объединённый парламентский комитет иностранных дел»⁵. Компетенция Комитета была более широкой; он также занимался внешними отношениями государства в целом. Создание Комитета «согласовало практику работы ирландского парламента с парламентами других западноевропейских стран»⁶. Вместе с тем, слишком широкая компетенция Комитета оставляла недостаточно времени для надлежащего мониторинга всего массива права ЕС.

Кроме того, ни один из двух указанных комитетов не обладал достаточной административной поддержкой для развития независимых взглядов по

¹ Joint Committee on the Secondary Legislation of the European Communities.

² O'Halpin E. Oireachtas committees: experience and prospects. Dublin: Seirbhis Phoibli 7:26 1986. P. 3-9.

³ Laver M., Shepsle K. Cabinet Ministers and Parliamentary Government. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 294.

⁴ Dermot S. Adapting the Machinery of Central Government // Ireland and European Communities: Ten Years of Membership. Dublin: Gill & Macmillan, 1983. P. 68-88.

⁵ Joint Committee on Foreign Affairs.

⁶ O'Halpin E. A changing relationship? Parliament and government in Ireland // Parliaments and Governments in Western Europe. London, Frank Cass, 1998. P. 123-141.

международным и европейским проблемам. Комитеты были сильно зависимы от документов, предоставляемых Департаментом иностранных дел.

Поэтому в 1995 году в структуре Парламента был создан отдельный «Объединённый комитет по европейским делам»¹. В задачу данного органа входило исследование мер, принимаемых Советом ЕС. В их числе: а) любые законопроекты, принимаемые Советом или Советом совместно с Европейским Парламентом; б) любые документы, которые публикуются для их представления Европейскому Совету, Совету или Европейскому центральному банку; в) любые предложения по выработке общей стратегии, совместных действий или совместной позиции в соответствии со статьёй 5 Договора о Европейском Союзе, которые подготавливаются для представления Совету или Европейскому Совету; г) любые предложения по выработке совместной позиции, проекта решения, решения или конвенции в соответствии со статьёй 6 Договора о Европейском Союзе, которые подготавливаются для представления Совету; д) любые документы (кроме указанных в пп. «б»-«г»), которые публикуются одним институтом Союза для представления другому институту и которые не относятся исключительно к обсуждению какого-либо законопроекта; е) любые другие документы, относящиеся к делам Европейского Союза, которые сданы на хранение в Палату представителей членом правительства или государственным министром.

В 2002 году Объединённый парламентский комитет по европейским делам был реформирован: вместо одного объединённого комитета парламента были сформированы два специальных комитета – Палаты представителей и Сената Ирландии. Вместе они составляют Объединённый комитет по европейским делам (п. 2 (а) Положения о специальном комитете по европейским делам)². Специальный комитет Палаты представителей по европейским делам состоит из 11 депутатов Палаты представителей (п. 1 Положения, принятого на заседании Палаты 27 июня 2002 года³). В свою очередь, Специальный комитет по европейским делам Сената состоит из четырёх членов Сената (п. 1 (а) Положения о Комитете от 17 октября 2002

¹ Joint Committee on European Affairs.

² Dáil Select Committee on European Affairs Orders of Reference. URL: <http://www.oireachtas.ie/ViewDoc.aspx?fn=%2Fdocuments%2FCommittees30thDail%2FJ-EuropeanAffairs%2FHomepage.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Ibid.

года¹).

Новый Объединённый комитет был вправе обсуждать акты институтов ЕС, имплементационные акты, принятые в соответствии Актом о Европейских Сообществах 1972 года, а также любые вопросы, вытекающие из членства Ирландии в ЕС. Специально для этого в рамках Комитета был создан Подкомитет по рассмотрению европейских вопросов². Его роль заключалась в информировании общественности о «европейских делах».

Недостаточная роль парламента проявилась при голосовании на первом референдуме о ратификации Ниццкого договора³. В преддверии второго референдума власти Ирландии стремились расширить парламентский контроль в сфере ЕС. Поэтому в 2002 году Парламентом Ирландии был принят «Акт о порядке рассмотрения европейских вопросов»⁴. Акт устанавливал обязанность правительства направлять в парламентский комитет все законопроекты органов ЕС (по всем трём опорам) вместе с разъяснениями о целях, значении и смысле представляемых документов. Парламентский Подкомитет по европейским вопросам должен проводить предварительный анализ таких предложений. Предложения, которые были отобраны для дальнейшего рассмотрения, должны направляться в соответствующие секторальные комитеты для их более детального рассмотрения. В Акте 2002 г. (п. 2(1)) подчеркивается: «Как только предложенная мера представлена Комиссией ЕС или инициирована государством-членом ЕС, министр направляет копию текста документа для его рассмотрения обеими Палатами парламента вместе с заявлением министра о содержании, целях и возможных последствиях для Ирландии в связи с этой мерой, а также вместе с другой информацией, которая, по его или её мнению, имеет отношение к делу».

Под «мерой» Акт понимает:

«(а) регламент или директива, принятые в соответствии с Договором об учреждении Европейского Сообщества;

(б) совместные действия, принимаемые в соответствии со статьёй 14 Договора о Европейском Союзе;

¹ Seanad Select Committee on European Affairs Orders of Reference agreed. URL: <http://www.oireachtas.ie/ViewDoc.asp?fn=%2Fdocuments%2FCommittees30thDail%2FJ-EuropeanAffairs%2FHomepage.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Sub-Committee on European Scrutiny of the Joint Committee on European Affairs.

³ Hayward K. "If at first you don't succeed...": the second referendum on the Treaty of Nice, 2002/ Irish Political studies. Dublin, 2003.

⁴ European Union (Scrutiny) Act 2002. // Acts of the Oireachtas. № 25 / 2002.

(с) общая позиция, принятая в соответствии со статьёй 15 Договора о Европейском Союзе;

(d) мера, требующая одобрения обеими Палатами Парламента в соответствии со статьёй 29.4.6 Конституции».

Таким образом, Акт 2002 г. определяет, что законопроекты ЕС и сопутствующая информация должны рассматриваться обеими палатами парламента. Законодательное закрепление процедуры влечёт за собой большую прозрачность процесса в целом, что послужит повышению внимания к «европейским делам». Временные рамки для направления документов в парламент министрами установлены общим образом — «как только это возможно». Максимальный срок — четыре недели, что стало правилом ещё до принятия данного законодательного акта¹.

Усиливая роль Парламента, пункт 2 (2) Акта предусматривает, что «министр должен считаться с любыми рекомендациями, сделанными одной или обеими Палатами Парламента или их комитетами в отношении предложенной меры». Иными словами, любой министр, получивший наставления от парламента страны, должен их рассмотреть и принять к сведению. Однако, парламентские рекомендации не связывают деятельность министра, то есть данный пункт не имеет характера вето на его действия в отношении предложенной меры.

Из этого правила существует два исключения. Первое — ни одно из правил не применимо, «если, по мнению министра, недостаточно времени для соблюдения вышеуказанной процедуры и выполнения полномочий Парламента в отношении вышеизложенного текста» (п. 2 (3)). Однако, в обстоятельствах, когда министр задействует данное исключение для того, чтобы избежать выполнения обязанности по представлению документов перед палатами, министр обязывается Актом о рассмотрении европейских вопросов представить на рассмотрение палат парламента копию итоговой меры, которая была принята каким-либо органом ЕС.

Второе исключение заключается в том, что ни одно из основополагающих правил не применяется к предложенной мере, «которая, по мнению министра, конфиденциальна» (пункт 3). Однако, когда это положение используется министром, он может сделать «доклад о предложенной мере, если сочтёт это

¹ Murray C. H. The Civil Service Observed. Dublin: Institute of Public Administration, 1990. P. 174.

необходимым в данных условиях». Такой доклад может быть сделан парламентскому комитету либо одной или обеими палатам парламента.

Вместо указанного Объединённого комитета, после вступления в силу Лиссабонского договора и для реализации его положений в структуре Парламента Ирландии был создан Временный комитет 112¹. Как отмечается, одна из главных целей его создания – это обеспечение того, чтобы проекты законодательных актов ЕС обеспечивали реализацию «принципа субсидиарности», как это определено в учредительных договорах ЕС.

В сфере имплементации права ЕС, в дополнение к рассмотрению проектов нормативных актов ЕС, роль парламентского комитета включает рассмотрение предложений по внесению изменений в действующее национальное законодательство, а также проектов подзаконных актов имплементационного характера. для реализации директивы ЕС. Программа работы правительства на 2011-2016 гг.² предполагает, что заключения о регулирующем воздействии, подготавливаемые департаментами правительства в отношении всех мер имплементационного характера актов ЕС, должны автоматически направляться в соответствующие отраслевые комитеты Парламента.

Временный комитет 112 играет специфичную роль в отношении подзаконных актов имплементационного характера, так как после их рассмотрения и анализа он может рекомендовать их аннулирование.

В соответствии с Лиссабонским договором и Протоколом №1 к нему «О роли национальных парламентов в Европейском Союзе», национальные парламенты теперь имеют право получать некоторые документы ЕС в то же самое время, что и институты Союза и национальные правительства. Эти документы включают в себя, среди прочего, все предлагаемые проекты законодательных актов Союза.

Указанные документы, полученные Парламентом, могут быть затребованы каждым депутатом. На практике еженедельно служащие аппарата Парламента готовят доклад с перечнем документов, полученных и направленных в парламентскую библиотеку. Кроме видов документов, представление которых

¹ Standing Order 112 Select Committee of Dáil Éireann. URL: http://www.oireachtas.ie/parliament/oireachtasbusiness/committees_list/so112/ (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Programme for Government 2011-2016. URL: http://www.taoiseach.gov.ie/eng/Work_Of_The_Department/Programme_for_Government/Programme_for_Government_2011-2016.pdf (дата обращения: 01.04.2022 г.).

обязательно, как это закреплено в Протоколе, Парламент также обычно получает также некоторые иные, среди них:

- аргументированные заключения относительно соблюдения принципов субсидиарности и пропорциональности в проектах законодательных актов, направленных Европейской Комиссией национальным парламентам,
- аргументированные заключения относительно других документов, направляемых в Европейскую Комиссию национальными парламентами,
- сообщения, касающиеся текущих переговоров по проектам законодательных актов институтов ЕС.

Во главе государства находится **Президент Республики (*Uachtarán na hÉireann*)**. Однако, в соответствии со пунктом 4.1° статьи 29 Конституции, исполнительная власть государства, относящаяся к международным отношениям или связанная с ними, должна в соответствии со статьей 28 Конституции осуществляться Правительством или по его полномочию.

Правительство Республики Ирландия (*Rialtas na hÉireann*)¹. Конституция наделяет правительство широкими полномочиями, предписывая в соответствии со статьёй 28.2 Конституции, что «исполнительная власть государства, установленная в соответствии с положениями Конституции, осуществляется Правительством или по его уполномочию». Система органов исполнительной власти в Ирландии характеризуется самими ирландскими учеными как «Вестминстерская модель» (правда, с наличием писаной конституции)².

Правительство Ирландии состоит из Премьер-министра и департаментов. Согласно ст. 28.1 Конституции, Премьер-министр (*Taoiseach*) назначается на свою должность Президентом Республики по представлению Парламента. В правительстве может быть не менее семи и не более пятнадцати членов. В настоящее время структуру правительства образуют 15 отраслевых департаментов и департамент премьер-министра. Кроме того, в структуре правительства Ирландии существует пост государственного министра³. Это внекабинетный ранг, который привязан к одному или нескольким государственным департаментам правительства

¹ URL: <http://www.gov.ie> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Gallagher M., Laver M., Mair P. Representative Government in Modern Europe. Boston: McGraw Hill, 2001. P. 88.

³ A Minister of State - англ., Aire Stáit - ирл.

Ирландии. В отличие от других министров кабинета, которые назначаются президентом Ирландии по предложению премьер-министра с предварительного согласия Палаты представителей, государственные министры назначаются кабинетом министров по предложению главе правительства.

Должность государственного министра была учреждена Актом о внесении изменений в Акт о министрах и секретарях 1977 года¹ и введена в 1978 г. В соответствии с секцией 2 этого Акта государственному министру могут быть делегированы некоторые полномочия и обязанности того министра правительства, к которому они приписаны. Этот пост был учреждён, чтобы заменить должность парламентского секретаря, младшего ранга министров, который существовал с 1924 г. по 1978 г. В первоначальном Акте 1977 года число государственных министров было ограничено числом 10, но в 1980 году оно было увеличено до 15, в 1995 году — до 17, а в 2007 году максимальное количество государственных министров было ограничено двадцатью. В рамках предыдущего кабинета министров 9 марта 2011 года премьер-министр Энда Кенни назначил 15 государственных министров. В настоящее время в текущем составе правительства назначено восемнадцать государственных министров².

Пункт 1 статьи 29 Конституции определяет общий вектор внешней политики страны, закрепляя, что «Ирландия подтверждает свою преданность идеалам мира и дружеского сотрудничества между народами, основывающимися на международной справедливости и морали».

Исходя из этого, статья 29.4.2 Конституции предоставляет правительству страны самые широкие полномочия, устанавливая, что с целью осуществления любых исполнительных функций государства или относящихся к внешним сношениям Правительство может в пределах и на условиях, определенных законом, использовать или применить любой орган, инструмент или процедуру, используемые или одобряемые для этих целей членами любой группы или союзом народов, с которыми государство объединяется или будет объединяться с целью международного сотрудничества по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Правительство также обладает широкими полномочиями при возникновении международных чрезвычайных ситуаций: в случае действительного вторжения Правительство, однако, может предпринять действия, которые сочтет необходимым

¹ Ministers and Secretaries (Amendment) (No. 2) Act // Acts of the Oireachtas. № 28/1977.

² URL: http://www.taoiseach.gov.ie/eng/Taoiseach_and_Government/List_of_Ministers_Ministers_of_State/ (дата обращения: 05.05.2016 г.).

для защиты государства, и если Палата представителей не заседает, она должна быть созвана в ближайший исполнимый срок. Однако, война не должна объявляться и государство не должно участвовать в какой-либо войне без согласия Палаты представителей. Ничто в Конституции не должно быть использовано для признания недействительным любого закона, изданного Парламентом и направленного на обеспечение общественной безопасности и сохранения государства во время войны или вооруженного восстания или на отмену любого действия, которое совершено или которое предполагается совершить во время войны или вооруженного восстания для исполнения любого такого закона.

Термин «время войны» включает время вооруженного конфликта, в котором государство не участвует, но в отношении которого каждая палата Парламента решит, что вызванное этим вооруженным конфликтом чрезвычайное положение в стране воздействует на жизненные интересы государства. «Время войны или вооруженного восстания» включает время после прекращения любой войны и любого вооруженного конфликта, как они определены выше, или вооруженного восстания, которое имело место до того, как каждая палата Парламента решила, что чрезвычайное положение в стране по случаю такой войны, вооруженного конфликта или вооруженного восстания перестало существовать¹.

Большое влияние на работу правительства Ирландии оказало членство страны в Европейском Союзе/Сообществах. С момента вступления Ирландии в ЕС, система органов исполнительной власти страны претерпела существенные изменения, которые были обусловлены необходимостью эффективной имплементации европейского права².

В целом, отношения, возникающие в связи с прохождением дипломатической службы Ирландии, регулируются Конституцией этого государства, законодательными актами Ирландии, другими нормативно-правовыми актами, а также международными договорами, согласие на обязательность которых дано ирландским Парламентом³.

Особенности дипломатической службы (от специфических прав и гарантий до особых обязанностей, требований и ограничений, распространяющихся на

¹ URL: [http://www.supremecourt.ie/supremecourt/sclibrary3.nsf/\(WebFiles\)/8E500525C711FB96802575F20051DF49/\\$FILE/%5B1940%5D%20IR%20470.htm](http://www.supremecourt.ie/supremecourt/sclibrary3.nsf/(WebFiles)/8E500525C711FB96802575F20051DF49/$FILE/%5B1940%5D%20IR%20470.htm) (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² См. подробнее: Галушко Д.В. Правовые и институциональные основы взаимодействия Ирландии и Европейского Союза: монография. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008. С. 187.

³ URL: <https://www.dfa.ie/our-role-policies/international-priorities/international-law/acts-and-statutory-instruments/> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

дипломатических служащих), изложены в Актах о дипломатических отношениях и иммунитетах 1967 г.¹ и о дипломатических и консульских служащих (об оказании услуг) 1993 г.² Данные законодательные акты определяют основные понятия, задачи и функции, устанавливают порядок организации дипломатической службы, закрепляют основы правового положения дипломатического служащего, особенно ограничения, связанные с дипломатической службой, статус иностранных дипломатов и международных гражданских служащих.

Кроме этого, Акт 1967 года касается вопросов имплементации в правовой системе Ирландии важнейших международных документов, регулирующих вопросы дипломатического сотрудничества между государствами, международными организациями и другие вопросы. В их числе: Венских конвенций о дипломатических отношениях и консульских сношениях 1961 и 1963 гг., Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций 1946 г., Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений ООН 1947 г., Генеральное соглашение о привилегиях и иммунитетах Совета Европы 1949 г., Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и некоторых других.

Акт 1967 г., среди прочего, также регламентирует вопросы взаимоотношений Ирландии с международными межправительственными организациями, членом которых она является, прежде всего, с Организацией Объединённых Наций, специализированными учреждениями ООН, региональных международных организаций — с Советом Европы, Организацией экономического сотрудничества и развития.

Государственная служба — важнейший механизм системы государственного управления. Она призвана обеспечить профессиональное решение государственных задач по реализации положений Конституции и законодательства Ирландии в сфере обеспечения безопасности и государственного суверенитета, экономической самостоятельности и духовно-нравственной самобытности народа, защиты прав и свобод граждан³.

Служба в структурах внешнеполитического ведомства страны — это особый вид профессиональной служебной деятельности, причем, один из самых сложных,

¹ Diplomatic relations and immunities Act 1967 // Acts of the Oireachtas. №. 8/1967.

² Diplomatic and Consular Officers (Provision of Services) Act 1993 // Acts of the Oireachtas. №. 33/1993.

³ O'Malley E., MacCarthaigh M. Governing Ireland: From Cabinet Government to Delegated Governance. Dublin: Institute of Public Administration, 2012. P. 27.

ответственных и интересных видов, обеспечивает решение государственных стратегических задач, которые позволяют в полном объеме раскрыть многостороннюю человеческую индивидуальность. В целом система дипломатической службы Ирландии уже сформирована, а на современном этапе идет сложный, противоречивый процесс ее совершенствования, в том числе в связи с членством страны в Европейском Союзе, а также общей интернационализацией государственной политики государств¹.

Дипломатическая служба является одним из важнейших элементов государственной власти и государственного управления. Дипломатическая служба функционально решает кроме политических множество иных задач: от административно-управленческого характера до профессионального обеспечения высокоэффективного функционирования внешнеполитических ведомств государств, в том числе и Ирландии. Она включает в себя информационно-аналитическую, организационно-управленческую и кадровую работу, правовое, протокольное, документационное, административно-техническое, финансово-экономическое обеспечение внешнеполитических структур².

В большинстве стран мира эти ведомства называются министерствами иностранных дел. В Ирландии в настоящее время такое ведомство имеет название «Департамент иностранных дел и торговли»³. Различия в наименованиях в различных странах, тем не менее, не меняют сущности обязанностей и функций этих ведомств. Под их руководством функционируют дипломатические представительства и консульские учреждения за рубежом. Они поддерживают связи с аккредитованными в своей стране дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями других государств. В целом, это и представляет собой дипломатическую службу.

Департамент иностранных дел и торговли Ирландии является основным звеном, непосредственно осуществляющим внешнюю политику государства. Департамент состоит из отделов и подразделений центрального аппарата и зарубежных дипломатических представительств и консульских учреждений Ирландии.

Центральный аппарат Департамента обеспечивает политическую поддержку

¹ Bolewski W. Diplomacy and International Law in Globalized Relations. Berlin: Springer-Verlag, 2007. P. 16.

² Barston R.P. Modern Diplomacy. London: Routledge, 2013. P. 18.

³ Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.dfa.ie> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

правительству Ирландии, органам государственной власти и занимается вопросами имплементации внешней политики государства.

В прошлом составе кабинета министров Ирландии, например, кроме главы Департамента — министра иностранных дел и торговли — существовали должности Государственного министра по развитию, продвижению торговли и сотрудничеству Севера и Юга (Minister of State for Development, Trade Promotion and North-South Co-operation), государственного министра по вопросам диаспоры (Minister for the Diaspora), государственного министра по европейским делам и защиты информации (Minister of State for European Affairs and Data Protection).

Под политическим руководством министра иностранных дел и торговли департамент управляется Генеральным секретарем. Деятельность Генерального секретаря поддерживается Консультативным комитетом по управлению.

В соответствии с общими задачами и характером всей работы строится и структура самого центрального аппарата Департамента. Важнейшим звеном центрального аппарата Департамента иностранных дел и торговли Ирландии, с точки зрения оперативного руководства являются оперативные дипломатические управления. По характеру их деятельности принято деление на территориальные и функциональные оперативные дипломатические управления¹.

Территориальные управления ведают вопросами внешних сношений с определенными группами стран. Деление на функциональные управления в аппарате Департамента Ирландии является достаточно распространенной и общепринятой практикой в большинстве стран мира. К таким управлениям относятся Отдел торговли и продвижения (Trade and Promotion Division), Отдел по развитию сотрудничества (Development Co-operation Division), Политический отдел (Political Division), подразделение по вопросам ирландцев за рубежом и глобальной ирландской сети (An Irish Abroad & Global Irish Network Unit), Консульский и паспортный отдел (Consular and Passport Division), Юридический отдел (Legal Division), Протокольная служба (Protocol Service), Пресс-служба (Press Office), Отдел корпоративных вопросов (Corporate Services Division), Отдел стратегии и производительности (The Strategy and Performance Division), Отдел оценки и аудита (Evaluation and Audit Unit).

Структура регионально-территориальных подразделений, их положение в системе внешнеполитических ведомств Ирландии характеризуются рядом

¹ Barston R.P. Modern Diplomacy. London: Routledge, 2013. P. 18-19.

особенностей. Среди территориальных подразделений центрального аппарата Департамента иностранных дел и торговли Ирландии выделяют следующие: Отдел Европы (Europe Division), Англо-ирландский отдел (Anglo-Irish Division), Отделы Ближнего Востока, Северной Африки, Азиатско-Тихоокеанского региона, а также Латинской Америки и Карибского бассейна (Middle East and North Africa Unit, Asia Pacific Unit, and Latin America and the Caribbean Unit). Руководители этих отделов отвечают за выработку внешней политики по отношению к соответствующим регионам в пределах своей компетенции, направляют деятельность имеющихся в странах данного региона ирландских представительств, координируют шаги внешнеполитического характера различных ведомств Ирландии в отдельных районах мира. В каждое регионально-территориальное управление входит ряд должностных лиц и структурных подразделений.

Все перечисленное является общим кругом обязанностей и функций, которые возложены на оперативные дипломатические подразделения центрального аппарата Департамента иностранных дел и торговли Ирландии.

Ко второй группе государственных органов внешних сношений относятся зарубежные органы. Основными из них можно считать постоянные дипломатические представительства – посольства и миссии при главах государств и правительств, возглавляемые, соответственно, послами и посланниками; консульства; торговые и культурные представительства и миссии, являющиеся либо частью дипломатических представительств, либо самостоятельными органами, выполняющими специальные функции; постоянные представительства при международных организациях и учреждениях; временные представители или делегации для участия в двусторонних и международных переговорах на конференциях, конгрессах или торжественных церемониях¹.

Важным институтом представительства за рубежом являются консульства, которые представляют государство в вопросах защиты интересов граждан и интересов государства, главным образом, в торгово-экономической и имущественно-правовой сферах.

К категории зарубежных органов внешних сношений относятся и постоянные представительства государств при международных организациях. Это сравнительно новый институт, получивший особенно широкое распространение после Второй

¹ Shaw M.J. International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 546.

мировой войны в связи с возросшим значением международных организаций¹.

Ирландия имеет в общей сложности 73 дипломатических и консульских представительства за рубежом, а также Британо-ирландского межправительственного секретариата в Белфасте и Объединенного секретариата Министерского совета Севера и Юга Объединенного Секретариата в Армаге. Кроме того, Ирландия имеет постоянные представительства при следующих международных организациях: ООН, НАТО, ОБСЕ, Европейском Союзе, ОЭСР, ЮНЕСКО, Совете Европе, а также постоянные представительства при международных организациях, базирующихся в Вене и Женеве².

Специфика деятельности внешнеполитического механизма Ирландии отражается на содержательной стороне его работы, влияет на отношения его подразделений с другими государственными органами, на приемы и методы, которые используют внешнеполитические органы государственного механизма. Нередко создание отдельных институционных звеньев внешнеполитического механизма прямо вытекает из необходимости решения возникающих конкретных внешнеполитических проблем или связано с координационными задачами³. Так, например, в Ирландии в рамках Департамента иностранных дел и торговли для развития процесса мирного урегулирования конфликта в Северной Ирландии и реализации положений Договора Страстной пятницы был учрежден пост государственного министра по развитию, продвижению торговли и сотрудничеству Севера и Юга.

Также в Ирландии особенно важны вопросы интенсивности участия отдельных исполнительных звеньев внешнеполитического механизма в осуществлении внешних сношений, координации их деятельности, что связано с участием большого числа органов исполнительной власти в международных связях. Особенно заметна эта специфика в связи с членством государства в Европейском Союзе⁴.

Важно отметить, что практическая реализация внешнеполитических полномочий, во многом, зависит от целеустановок правительства Ирландии,

¹ Klabbbers J. An Introduction to International Organizations Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 20-21.

² Официальный сайт Департамента иностранных дел и торговли Ирландии. URL: <https://www.dfa.ie/embassies/irish-embassies-abroad/international-organisations/> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Ireland on the World Stage / Ed. W. Crotty, D.E. Schmitt. London: Routledge, 2013. P. 26-27.

⁴ См. подробнее: Галушко Д.В. Правовые и институционные основы взаимодействия Европейского Союза и Ирландии. Воронеж, 2008.

которые складываются под воздействием внутренних и внешних факторов. Главным среди внутренних факторов являются внешнеполитические потребности и интересы находящихся у власти политических сил. Насколько правильно глава кабинета смог отразить эти интересы и потребности в своей внешней политике, настолько широким будет консенсус между представленными в Парламенте партиями по основным направлениям внешней политики правительства. Внешние факторы составляют господствующие тенденции в международных отношениях, общее положение в мире в целом, политическая, экономическая и военная ситуация в регионе, международно-правовые обязательства, вытекающие из членства в союзах, организациях, группировках и т.д.¹

Если говорить о функциональных особенностях дипломатической службы, то в каждой конкретной сфере общественных отношений дипломатическими служащими решаются свои особые задачи, выполняются особые функции².

В административно-политической сфере — поддержка конституционного строя в стране, реализация требований и положений Конституции, национального законодательства; своевременное рассмотрение обращений граждан и общественных объединений, средств массовой информации, а также предприятий, учреждений и организаций, государственных органов и органов местного самоуправления, принятие соответствующих решений; информационно-аналитическое обеспечение органов государственной власти; прогнозирование общественно-политических и экономических процессов; организация и контроль выполнения принятых законов, указов, постановлений, приказов и распоряжений.

В сфере международных отношений и дипломатии — профессиональное обеспечение всего круга проблем международного сотрудничества, в том числе, в сферах высоких технологий, внешнеполитического сопровождения крупных экономических и экологических проектов, борьбы с международным терроризмом и организованной преступностью, защиты информационной безопасности государства. Также важны традиционные функции поддержки и развития дипломатических отношений с другими странами и международными организациями; организация и профессиональное обеспечение международных переговоров и заключение соответствующих соглашений; осуществление контроля

¹ См. подробнее: *Europeanisation and New Patterns of Governance in Ireland* / Ed. N. Rees, B. Quinn, B. Connaughton. Oxford: Oxford University Press, 2010.

² См.: Sen B. *A diplomat's handbook of international law and practice*. London: Martinus Nijhoff Publishers, 1988. - P. 56-94.

за соблюдением дипломатических и консульских привилегий; распространение информации о стране и её внешней политике.

В экономической сфере — формирование благоприятных внутренних и внешних условий для развития отечественного производства; правовое обеспечение эффективной деятельности хозяйствующих субъектов, прежде всего, в части реализации прав собственности и формирования конкурентной среды, осуществление финансово-налоговой политики государства, организация денежного обращения, контроль за качеством и соответствием товаров государственным стандартам, поддержка малого и среднего бизнеса, его социальная ориентация, реализация национальных интересов и поддержка международной конкурентоспособности отечественной экономики, участие в разработке мероприятий по развитию и расширению торгово-экономических и финансовых связей, научно-технических и других обменов государства с иностранными и международными организациями.

В социальной сфере — обеспечение и защита правового равенства граждан и юридических лиц; создание благоприятных и надежных условий для того, чтобы каждый человек своими силами мог наладить свою жизнь, определить жизненный путь под собственную ответственность.

Важнейшее направление дипломатической деятельности — решение проблем соотечественников за рубежом: участие в разработке основных направлений государственной политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, и осуществление мероприятий по её реализации; подготовка предложений по совершенствованию национального законодательства в этой сфере; внешнеполитическое и международно-правовое обеспечение деятельности государства с целью защиты прав и законных интересов и поддержки соотечественников, проживающих за рубежом.

В заключение параграфа можно сделать следующие выводы:

Формально в Ирландии высшим государственным органом в области внешней политики и внешних сношений является Правительство, в руках которого сконцентрированы наиболее существенные полномочия в осуществлении внешней политики. Тем не менее, в соответствии с Конституцией, Парламент Ирландии играет важную роль в осуществлении внешних сношений государства, так как именно он санкционирует применение норм международного права в правовой системе Ирландии, а также осуществляет контроль за многими вопросами, вытекающими из членства страны в Европейском Союзе. Кроме того, в его функции

входит решение таких кардинальных вопросов внешних сношений, как вопросы войны и мира.

Можно выделить следующие основные признаки дипломатической службы, а именно:

— это особый вид публичной службы, т.е. служба в органах публичной власти и сопутствующих им специально образованных учреждениях;

— это профессиональная деятельность, за осуществление которой служащие получают денежное вознаграждение из средств, предусмотренные государственным бюджетом;

— это деятельность по обеспечению исполнения полномочий этих органов и должностных лиц, т.е. деятельность служащих, находящихся в соответствующем подчинении;

— это деятельность, организованная на постоянной основе, то есть служащие органов дипломатической службы осуществляют свои полномочия в качестве основного и единственного вида легитимной деятельности за вознаграждение.

Анализ функционирования Департамента иностранных дел и торговли Ирландии свидетельствует о том, что создание многочисленных функциональных звеньев, каковыми являются указанные выше подразделения, значительно улучшает работу всего механизма внешнеполитического ведомства страны, дает ожидаемые позитивные результаты и благотворно влияет на принятие важных решений по крупным проблемам международного характера.

В целом, в Департаменте иностранных дел и торговли преобладают территориальные отделы, занимающиеся Европой, Африкой, Азией и странами арабского Востока, что отражает внешнеполитические интересы государства. В круг задач работников территориальных отделов входят сбор, классификация и оценка информации, дипломатическая переписка, поддержание контактов с иностранными дипломатическими представительствами, что представляет собой значительный объем работы. Особое значение занимают вопросы, вытекающие из членства страны в Европейском Союзе и других международных организациях.

Осуществление задач внешней политики является функцией не только центральных, внутригосударственных органов внешних сношений. Задачи внешней политики активно осуществляются также и зарубежными органами внешних сношений государств, и Ирландия в этом отношении не является исключением. Центральное место среди них занимают дипломатические представительства в виде посольств, консульских учреждений, постоянных представительств при

международных организациях, временных делегаций со специальными полномочиями.

§ 2. Проблемы нейтралитета Ирландии в условиях членства в ЕС.

Легального определения понятия института «нейтралитет» в международном праве не закреплено. Нейтралитет в самом общем виде означает определённый международным правом особый статус государства, не являющегося стороной вооружённого конфликта¹. Оно берет на себя обязательство не участвовать в войнах и военно-политических конфликтах, происходящих в настоящем или могущих произойти в будущем, воздерживаться от совершения действий, которые могли бы вовлечь такое государство в войну или вооружённый конфликт. Нейтральная страна должна придерживаться своего статуса не только во время войны, но и в мирное время. Она обязана налаживать дружеские отношения с другими странами, проводить миролюбивую политику и самое главное — воздерживаться от участия в военных блоках и союзах². В этой связи можно сказать, что постоянный нейтралитет представляет собой высшую форму развития нейтралитета, так как существует вне связи с войной³. «Старейшим ... является нейтралитет во время войны... Немаловажное значение для укрепления мира имеет и применение института постоянного нейтралитета»⁴.

Международно-правовой основой института нейтралитета стал Заключительный акт Венского конгресса 1815 года⁵. В нем прямо говорится, что только внутренний правопорядок каждого государства может обеспечить нейтральный статус. Также этот документ основал институт международно-правовой гарантии нейтралитета, который становится одним из основных принципов

¹ Clapham A., Gaeta P. The Oxford Handbook of International Law in Armed Conflict. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 249.

² Лукашук И.И. Международное право. Элементарный курс / И.И. Лукашук, Г.Г. Шинкаревич. М.: Спарк, 1999. С. 68.

³ Умеренко Ю.А. Международно-правовой статус нейтралитета и внутригосударственное право // ЕврАзЮж. № 10 (41). 2011. URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_contentplus&view=article&id=2543:2011-12-02-04-33-59&catid=109:2010-06-17-09-48-32&Itemid=196 (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁴ Тиунов О.И. Нейтралитет в международном праве. Пермь, 1968. С. 4.

⁵ The General Treaty of the Final Act of the Congress of Vienna, 9 June 1815. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Final_Act_of_the_Congress_of_Vienna/General_Treaty (дата обращения: 01.04.2022 г.).

нейтралитета.

В ходе Второй Гаагской конференции в 1907 году был утвержден ряд конвенций, в которых юридически были зафиксированы права и обязанности нейтральных государств¹. Именно Гаагские конвенции стали неотъемлемой частью международного права по защите нейтралитета². Они заложили принцип получения нейтралитета по факту неучастия, кодифицировали приобретение странами эвентуального нейтралитета. Согласно статьи 5 Гаагской конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны, нейтральная держава обязана карать действия, противные нейтралитету, только в том случае, если эти действия совершены на ее собственной территории.

Следует заметить, что ни в международном, ни в национальном праве не существует каких-либо обязательных предписаний относительно способов и форм установления нейтралитета. Соответствующее право самостоятельно определяет способ установления для себя статуса постоянно нейтрального государства, в том числе, путём принятия государством внутреннего законодательного акта или внесением соответствующего положения в конституцию страны. Хотя, как показывает практика международного общения, статус постоянного нейтралитета в ряде случаев должен получить международно-правовое признание со стороны других субъектов международного права, и прежде всего, со стороны других государств.

В качестве примеров государств, обладающих статусом постоянного нейтралитета в прошлом, можно привести Люксембург (1867-1944 гг.), Бельгию (1831-1919 гг.). В настоящее время таким статусом обладают Швейцария, Швеция, Австрия, Мальта, Туркменистан, Ирландия и другие страны мира.

Нейтралитет Ирландии, в отличие от большинства постоянно нейтральных государств, изначально не был закреплён на нормативном уровне; он основывался на сложившейся в этом государстве политической традиции³. Хотя Ирландия традиционно следовала политике нейтралитета в отношении международных конфликтов, эта политика не основана на положениях Конституции или законодательства, а является предметом для политики правительства. Только с принятием Конституции Ирландии в 1937 году нейтралитет этого государства обрёл

¹ V Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны, 1907 г. URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=32053> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Тиунов С.И. Международное гуманитарное право. М., 1998. С. 17.

³ Fanning R. Irish Neutrality: An Historical Review // Irish Studies in International Affairs, 1982. P. 27.

своё нормативное закрепление.

Статья 28.3.1 Конституции Ирландии устанавливает, что война не должна объявляться, и государство не должно участвовать в какой-либо войне без согласия Палаты представителей. В то же время, Конституция (статья 28.3.2) оставляла Ирландии право на самооборону, закрепляя, что в случае действительного вторжения, Правительство может предпринять действия, которые сочтет необходимым для защиты государства, и если Палата представителей не заседает, она должна быть созвана в ближайший исполнимый срок.

В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 29 Конституции:

1. Ирландия подтверждает свою преданность идеалам мира и дружеского сотрудничества между народами, основывающимися на международной справедливости и морали;

2. Ирландия подтверждает свою приверженность принципу мирного разрешения международных споров между народами посредством арбитража или судебных постановлений.

Нейтралитет Ирландии изначально имел своеобразную форму. Конституционные нормы определяли скорее выражение самоопределения, а не приверженность нейтралитету как таковому¹. Как отмечают ирландские учёные, нейтралитет Ирландии не является застывшей во времени доктриной, изолированной от реалий безопасности. Будучи закреплённым в Конституции, он не гарантирован никакими государствами в международном договоре. Главная характеристика такой политики страны — это уклонение от участия в военных альянсах. Все ирландские правительства придерживались этой политики².

Следует также заметить, что ирландский нейтралитет во многом является средством «держать дистанцию» от Великобритании. В частности, Ирландия провозгласила нейтралитет после возвращения Соединённым Королевством под её контроль открытых портов и сумела сохранить свой статус в течение Второй мировой войны, тем не менее, поддавшись на давление со стороны союзников о предоставлении им права пользоваться портами на своем западном побережье. Как отмечается, ради такого права Великобритания готова была бы согласиться на объединение Ирландской Республики с Северной Ирландией³.

¹ Ibid. P. 29.

² Fitzgerald G. The Origins, Development and Present Status of Irish „Neutrality" // Irish Studies in International Affairs. 1998. Vol. 9. P. 14.

³ Там же.

В докладе Группы по обзору Конституции¹ была высказана рекомендация об одном изменении в статью 28.3.1: ссылка на «войну» должна быть дополнена фразой «и другие вооруженные конфликты». Группа не рекомендовала каких-либо других изменений, указав, что так как статья 29 закрепляет приверженность Государства идеалам мира и дружественного сотрудничества между нациями и принципу мирного разрешения международных споров, а также так как статья 28.3.1 устанавливает контроль со стороны парламента над участием государства в вооруженных конфликтах, то внесение дополнительных изменений в Конституцию для обеспечения политики нейтралитета не требуется. Группа указала, что «нейтралитет в Ирландии всегда был политикой явно определенной фундаментальным правом и принципами, и Группа не видит необходимости предлагать изменения в этом отношении»².

Для рассмотрения свойств нейтралитета Ирландии также необходимо обратиться к национальной судебной практике.

В частности, решение Высокого суда по делу *Horgan v. Taoiseach* 2003 года³ подтвердило, что нейтралитет Ирландии является, скорее, вопросом политики правительства, нежели, принципом Конституции. Заявитель — Эдвард Хорган — утверждал, что решение правительства о разрешении использования аэропорта Шеннон для военных и гражданских самолетов для перевозки военных подразделений и амуниции вооруженных сил США и их союзников в Ирак означало участие Ирландии в войне, которую вели против Ирака США и их союзники. По его мнению, это решение было незаконным, поскольку парламент страны не санкционировал участие в войне в соответствии со статьями 28 и 29 Конституции.

Доводы истца были отвергнуты судом. В решении по делу было указано, что несмотря на существенную историческую ценность, которую представляет для Ирландии политика нейтралитета, этот статус не установлен в Конституции страны или где-либо в национальном законодательстве. Это является «исключительно вопросом политики» правительства, хотя и политики которой традиционно придается огромное значение. Иными словами, Ирландия находится в другом положении, нежели другие государства, которые инкорпорировали постоянный статус нейтралитета в своем законодательстве.

¹ The Constitution Review Group Report, May 1996. P. 93.

² Ibid.

³ *Horgan v. An Taoiseach* [2003] 2 IR 468.

В качестве уступки истцу было указано на существование юридической конструкции нейтралитета в международном праве: «... в международном праве существует юридическая концепция нейтралитета, из которой вытекают определенные права и обязанности как для воюющих сторон, так и для нейтралов во времена войны в обстоятельствах, когда использование силы происходит не под эгидой ООН ... Суд готов согласиться, что существует определенное правило в международном обычном праве в отношении статуса нейтралитета, в соответствии с которым нейтральное государство может не разрешить движение большого числа воинских подразделений и оборудования одной воюющей стороны через свою территорию по направлению к театру военных действий»¹.

Суд подтвердил дуалистическую концепцию соотношения международного права и права Ирландии, указав, что нейтралитет является вопросом внутригосударственного регулирования: «Принципы международного права вступают в национальное право только в том объеме, чтобы ни конституционное, ни иное законодательство или иное право, созданное судом, было бы несовместимым с ними. Там, где возникает конфликт, верховенство международного права во всех случаях должно уступать внутригосударственному праву. Если полномочия, возложенные на правительство Конституцией, могут быть урезаны или отменены референдумом, можно ли сказать, что широкие полномочия, предоставленные ему в сфере внешней политики, могут быть урезаны применением некоторых основных принципов обычного права? Ответ может быть только отрицательным. Я согласен и поддерживаю доводы ответчика, что положения статьи 29 должны, таким образом, рассматриваться как утверждения о принципах и общих ориентирах»².

В итоге, в отношении вопроса о предоставлении аэропорта Шеннон как формы участия в войне, суд отверг доводы истца, указав, что «...вопрос «участия» это не вопрос черного или белого. Это может быть, как указано премьер-министром, вопросом «сути или степени». Однако, для правительства и выбранных народных представителей в Парламенте типично то, что они должны определять и принимать решения. Даже в самых особых случаях, суд все равно должен будет учитывать работу этих органов в процессе осуществления их функций и обязанностей в соответствии со статьей 28 Конституции. Истец обоснованно задаётся вопросом о

¹ <http://www.shannonwatch.org/sites/shannonwatch.org/files/docs/horgan-judgement-judge-kearns.pdf> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Ibid.

том, должен ли суд запросить парламент о возможности судом разрешения вопроса о значении понятия «участия» в войне. Суд не может бездоказательно принять такое утверждение в отношении исключительных обстоятельств, и, соответственно, жалоба истца в соответствии со статьей 28 Конституции также подлежит отклонению»¹.

Дело *Horgan* впоследствии затрагивалось в деле *Dubsky v. Ireland*². В нем заявитель оспаривал конституционность практики, когда американские самолеты на пути в Афганистан пролетали над территорией Ирландии, а также останавливались для дозаправки в аэропорту Шеннон. Суд отверг ссылку истца на ст. 28.3.1 Конституции на основании того, что:

- во-первых, он не доказал существование состояния войны в Афганистане для того, чтобы статья 28.3.1 могла бы быть применена, а также любое участие в предполагаемой войне, которое могло бы стать предметом рассмотрения;
- во-вторых, было указано, что не существует какого-либо стандарта или признанного легального определения войны в национальном или международном праве.

Более того, суд постановил, что совершая определенные действия, которые могли бы нарушить нейтральный статус государства, прямо не следует, что такие поступки составляют участие в войне. Согласно делу *Horgan*, вопрос нейтралитета является преимущественно вопросом политики. В данном деле было заключено, что «ни из права, ни из логики не следует, что существует эквивалент между потерей статуса нейтралитета за предполагаемое нарушение норм нейтралитета в международном праве и участием в войне»³.

В отношении отсутствия ясного определения «войны», «участия в войне», «её последствий», вытекающих из отказа от следования принципам международного права в отношении нейтралитета, Верховный суд постановил, что судам следует применять сдержанный подход к вопросу о том, при каких обстоятельствах правительство должно принимать решения в отношении войны, вооруженных конфликтов или каких-либо военных действий⁴.

В 2003 году на рассмотрение Парламента был внесен законопроект о внесении

¹ Ibid.

² *Dubsky v. Ireland* [2005] IЕHC 442.

³ URL: <http://www.bailii.org/ie/cases/IEHC/2005/H442.html> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

⁴ Ibid.

изменений в Конституцию, которые бы на конституционном уровне защитили государственный нейтралитет. Однако, данное предложение было отвергнуто. По данному вопросу министр обороны Ирландии указал, что не верит, что ирландский народ захотел бы остаться военно нейтральным перед лицом терроризма или тех шокирующих зверств, которые совершались на Балканах¹.

Вопрос о нейтралитете Ирландии также получил активное обсуждение в связи с членством страны в процессах европейской интеграции, в частности в отношении Общей политики безопасности и обороны (далее — ОПБО) Европейского Союза. Вопрос осуществления данной политики является одновременно злободневным и достаточно сложным в правовой практике ЕС. Его сложность заключается в самом предмете регулирования — оборонная политика является довольно сложным явлением, поскольку тесно связана с государственными интересами, и если речь идет о совместном принятии решений в таком вопросе, то они всегда принимаются единогласно. Примером этого могут быть НАТО или бывшая Организация Варшавского Договора, в которых решения принимаются и принимались консенсусом или единогласием. Подобная же практика единогласия была принята и в ЕС.

Сама ОПБО является частью Общей внешней политики и политики безопасности (ОВППБ), которая до 2009 г. составляла вторую «опору» ЕС. По Лиссабонскому договору ОВППБ фактически состоит из двух частей: общей внешней политики и ее автономной составляющей — ОПБО (ч. 2 гл. II разд. 5 Договора о Европейском Союзе (в редакции Лиссабонского договора)). Как отмечается в Договоре, ее задачей является «обеспечение Союзу способности к оперативным действиям, которая опирается на гражданские и военные средства (п. 1 ст. 42 Договора о Европейском Союзе), в перспективе ОПБО «включает в себя постепенную разработку общей оборонной политики Союза» (п. 2 ст. 42 Договора о Европейском Союзе). О создании совместной обороны должен единогласно решить Европейский совет, после чего в соответствии с их национальными конституционными процедурами соответствующие решения должны принять государства-члены ЕС².

После реформы Лиссабонского договора исчезла возможность для утверждения, что Союз осуществляет свою деятельность на международной арене по

¹ Neutrality: Irish Experience European Experience. Ed. Atack I., McCrum S. // Dublin Monthly Meeting Peace Committee, 2009. P. 11.

² Treaty on European Union (Consolidated version 2012) // Official Journal. C 326. 26.10.2012.

двум направлениям: внешняя политика ЕС и ОВППБ. Предмет первой — главным образом, вопросы международного сотрудничества в экономической и социальной сферах, включая вопросы науки, культуры и охраны окружающей среды. В предмет ОВППБ, соответственно, входят любые вопросы международных отношений, которые не охватывают собой внешнеполитическую компетенцию ЕС. Сюда относятся, в частности, вопросы охраны международного мира и безопасности¹. Об этом свидетельствует, в частности, и отсутствие выделения отдельных целей ОВППБ в ст. 21 Договора о Европейском Союзе. Более того отмечается, что в ОВППБ Союз преследует цели ст. 23 Договора, которая указывает, что «деятельность Союза на международной арене согласно настоящей главе осуществляется исходя из принципов, преследует цели и проводится в соответствии с общими положениями, которые предусмотрены в главе 1»².

Как указывает Н.Б. Шеленкова, в отношении Европейской Конституции: если в пространстве свободы, безопасности и юстиции происходит «коммунитаризация правовой материи» (например, вводится совместная законодательная процедура и предусматривается режим юрисдикции Суда), то в области ОВППБ находят проявление лишь отдельные элементы наднациональности (в частности, создание поста Верховного представителя и предусматривается возможность голосования квалифицированным большинством)³. По нашему мнению, это же можно в полной мере отнести к соответствующим положениям учредительных договоров ЕС в редакции Лиссабонского договора.

Хотя в разделе V Договора о Европейском Союзе постоянно говорится об обязанности государств-членов строго соблюдать принятые решения, не предпринимать действий, которые их подрывают, укреплять политическую солидарность и т.п., все эти положения выглядят как аморфные рамочные предписания. Вместе с тем, ничто не мешает им получить императивное звучание. Ведь относительная свобода государств в сфере ОВППБ связана только с наличием блокирующего голоса при принятии решений и отсутствием механизма принуждения. Но через конвергенцию внешнеполитических интересов и сближения приоритетов, после выработки совместной внешнеэкономической политической

¹ Право Европейского Союза: учебник для вузов / под ред. С. Ю. Кашкина. М.: Юрист, 2009. С. 193.

² URL: <http://eulaw.ru/treaties/teu> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Шеленкова Н. Б. Современные правовые проблемы европейской интеграции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук (12.00.10). М., 2005. С. 25.

культуры и традиций, их значение будет снижаться¹. В то же время, до сих пор при осуществлении этой политики проблемным является распределение полномочий между ЕС и НАТО, членами которого являются большинство государств-членов. В решениях юбилейного Вашингтонского саммита НАТО 1999 г. было указано, что «разработка общей политики в области внешних сношений и безопасности означает и последующую разработку политики в области обороны. Такая политика, предусмотренная Амстердамским договором, будет совместима с общей политикой в области безопасности и обороны, предусмотренной в рамках Вашингтонского договора»².

Для регулирования сотрудничества была заключена договоренность ЕС с НАТО относительно доступа Союза к ресурсам Североатлантического альянса (т.н. «Договоренность Берлин плюс» 2003 г.)³. Во время первой миротворческой операции ЕС «Конкордия» в Македонии в 2003 г. Союз выступил на международной арене как единое целое. Решение об этом в ЕС принималось Советом в форме совместных действий⁴. Основанием для ее проведения послужило обращение правительства Македонии и резолюция Совета Безопасности ООН.

В настоящее время, учитывая особые обязательства части государств-членов ЕС (нейтралитет, членство в НАТО), была предусмотрена постепенность их участия в этой политике. Особо подчеркивается роль НАТО в осуществлении ОПБО. Группам государств, стремящимся пойти по пути сотрудничества в отдельных областях ОПБО дальше, чем та, на которую готовы другие государства-члены, предоставляется возможность делать это с использованием ресурсов ЕС и не выходя за рамки его институциональной системы. Причем отдельные государства могут проводить миротворческие миссии по решению Совета, представляя интересы всего ЕС. Концептуальный документ — Стратегическая концепция НАТО 2010 года —

¹ Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: учебник / под общ. ред. Л. М. Энтина. М.: Норма, 2008. С. 470-471.

² Стратегическая концепция североатлантического союза. Одобрена главами государств и правительств на сессии Североатлантического совета в Вашингтоне 23-24 апреля 1999 г. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_27433.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ European Union (EU)-North Atlantic Treaty Organisation (NATO): Declaration on European Security and Defence Policy (ESDP) / European Union, NATO // International Legal Materials. 2003. No. 42. P. 242.

⁴ Council Joint Action 2003/92/CFSP of 27 January 2003 on the European Union military operation in the Former Yugoslav Republic of Macedonia / European Union // OJ. L 34. 2003. P. 26-29.

рассматривает ЕС как «уникального и важного партнера для НАТО» (п. 32)¹. Лиссабонский договор указывает на «уважение обязательств определенных государств-членов, которые считают свою оборону реализованной в НАТО». (п. 2 ст. 42 Договора о Европейском Союзе). Что касается всех остальных стран, то действует норма, аналогичная изложенной в ст. 5 Североатлантического договора 1949 г. — коллективное противодействие вооруженной агрессии против одного из государств-членов на основании ст. 51 Устава ООН (п. 7 ст. 42 Договора о Европейском Союзе).

Соответственно, выделение этой политики связано с неодинаковым международно-правовым статусом определенных государств-членов ЕС. В частности, Австрия, Финляндия, Швеция и Ирландия являются нейтральными странами, причем это определяется как национальными актами, так и международными договорами. Итак, такой статус этих государств в принципе делает невозможной их участие в создании совместной оборонной политики с государствами-участниками военных блоков (например, НАТО), которые также являются членами ЕС.

Обеспокоенность сохранения ирландского нейтралитета, вытекающая из принятия Общей внешней политики и политики безопасности ЕС, стала одной из причин отрицательного результата на первом референдуме о ратификации Ниццкого договора Ирландией в 2001 году. Одной из мер, призванной успокоить общественное мнение о будущем нейтралитета Ирландии в случае ратификации Ниццкого договора, было принятие специального документа². На заседании Европейского Совета в г. Севилья 21-22 июня 2002 года главы правительств остальных 14 государств-членов ЕС заслушали «Декларацию Ирландии», которая касалась участия страны в действиях ЕС военного характера³. Документ не имел юридической силы, поэтому эти действия ирландского правительства рассматривались, прежде всего, как политический сигнал своему электорату.

В ответ на Декларацию Ирландии, Европейский Совет сделал собственное заявление, в котором было указано о праве Ирландии (как и любых других стран-членов ЕС) решать «в соответствии с национальными конституциями и

¹ Активное участие, современная оборона "Стратегическая Концепция Оборона и Обеспечения Безопасности Членов Организации Североатлантического Договора" Утверждена Главами Государств и Правительств в Лиссабоне. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² O'Malley E., Marsh M. Ireland // European Journal of Political Research. 2003. Vol. 42. No. 7-8. P. 982.

³ URL: http://www.cvce.eu/content/publication/2005/6/17/a442cb15-0528-4560-9d12-0b46fb5c75d4/publishable_en.pdf (дата обращения: 01.04.2022 г.).

законодательством вопрос о своём участии и его пределах в любых действиях в рамках Европейской политики безопасности и обороны»¹.

Также было указано, что «Договор о Европейском Союзе не предполагает каких-либо обязательных совместных оборонительных обязательств. Также не предполагает распространения компетенции Союза на управление гуманитарными и кризисными ситуациями путём создания европейской армии». Подчёркивалось, что «как все остальные государства-члены ЕС после вступления в силу Ниццкого договора, Ирландия оставляет за собой право принимать свои собственные суверенные решения в соответствии со своей конституцией и законами по вопросу о том, направлять ли военный персонал для участия в любых операциях, проводимых под эгидой Европейской оборонной политики и политики безопасности. Ирландия в своём национальном заявлении ясно высказала свою позицию по этому вопросу». Было подтверждено, что ирландская политика нейтралитета не противоречит учредительным договорам ЕС, в том числе Ниццкому договору; не существует обязательств, вытекающих из этих договоров, «которые бы принуждали Ирландию отказаться от этой политики»².

Декларация также подтверждала дальнейшую приверженность страны своей традиционной политике военного нейтралитета. Ирландия подтвердила, что «её участие в Европейских политиках обороны и безопасности не противоречит её традиционной политике военного нейтралитета». Декларация констатировала, что «во-первых, Ирландия не является стороной какого-либо совместного договора об обороне, во-вторых, Ирландия не является участником каких-либо проектов развития европейской армии, и, в-третьих, Ирландия будет принимать суверенное решение в каждом конкретном случае, будут ли Силы Оборона страны принимать участие в гуманитарных или миротворческих миссиях под эгидой ЕС, ООН...»³.

Иными словами, Ирландия не приняла на себя обязательства участвовать во всех возможных последующих действиях Европейского Союза в данном направлении, даже в случае создания «Вооружённых сил Европы». Такое

¹ См.: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/72638.pdf (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² См.: http://www.fiaa.fi/assets/IIEA_Ireland's_future_after_Lisbon.pdf (дата обращения: 01.04.2022 г.).

³ Ibid.

положение дел свидетельствовало о тенденции к «разноскоростной» интеграции, когда участники поддерживают не все начинания ЕС.

Декларация стала предметом критики со стороны оппозиционеров второго референдума. Возникли многочисленные вопросы о правовом статусе этого «заявления», о необходимости новых гарантий для поддержания статуса нейтральной страны и о конституционности его положений, не говоря уже о вопросах демократичности проведения второго референдума по Ниццкому договору¹.

Второй референдум по вопросу ратификации Ниццкого договора и принятия Билля о двадцать шестой поправке к Конституции состоялся 19 октября 2002 года. В связи с тем, что Ирландия не приняла решение об участии в общей европейской политике обороны, Билль о внесении 26-й поправки в конституцию страны содержал подпункт 9 статьи 29.4, который как раз и закреплял это.

Предмет референдума был сформулирован в бюллетенях следующим образом: «1. Билль о внесении двадцать шестой поправки к конституции предлагает включить следующие подпункты после подпункта 6° пункта 4 статьи 29 Конституции:

7° Государство может ратифицировать Ниццкий договор, вносящий изменения в Договор о Европейском Союзе, в учредительные договоры Европейских Сообществ и соответствующие относящиеся к ним Акты, подписанный 26 февраля 2001.

8° Государство может выполнять обязательства, установленные статьями 1.6, 1.9, 1.11, 1.12, 1.13 и 2.1 договора, указанного в подпункте 7° этого пункта, но любые такие действия должны быть представлены на рассмотрение и одобрение обеим Палатам Парламента.

9° Государство не принимает решение, принятое Европейским Советом об учреждении общей оборонительной политики в соответствии со статьёй 1.2 договора, указанного в подпункте 7° этого пункта, где эта общая оборонительная политика должна была бы включать государство».

¹ Gilland K. Ireland's second referendum on the Treaty of Nice, October 2002 // EPERN Referendum Briefings. № 1. P. 3.

Данное предложение было одобрено на референдуме, Билль был подписан президентом 7 ноября 2002 года и обнародован как закон¹.

Однако, общим и важным для всех стран является не собственно процесс движения к нейтралитету, а конечный результат — статус постоянного нейтралитета, который должен непременно отражать волю народа той или иной страны. В конце концов, такая воля направлена на достижение общей для всех народов цели — обеспечение всеобщего мира и безопасности, развитие дружественных отношений между народами, реализацию сотрудничества в решении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера, утверждение уважительного отношения к правам человека.

Политика правительства Ирландии заключается в том, что страна не будет принимать участие в войне или конфликтах до тех пор, пока это не будет одобрено «триадой» — правительством, парламентом и Советом безопасности ООН². В заявлениях правительства Ирландии сущность её постоянного нейтралитета определялась как «военный нейтралитет». Принятие нейтралистского внешнего курса Ирландией оказало весьма значительное влияние на международный престиж страны. Нейтралитет Ирландии заключался в отказе от участия в военных блоках, прежде всего, в НАТО. Ирландия не входила в группу нейтральных и неприсоединившихся стран СБСЕ и в 1973 г. стала первым нейтральным государством-членом Европейских Сообществ.

Политика Ирландии на современном этапе подтверждает отсутствие конфликта между военным нейтралитетом и активной поддержкой Ирландией коллективных усилий по безопасности, основанных именно на международном праве. Здесь следует заметить, что, например, дискуссии по поводу сотрудничества с НАТО в ряде нейтральных стран были достаточно острыми. Постоянно нейтральные страны придерживаются мнения, что политика военного неприсоединения должна быть сохранена и продолжена. Ирландия, тем не менее, никогда не была ни идеологически нейтральна, ни фактически равнодушна к главным международным вызовам современности и задачам безопасности. Правительство Ирландии даже не рассматривает возможность вступления в военный оборонительный альянс, такой

¹ Referendums in Ireland 1937-2004 – Dublin: The Department of the Environment, Heritage and Local Government, 2005. P. 68.

² Devine K. Irish Political Parties' Attitudes towards Neutrality and the Evolution of the EU's Foreign, Security and Defence Policies // Irish Political Studies. Vol. 24. № 4. P. 482.

как НАТО. Однако, в то же время, в 1999 году Ирландия присоединилась к программе НАТО Партнерство ради мира.

Также особо следует отметить, что с момента вхождения Ирландии в ООН в 1955 г., Силы Оборона принимали участие в миротворческих операциях под эгидой этой международной организации. Обретение нейтрального статуса многими странами в рамках ООН на практике доказывает совместимость членства в этой универсальной Организации со статусом постоянного нейтралитета. Принципы нейтралитета полностью подпадают под положение п. 2 статьи 1 Устава ООН, которое требует от членов Организации «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира». Нейтралитет никогда в истории человечества не служил целям войны. На современном этапе трансформации и дальнейшего развития универсального регулирования международных отношений решение проблемы совместимости нейтралитета с участием в ООН следует искать не на пути ослабления статуса нейтралитета, допуская уклонение нейтрального государства от выполнения своих уставных обязанностей, а на пути укрепления как самого нейтралитета, так и Организации Объединенных Наций, подчеркивая необходимость строгого соблюдения требований ее Устава всеми государствами. Нейтральный статус государств является эффективным инструментом мира, который существенно помогает достижению целей, стоящих перед международным сообществом.

В заключение параграфа можно сделать следующие выводы:

Анализ истории обретения странами нейтралитета, причин его провозглашения, политики нейтралитета Ирландии и её геополитического состояния дает основания утверждать, что политика нейтралитета XXI века эволюционирует в сторону внеблоковости, преимущественно неприсоединением к оборонным союзам, но предусматривает активную позицию на международной арене, включая членство в различных международных организациях, в том числе в ООН, ОБСЕ, Европейском Союзе и др., при этом участвуя, например, в программах НАТО.

В целом, понимание сущности нейтралитета в государствах различается под влиянием различных факторов, прежде всего, исторического и политического характера, что обуславливает разные подходы к реализации нейтралитета от страны

к стране. Различие подходов проявляется, в основном, в процессе осуществления внешней политики государствами в отношении участия в различных международных организациях в мирное и военное время.

Будучи нейтральной, Ирландия поддерживает действенность своего статуса не благодаря юридически обязывающим документам, а через традиции. В национальном понимании этого государства нейтралитет основывается на исторической традиции, текущей политике и долгосрочной стратегии. Однако ирландскому нейтралитету не хватает нормативно-правовой защиты. Неоднозначный статус Ирландии контрастирует с более легально определенным нейтральным статусом других стран-членов ЕС, в особенности, например, Австрии.

В настоящее время ввиду особых международно-правовых обязательств части государств-членов (нейтралитет, членство в НАТО) предусмотрена постепенность их участия в этой политике. Особо подчеркивается роль НАТО в осуществлении ОПБО. Группам государств, стремящимся пойти по пути сотрудничества в отдельных областях ОПБО дальше, чем та, на которую готовы другие государства-члены, предоставляется возможность делать это с использованием ресурсов ЕС и не выходя за рамки его институциональной системы. Причем отдельные государства могут проводить миротворческие миссии по решению Совета, представляя интересы всего Европейского Союза.

§ 3. Признание государств и правительств: ирландский подход.

1. Признание в международном праве: общие положения

Международное признание включает как субъективный момент — волю субъекта, который признает, так и объективный — реально существующий объект (положение, факт), который нужно признать¹. Первым условием действительности международного признания является наличие объекта признания. Второе условие относится к компетенции государств в области предоставления международного признания. Речь идет про правомерные критерии, которыми руководствуются при этом государства, в частности, политические.

Признание, как юридический факт, является базой для всех последующих отношений между субъектами международного права. И дипломатические, и

¹ Crawford J. The criteria for statehood in International law // British Yearbook of International Law, 1976. No 48 (1). P. 95.

консульские отношения устанавливаются после признания. При этом юридической обязанности признания не существует, это право государства. Признание осуществляется органом, компетентным, согласно конституционному праву данного государства, представлять его во внешних сношениях, как правило, это глава государства или правительства. В Ирландии, например, согласно п. 4.1^о статьи 29 Конституции, исполнительная власть государства, относящаяся к международным отношениям или связанная с ними, должна в соответствии со статьей 28 Конституции осуществляться Правительством или по его полномочию¹.

Предоставленное признание, как правило, не отзывается и не отменяется, а в случае коренного изменения обстоятельств его изъятие является автоматическим. С помощью акта признания государство соглашается с соответствующими изменениями в международном правопорядке и / или в международной правосубъектности. При этом нужно понимать, что в современном мире, когда на международной арене существуют государства с разным общественным и государственным устройством, критерии признания того или иного объекта могут быть достаточно разнообразными. Объем международного признания также разный. Очень разнообразны и последствия международного признания, поскольку они зависят как от объекта, так и от субъекта признания.

В настоящее время существуют две основные теории международно-правового признания — конститутивная и декларативная.

Конститутивная теория возникла в XIX в. как противодействие созданию новых государств, получению колониями независимости от метрополий. Её сторонниками являются Л. Оппенгейм, Г. Лаутерпахт, Д. Анцилотти, М. Бастид, С. Патель, Г. Кельзен и др. Она наделяет акт признания функцией создания субъекта. Только в силу признания со стороны других стран новообразованное государство или правительство (дестинаторы) приобретают международную правосубъектность. Так, исследователь Х. Лаутерпахт рассматривает признание как акт, имеющий целью создать международные права и обязанности². Например, Л. Оппенгейм писал, что государство приобретает статус субъекта международного права исключительно благодаря признанию³. Характерно, что признание, по утверждению

¹ Constitution of Ireland. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en/html#part7> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

² Lauterpacht H. De facto recognition, withdrawal of recognition, and conditional recognition // *British Yearbook of International Law*, 1945. № 22. P. 164.

³ Оппенгейм Л. *Международное право*. Том I. Мир. Полутом I. / Л. Оппенгейм. М.: Государственное изд-во иностр. лит-ры, 1948. С. 136.

Л. Оппенгейма, будучи декларативным в отношении существующего факта по своей природе является конститутивным, поскольку означает возникновение международных прав и обязанностей у государства¹.

Основной недостаток конститутивной теории видится в том, что обретение правосубъектности государством ставится в зависимость от волеизъявления других государств, что, в свою очередь, противоречит принципу суверенного равенства государств². В этом случае опасность такого подхода, на наш взгляд, заключается в том, что конститутивная теория трансформируется в инструмент политических манипуляций, с помощью которого можно легитимизировать путем признания любую ситуацию, а особенно такую, которая сформировалась в результате противоправных действий. При отсутствии четких общепризнанных правовых критериев суть конститутивной теории становится предметом широкого толкования, лишенного объективного начала.

У истоков декларативной теории стояли Г. Гегель, Наполеон и Т. Джефферсон. Согласно этой теории, новое образование (государство или правительство) становится субъектом международного права с момента и в силу лишь своего возникновения. Признание здесь не образует международную правосубъектность, а лишь констатирует её.

Декларативная теория признания, в отличие от конститутивной теории, рассматривает акт признания как декларацию, подтверждающую существующее правовое фактическое положение³. По сути эта теория не предусматривает какой-либо взаимосвязи между актом признания и формированием правосубъектности в образовании, претендующее на статус субъекта международного права⁴.

Некоторые ученые пробовали объединить две теории в одну. Так, Х. Лаутерпахт попытался выявить нюансы слияния различных аспектов двух теорий⁵. Считая, что «признание — это знаковая, решающая и незаменимая функция, обнаруживающая и заявляющая о существовании необходимых элементов государственности с конститутивным эффектом для начала международных прав и

¹ Там же. С. 138.

² Толстых В. Курс международного права. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 362.

³ Броунли Я. Международное право: в двух книгах / Я. Броунли. Книга первая. М.: Прогресс, 1977. С. 148-151.

⁴ Cassesse A. International law. Second edition. Oxford University Press, 2005. P. 73.

⁵ См.: Lauterpacht H. Recognition in International law. - Cambridge: Cambridge University Press, 1947.

обязанностей этого государства»¹, Лаутерпахт обосновывал обязанность признания, чтобы смягчить крайние случаи отрицания происходящих событий. «Если существует, однако, обязанность признавать, и, таким образом, констатируется новое государство, тогда конкретный правовой актор, обладающий властью констатировать создание нового государства, не является важным. Но если государства действительно уполномочены создавать новые государства, то нет адекватного объяснения источника такой обязанности»².

Джон Дугард расширил теорию Лаутерпахта, заключив, что источник обязанности признать государство заключается в его вхождении в ООН³. Хотя Дугарда и можно считать признавшим решающую роль государственного согласия на признание и, возможно, его конститутивный эффект, однако, на практике ни обязательство государств по признанию новых членов ООН, ни ясно определённая мера ответственности за возможный отказ это сделать нигде не зафиксированы.

Майкл Шойсволь предложил теорию «растворимой преемственности» в отношении Сомали, которая могла бы найти более широкое применение⁴. Эта теория предполагает, что признание носит декларативный характер, когда статус нового государства не является спорным, но оно является конститутивным (или полу-конститутивным), когда правосубъектность государства оспаривается. Однако, данная точка зрения не бесспорна, так как очень легко утверждать, что акт является лишь декларативным, когда никто не возражает против этого.

Признание имеет большое политическое значение для нового государства, укрепляя его позиции в международной системе, открывая перед ним возможности сотрудничества. Оно делает его полноправным членом международного сообщества, открывает возможности реализации своих прав во взаимоотношениях с другими государствами⁵.

Ф.Р. Гасымов указывает, что «говоря о соотношении конститутивной и декларативной теорий признания, ... в последнее время в отечественной науке международного права раздаются голоса в поддержку конститутивной теории

¹ Ibid. P. 51.

² Ibid.

³ См.: Dugald J. Recognition and the United Nations. Leiden: Grotius Publications, 1987.

⁴ См.: Schoiswohl M. Status and (human rights) obligations of non-recognized de facto regimes in international law: the case of 'Somaliland'. Leiden: Brill, 2004.

⁵ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 348.

признания (Вельяминов Г. М., Хлестов О.Н.). Такой подход в нашей литературе появился благодаря освобождению отечественной науки от идеологических препон. В западной же науке позиции конститутивной теории признания изначально были доминирующими (Г. Кельзен, Г. Лаутерпахт, Л. Оппенгейм). ... Сегодня же на признание пытаются претендовать различные национальные меньшинства, населяющие небольшие территории, своими действиями представляя угрозу региональной и международной безопасности. Исходя из этого, усиление позиций конститутивной теории признания больше связано с современными условиями, недопущением «балканизации», фрагментации мира, чем доктринальным преимуществом перед декларативной теорией»¹.

Таким образом, в отсутствие универсального юридически обязательного документа, закрепляющего признаки государственности, международного органа, уполномоченного осуществлять коллективное признание, а также соответствующих положений в общем международном праве, установление факта возникновения государства полностью подпадает под юрисдикцию самих государств. Иными словами, вопрос признания новых государств целиком зависит от конкретной ситуации и политических интересов государств².

Представляется, что международно-правовое признание имеет важнейшее значение для международных отношений. И конститутивная, и декларативная теории признания имеют свои сильные и слабые стороны. Однако, проанализированная международная практика в данной сфере настолько разнообразна и противоречива, что позволяет говорить о некоем симбиозе данных теорий.

Как указывалось ранее, правосубъектность государства состоит из его право- и дееспособности. Фактическое появление государства с соответствующими признаками государственности означает появление у него правоспособности, иными словами набора определенных прав и обязанностей как внутри его территории, так и за её пределами. И, естественно, такое государство может существовать без какого-либо признания со стороны других субъектов международного права. Это положение в полной мере согласуется с постулатами декларативной теории

¹ Гасымов Ф.Р. Признание государств и правительств: Современная международно-правовая теория и практика: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.10. - Международное право; Европейское право / Ф.Р. Гасымов; Науч. рук. Л.Х. Мингазов. Казань, 2005. С. 10.

² Ильяшевич М.В., Хахина А.А. К вопросу о международно-правовом признании государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. М: РУДН, 2014, №1. С. 241.

признания.

А вот в отношении процесса реализации государством своих прав и приобретения обязанностей, иными словами, его дееспособности, необходимо учитывать фактор международного признания образования в качестве государства. Так как при отсутствии признания другими государствами, определенное образование не сможет вступать с ними в официальные взаимоотношения, в полной мере участвовать в международном общении, реализуя свои права и приобретая обязанности. Поэтому в данной ситуации, международное признание будет играть главенствующую роль в вопросе создания нового государства. И эти обстоятельства говорят в пользу конститутивной теории.

Тем не менее, обозначенная противоречивость практики признания государств, его зависимость от интересов и выгоды признающих государств, теоретическая сущность правосубъектности государств и института международно-правового признания указывают на рациональный характер выдаваемого признания, или, если хотите, рациональную теорию признания.

Данный тезис был подтвержден ещё в начале XX века выдающимся учёным В.Э. Грабарём, дополнившего мысли другого известного юриста-международника Ф. фон Листа, указав, что государство, вновь образовавшееся или до сих пор не принадлежавшее к международно-правовому общению, стремящееся стать субъектом международного права, нуждается в признании со стороны остальных держав. Этим признанием обусловлено не существование его, как государства, а только его вступление в международно-правовое общение¹.

2. Признание Ирландией новых государств.

Ирландия имеет разнообразный опыт в выражении своего признания других государств. Как показывает практика, ирландская позиция зависит от выполнения четырёх традиционных требований к государственности, закреплённых в Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 г.², которые в основном сводятся к требованиям относительно внешнего суверенитета, эффективности и стабильности государственного режима. Статья 1 Конвенции закрепляет, что

¹ Международное право в систематическом изложении: Перевод с 6-го немецкого издания / Лист Ф., проф. Берлин. ун-та; Под ред., с предисл. и доп.: В.Э. Грабарь, проф. 4-е рус. изд., испр., и доп. Юрьев (Дерпт): Тип. К. Маттисена, 1917. С. 52.

² The Montevideo Convention, 1933. URL: <https://www.ilsa.org/jessup/jessup15/Montevideo%20Convention.pdf> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

государство, как субъект международного права, должно обладать следующими признаками: (а) постоянное население; (б) определенная территория; (с) правительство; и (г) способность к вступлению в отношения с другими государствами.

В 1963 году Департамент иностранных дел Ирландии изданием отдельного циркуляра принял решение о признании *de jure* целого ряда государств¹. Однако, как было указано в министерском циркуляре, «никакого формального объявления о признании сделано не было», а также об этом «не было сообщено правительствам этих стран». Ирландские дипломатические представители были проинструктированы о том, что они могут проинформировать об этом правительства указанных государств, но только если их об этом спросят, но при этом не должно быть сообщено о дате признания *de jure*. Такие инструкции говорят о том, что тогдашнее правительство Ирландии большое внимание уделяло именно такому виду признания государств.

Официальное заявление было сделано, например, в случае с признанием Ирландией Гвинеи-Биссау в 1974 году, когда было сообщено, что «Правительство уже согласилось признать Гвинею-Биссау как независимое суверенное государство. Об этом было объявлено 12 августа 1974 года и сообщено прессе на следующий день»².

Существуют и другие заявления Парламента, которые подтверждают, что Ирландия действует «в соответствии с общепризнанными принципами международного права, принимая во внимание обстоятельства каждого отдельного дела»³.

Об этом, в частности, указывается ирландским правительством в отношении признания Палестинского государства в 1988 году: «Международно-правовыми критериями, применимыми к признанию государств, являются наличие определённой территории, постоянного населения, суверенного правительства, осуществляющего эффективный контроль и способность вступать в международные отношения. Ясно, что пока Израиль продолжает выступать как оккупационная сила, Палестинское государство, провозглашённое 15 ноября 1988 года, не будет соответствовать некоторым или всем таким критериям. Условия для объявления формального легального признания, таким образом, не существуют»⁴.

¹ Foreign Affairs Archive // Ref. 305/149, DC Circular No. 2/63, May 5, 1963. P. 8.

² 275 Dail Debates Col. 1327 (November 7, 1974).

³ 221 Dail Debates Col. 4 (February 22, 1966).

⁴ 385 Dail Debates Col. 1191 (December 13, 1988).

Таким образом, в случае с Палестиной, «применимые критерии» для признания не были удовлетворены¹, в большинстве своём из-за того, что Израиль являлся оккупантом этой территории с 1967 года. Хотя вопрос о признании Палестинского государства иногда поднимается в ирландском парламенте, однако, стандартным официальным ответом на возможное изменение дел является то, что «ирландское правительство признаёт Организацию Освобождения Палестины как представителя палестинского народа, но Ирландия не признаёт государственности Палестины»².

Как и в Великобритании, соответствие всем критериям государственности той или иной территории является важнейшим требованием для признания со стороны Ирландии. Как было указано ирландским правительством в отношении Гвинеи-Биссау: «Правительство ситуацию с признанием держит на постоянном контроле и примет решение о признании, как только Гвинея-Биссау будет образовано как независимое государство»³.

Ирландия старалась придерживаться такой осмотрительной политики. В качестве примера можно привести ситуацию с Биафрой во второй половине 60-х гг., когда этот регион Нигерии намеревался выйти из состава Нигерийской Федерации. Из официальных заявлений в парламенте Ирландии ясно, что Ирландия никогда не признавала отделение Биафры. В 1968 году было заявлено: «Ирландское правительство признаёт Федеративную Республику Нигерия и поддерживает дипломатические отношения с ней. Признание как независимого государства не распространяется на восточный регион — Биафру»⁴.

Политика непризнания применялась к двум республикам Советского Союза, которые одновременно с этим являлись членами ООН, — к Белоруссии и Украине. Они также не рассматривались как суверенные государства. Однако, в случае с распадом Федеративной Республики Югославия, Ирландия в начале 90-х гг. прошлого века признала Хорватию, Словению и Боснию как независимые государства, но не признала федеративное образование Сербии и Черногории⁵.

Аналогичным образом, практика Ирландии требует доказательств длительной стабильности для признания государств. Например, после отделения Восточного Пакистана в 1971 году как независимого Государства Бангладеш, было официально

¹ 393 Dail Debates Col. 1000 (November 21, 1989).

² См. напр.: 393 Dail Debates Col. 1567.

³ 269 Dail Debates Col. 1802.

⁴ 237 Dail Debates Col. 8654 (February 16, 1968).

⁵ 428 Dail Debates Cols 62-63.

заявлено, что Ирландия «не приняла решение по этому вопросу», но «ждёт того момента, когда ситуация разрешится» для того, чтобы предпринять какие-либо действия¹. Вскоре после этого, в Парламенте было подтверждено, что 4 февраля 1972 года Ирландия объявила о намерении признать Бангладеш².

Подобная официальная позиция была занята Ирландией и по отношению к статусу трёх балтийских государств на ранней стадии их заявок о независимости в 1991 году, когда ещё было очень рано говорить об их полноценной независимости³.

Интересная дилемма для Ирландии была вызвана восстановлением независимости трёх балтийских государств — Эстонии, Латвии и Литвы — в начале 90-х гг. Ирландия никогда не признавала суверенитет Советского Союза над этими территориями после их присоединения в 1941 году ни *de jure*, ни *de facto*, о чём неоднократно указывалось в Парламенте⁴. В этом случае позиция Ирландии не совпала с позицией Великобритании, которая в 1979 году подтвердила признание советского суверенитета над этими территориями *de facto*, но никогда *de jure*⁵. Подобную позицию занимали другие государства-члены Европейских Сообществ, поэтому эти государства приветствовали «восстановление суверенитета и независимости балтийских государств, которые они потеряли в 1940 году»⁶. Таким образом, представляется, что, в отличие от Нидерландов и Испании (оба государства признавали присоединение балтийских республик к Советскому Союзу), это не было единое заявление о признании, хотя позиция Великобритании по этому вопросу было достаточно двоякой⁷.

Официальная позиция Ирландии, по мнению некоторых учёных, также была неоднозначной относительно статуса этих балтийских государств, несмотря на то, что некоторые депутаты Палаты представителей заявляли о том, что Ирландия никогда не признавала их вхождение в состав СССР, тем самым, она продолжала признавать их государственность⁸. Однако, официальные заявления подчёркивали, что восстановление независимости этих трёх стран требует повторного признания.

¹ 258 Dail Debates Col. 31 (January 19, 1972).

² 258 Dail Debates Col. 1585.

³ Irish Times, August 27, 1991.

⁴ 397 Dail Debates Col. 2189 (1990); 398 Dail Debates Col. 1180 (1990).

⁵ Jennings R., Watts A. Oppenheim`s International Law, Vol. 1, Peace. London: Longman, 1992. P. 193.

⁶ Europe // No. 5555 (N.S.). August 29, 1990. P. 7.

⁷ См. напр.: Warbrick C. Recognition of States // International & Comparative Law Quarterly, 1992. № 41. P. 474.

⁸ 407 Dail Debates Col. 97.

Как было заявлено в Парламенте, «Ирландия никогда не признавала аннексию балтийских государств Советским Союзом 1940 года. Тем не менее, вопрос признания балтийских стран как независимых государств — это отдельный вопрос. Так как ни одно из этих государств не осуществляют ту степень контроля за внутренними делами или возможности осуществления своих независимых внешних сношений, которые являются общепризнанными признаками, которые необходимы для международного признания как суверенного независимого государства»¹.

Неудивительно, что это официальное отношение подвергалось критике в ирландском Парламенте, и 27 августа 1991 года Ирландия, вслед за Европейскими Сообществами, объявила о признании восстановления независимости этих трёх прибалтийских государств².

Иногда списки официально непризнаваемых Ирландией стран представляются в Парламент правительством страны. В разное время эти списки включали: Северную Корею, ГДР³, Тайвань, Намибию, Палестину, Белоруссию и Украину⁴. В настоящее время Ирландия официально признала КНДР аккредитацией 17 декабря 2003 года своего посла в Южной Корее на территорию Северной перед вступлением на пост президента Европейского Союза. Ирландия, как и большинство других государств, до сих пор не признала Тайвань⁵, признание Ирландии также до сих пор не получила Республика Северного Кипра.

Несмотря на заявления ирландских официальных должностных лиц, которые по вопросам признания время от времени приводили международно-правовые доводы, в целом, можно отметить, что для ирландской практики не характерно давать объяснения и указывать причины относительно того, почему определённые государства не признаются Ирландией⁶. По мнению некоторых учёных, в ирландской практике признания государств в последние десятилетия выработался дополнительный критерий как условие признания — кооперация между государствами-членами ЕС по вопросам внешней политики, что особенно проявилось при распаде Югославии и последующем признании этих новых

¹ 407 Dail Debates Col. 96.

² Foreign Affairs // Press Release. December 31, 1991.

³ 221 Dail Debates Col. 4. February 22, 1966.

⁴ 333 Dail Debates Col. 48. March 25, 1982.

⁵ 315 Dail Debates Col. 2616. July 17, 1979.

⁶ 333 Dail Debates Col 459.

государств¹.

Какой-либо недостаток ясности в отношении практики признания Ирландией в последнее время может быть объяснён практикой ЕС, действующего в единстве в отношении коллективного определения некоторых вопросов, связанных с признанием, прежде всего, государств, например, как это было установлено статьёй 30 Единого Европейского Акта («совместные европейские позиции») и статьёй 5 Маастрихтского договора. Это было особенно явно выражено в отношении распада Советского Союза и появления новых государств, таких, как Украина (позиция Ирландии в отношении признания Украины и развития с ней взаимоотношений была «тесным образом скоординирована с нашими двенадцатью партнёрами»²), Российская Федерация и других членов Содружества Независимых Государств («Правительство распространяет признание тех новых государств, которые предъявили доказательства того, что они готовы выполнять обязательства, содержащиеся в заявлении Европейского Сообщества и его государств-членов 16 декабря»³). Как следствие этого, ирландское посольство было аккредитовано в Российской Федерации, и вопрос установления формальных дипломатических отношений с другими новыми государствами в этом регионе должен был рассматриваться отдельно применительно к каждому конкретному случаю. Так, когда в конце декабря 1991 года бывшее советское посольство в Дублине сменило табличку и флаг, было сообщено, что вверительная грамота, которая была представлена новым послом президенту Ирландии, указывала на него как на посла «Советского Союза и его преемников», и что, хотя другие государства-члены СНГ свободны в установлении своих собственных дипломатических отношений с Ирландией, российское посольство в Дублине будет *de facto* действовать от их имени в течение всего переходного периода⁴.

После этого, 15 января 1992 года, Ирландия объявила о признании Кыргызстана и Таджикистана по согласованию с ЕС вслед за «предоставлением ими заверений, что эти государства способны выполнять требования», закреплённые Европейским Сообществом⁵.

Подобные недвусмысленные, скоординированные с Европейским

¹Warbrick C. Ibid. P. 441.

² 414 Dail Debates Col. 1793. October 6, 1992.

³ Foreign Affairs Press Release of December 24, 1991. К этому списку можно добавить Молдову и Туркменистан: см. Government Statement of January 15, 1992.

⁴ См.: Irish Times // December 25-27, 1991.

⁵ Government Statement of January 15, 1992.

Сообществом, заявления были сделаны ирландским правительством в отношении признания Словении и Хорватии «в свете мнения Арбитражной Комиссии Конференции по Югославии¹ ЕС и последующего обсуждения данного вопроса ирландским правительством с его двенадцатью партнёрами». Как и в случае с государствами-членами СНГ, установление официальных дипломатических отношений Ирландии со Словенией и Хорватией должно было рассматриваться отдельно в каждом конкретном случае, а вопрос признания Боснии-Герцеговины и Македонии должен был «далее обсуждён Европейским Сообществом»². Как следствие такой скоординированной с ЕС политики Ирландии, в тех случаях, когда ни одно из государств-членов Сообщества не признавало какое-либо образование как государство, Ирландия занимала такую же позицию, как например, в отношении Палестины³.

Такая политика ирландского правительства, гармонизированная с коммунитарными властями, неоднократно подвергалась критике внутри страны. М. Хиггинс в отношении признания вновь образованных балтийских государств указал, что для Ирландии было неприемлемо ждать того момента, когда Европейское Сообщество примет решение, а затем принять его как совершившийся факт⁴. Другие силы, например, критиковали правительство за его нежелание проводить независимую внешнюю политику в отношении нового режима в Руанде, так как оно предпочитает отдавать приоритет вырабатываемой единой внешней политике ЕС, и призывали ирландское правительство незамедлительно признать новое правительство Руанды, так как оно контролирует территорию государства и удовлетворяет требованиям международного права, определяющим такое признание⁵.

В некоторых случаях, ограниченное количество дипломатических представительств Ирландии по всему миру (по финансовым и логистическим причинам, а также попросту из-за целесообразности) позволяет ирландскому правительству избегать критических определений в отношении вопросов признания или взаимоотношений с государствами, в которых установились неконституционные режимы. В настоящее время существует более сорока государств, в которых не учреждены ирландские дипломатические представительства. Так, например, в 1973

¹ The Arbitration Commission of the Conference on Yugoslavia.

² Government Statement of January 15, 1992.

³ 388 Dail Debates Col. 2147.

⁴ Irish Times, August 27, 1991.

⁵ Irish Times, July 29, 1994.

году в ответ на вопрос о том, отказалась бы Ирландия признать новый режим в Греции, было указано, что, так как ирландское правительство не установило официальных дипломатических отношений с Грецией, вопрос о признании пока не поднимался¹. Соответственно этому, ирландское правительство не принимает решений о признании правительств государств, с которыми у Ирландии не установлены дипломатические отношения². Подобный ответ был позднее дан и в отношении режима Пиночета в Чили в 1974 году, подчеркнув, что, хотя Ирландия и признала Государство Чили, она не имеет в этой стране дипломатического представительства³. Также в ходе парламентских дебатов в мае 1990 года на вопрос о признании Литвы, представитель правительства дал уклончивый ответ, заявив, что вопрос признания ещё не возникал, так как Ирландия не находится в «прямом контакте» с литовским правительством⁴.

Как и в прошлой британской практике, в официальных ответах в парламенте указывалось, что признание «не означает какого-либо одобрения» признаваемого образования⁵. Необходимо отметить, что в прошлом Ирландия использовала формулу признания де-факто/де-юре, которая имела место в британской практике⁶. Эта терминология была очевидна, например, в исполнительном сертификате, который был выдан ирландским департаментом иностранных дел Верховному суду (но не судье первой инстанции) при рассмотрении знаменитого дела *Zagine*⁷ в 1941 году.

В этом деле корабли, зарегистрированные в Латвии и Эстонии, до присоединения к СССР, ранее независимых государствах, были национализированы СССР и были пришвартованы в ирландских портах. Советский Союз затем затребовал их как своё национализированное имущество. В процессе рассмотрения дела, суд сделал запрос тогдашнему министру иностранных дел о том, «признало ли де-юре или де-факто Ирландия правительство СССР как суверенное и независимое правительство Республик Латвия и Эстония». В официальном ответе было указано,

¹ 266 Dail Debates Col. 1003.

² 232 Dail Debates Col. 863, February 13, 1968.

³ 270 Dail Debates Col. 1140.

⁴ 398 Dail Debates Col. 1184.

⁵ См. напр. заявление в отношении Гвинеи-Биссау: 269 Dail Debates Col.1803.

⁶ См.: FA archives, ref. 355/149, R/23 "Recognition by Ireland of Other States: 1962-1963"; and "Recognition of States" Addendum № 7 to D.C. Circular № 2/63, p. 3 ("The Irish Government decided to accord de jure recognition to Bangladesh on February 8, 1972").

⁷ [1942] IR 148.

что официального признания правительства СССР в этом качестве сделано не было¹. Соответственно, в удовлетворении требований советского правительства ирландским судом было отказано.

Данное дело в деталях проиллюстрировало политику Ирландии в отношении всех трёх прибалтийских государств. В ответ на многочисленные последующие вопросы в парламенте в отношении присоединения этих государств к СССР, официальные ответы повторили сущность указанного решения, в то же время указывая, что ирландское признание СССР само по себе предшествовало этим событиям².

Дело *Zarine* стало единственным делом, рассмотренным ирландскими судами, которое касалось проблемы международного признания. В связи с этим, последствия, вытекающие из факта непризнания, никогда не были полностью изучены ирландской наукой и практикой. Однако, несомненно, ирландская практика придерживалась бы позиций, сформулированным в британских судебных прецедентах.

Архивы демонстрируют элементы небрежности в прошлом в отношении использования Ирландией признания де-юре, учитывая, что в 60-е гг. Ирландия не координировала свою политику признания со своими европейскими партнёрами. Так, в циркуляре «Признание государств» (5 мая 1964 г.) указано:

«Как знают ирландские миссии, признание де-юре до сих не было дано или никогда не было специально предоставлено в отношении множества государств, которые широко признаны западноевропейскими государствами. Некоторые из этих стран недавно вступали в официальные взаимоотношения с Ирландией; в отношении других изначальные причины, которые привели к воздержанию дачи признания, исчезли. В, как минимум, одном случае отказ в признании (в отношении Южного Вьетнама) может стать препятствием для развития торговли. Некоторые из этих стран могут быть уже признанными официальными актами с нашей стороны, обменом поздравительными сообщениями, официальным посещением празднований и т.д. Однако, никаких формальных решений в отношении признания де-юре не было сделано. Соответственно, правительству был направлен запрос в отношении упорядочения существующей позиции»³.

Как следствие переоценки в 60-е годы ситуации с признанием Ирландией

¹ [1942] IR 148.

² 373 Dail Debates 916.

³ FA archive ref. 305/149. DC Circular № 2/63. May 5, 1963. P. 1.

некоторых государств, среди органов внешних сношений Ирландии был распространён список государств, которые до этого были признаны де-факто. Циркуляр указывал, что «следующие государства прежде были признаны только де-факто: Камбоджа, Израиль, Иордания, Южная Корея, Лаос, Ливия, Марокко, Судан, Тунис и Вьетнам». 14 мая 1963 г. ирландское правительство подтвердило признание де-юре всех указанных государств; хотя в случае с Израилем, было указано, что оно «не распространяется на Иерусалим как его столицу». Полное признание Израиля не было дано из-за разногласий относительно будущего святых мест. В тот же день Ирландия также признало де-юре другие 30 государств, так как «не существует достаточных причин для того, чтобы они не получили признание де-юре». Было также указано, что «Камбоджа, Корея, Лаос и Вьетнам не были признаны Ирландией в 1949 году из-за возможности того, что дача полного признания могла иметь неблагоприятные последствия для ирландских миссионеров, работавших на территориях, контролируемых коммунистами в Юго-Восточной Азии; данный фактор перестал быть существенным».

В отношении СССР циркуляр устанавливал: «Белоруссия и Украина обладают индивидуальным членством в ООН, однако, их существование как суверенных государств никогда не было признано Ирландией. Ирландское правительство не должно изменять свою позицию в отношении непризнания этих частей Советского Союза как независимых государств. Необходимо заметить, что признание де-юре было дано в отношении СССР, однако, вхождение в это государство Балтийских стран никогда не было признано Ирландией».

Польша также была специально упомянута в Циркуляре 1963 г. Было указано: «Ирландское правительство никогда не прекращало признание Польского государства, однако, польское правительство в ссылке признавалось как законное правительство Польши. В этом отношении необходимо отметить, что правительство в изгнании перестало поддерживать какое-либо представительство в Дублине». Как следствие этого, Ирландия запоздало решила «предоставить признание де-юре польскому правительству в Варшаве».

В международной практике существует несколько известных примеров, когда некоторые взаимоотношения между государством и соответствующим непризнанным образованием, которые могут быть приняты как наложение признания, как наиболее явные — это установление дипломатических отношений или заключение двустороннего договора между этими сторонами.

Официальные ответы в парламенте демонстрируют, что в прошлом Ирландия могла обратиться к подразумеваемому признанию без какого-либо официального заявления в отношении признания в определённых обстоятельствах. Например, в

1979 г., когда в парламенте был задан вопрос о том, намерена ли Ирландия признавать новый режим в Уганде вслед за свержением при поддержке Танзании режима Амина, было двусмысленно указано, что ирландский министр иностранных дел «передал новому правительству Уганды пожелание ирландского правительства вступить в тесные и дружественные взаимоотношения с целью взаимного сотрудничества»¹. Несомненно, данное утверждение касается возможного признания правительства, а не государственного образования (государственность Уганды уже была к тому моменту признана Ирландией), и оно было сформулировано в то время, когда ирландская практика в этом отношении отражала политику дачи формального признания государствам, а не новым неконституционным правительствам. Однако, данный конкретный ответ не отвечает на вопрос о намерениях ирландского правительства в то время.

Архивы департамента иностранных дел также демонстрируют опасения правительства относительно выданного признания. Например, в 1948 году ирландское правительство в конфиденциальной переписке с швейцарскими властями выразило нежелание комментировать заявку Израиля на вступление во Всемирный почтовый союз в то время, заявив, что «Ирландия ещё не признала Израиль как суверенное государство», поэтому «ирландское правительство не может высказать своё мнение относительно заявки Израиля о присоединении»².

В других случаях, ирландское правительство ясно дало понять, что отдельные действия непризнанных режимов не направлены на получение признания. Так, например, в 1986 году, когда представители так называемой «Турецкой Республики Северного Кипра» — образования, не признанного Ирландией³ — совершили визит в Ирландию, тогдашний министр иностранных дел Ирландии указал, что «ирландское правительство намерено избежать любых суждений относительно того, чтобы такие действия могли считаться автоматическим или подразумеваемым признанием или поддержкой этого образования», отметив, что ни один сотрудник департамента иностранных дел не встретится с членами данной делегации⁴.

Подобно этому, когда в 1984 году было упомянуто в Парламенте, что запланирован визит ирландских парламентариев в ту часть Кипра, которая контролируется Турцией, было отмечено, что «хотя решения народных представителей, действующих в личном качестве, принять приглашения посетить

¹ См. напр.: 314 Dail Debates Col. 438 (May 10, 1979).

² Foreign Affairs archives № 205/35.

³ 370 Dail Debates Col. 770 (November 27, 1986).

⁴ Ibid.

Северный Кипр является их личным делом, правительство, со своей стороны, дало ясно понять о своём неприятии создания независимого государства турками-киприотами»¹.

Проблемы, касающиеся сформулированного признания, также были в прошлом поводом для озабоченности ирландского правительства относительно соотношения принадлежности шести графств Северной Ирландии Великобритании и положений статей 2 и 3 Конституции Ирландии. Например, сразу после окончания Второй мировой войны, тогдашний министр иностранных дел Ирландии Шон МакБрайд (Sean McBride) заявил, что в ответ на предложения о назначении ирландского представителя в Белфаст, «любой подобный контакт не будет ставить под сомнение позицию правительства Ирландии», а наоборот, он приветствует любые контакты между теми, кто де-факто контролирует территорию шести графств, и ирландским правительством, для развития взаимного сотрудничества.

3. Признание Ирландией новых правительств.

Ирландская политика во многом восприняла заявление «Моррисона» британского правительства 1951 г., которое указывало критерии признания правительства: неконституционный режим должен быть эффективным и иметь определённую степень стабильности для получения признания². Однако, необходимо отметить, что государственные архивы Ирландии 50-х и 60-х гг. явно не указывают на такую практику. Например, в 50-е годы было несколько заявлений в парламенте, относящихся к режимам в Алжире, которые явно отсылают к вопросам признания правительств. В 1959 г. было заявлено, что орган исполнительной власти, образованный Национальным освободительным фронтом³, «не осуществлял эффективный контроль в Алжире, а также сам по себе не был образован в результате свободных выборов»⁴. Позднее в 1962 г. было заявлено, что временное правительство Алжира было признано Ирландией⁵. Подобные заявления, прямо выражающие отношение к признанию, могут быть найдены и в начале 70-х гг., как например, в отношении тогдашнего режима в Чили было указано, что «правительство не предпринимало никаких действий, направленных на

¹ 352 Dail Debates Col. 2394.

² Hansard (H.C.) Vol. 485, Col. 2410-2411 (March 21, 1951).

³ National Liberation Front (FLN).

⁴ 174 Dail Debates Col. 1748, May 6, 1959.

⁵ 196 Dail Debates 1777, July 10, 1962.

признание существующего режима»¹.

В 1980 году британская политика признания правительств кардинальным образом изменилась, о чём было официально объявлено в обеих Палатах Парламента². Британия отказывалась от доктрины признания правительств. Исследование ирландских официальных документов демонстрирует, что практика 70-х гг. ясно отражает политику неприменения формального признания правительств, предшествуя изменившейся британской практике на несколько лет. Однако, официального объяснения такой ирландской политике дано не было.

В ответ на вопрос о признании в отношении нового режима в Португалии 16 мая 1974 г.³ было указано: «Практика ирландского правительства заключается в объявлении официальных деклараций о признании государств, но не режимов, которые ими управляют. Вследствие чего, мы не делали никаких официальных заявлений о признании нового правительства Португалии. Однако, мы проинформировали новое правительство, что мы продолжим нормальные дипломатические отношения с ними»⁴. Таким образом, видно, что Ирландия продолжала использовать официальное или подразумеваемое признание.

После этого, также было сделано несколько подобных заявлений для подтверждения того, что Ирландия придерживается политики признания государств, а не правительств (например, в отношении Уганды⁵). Как следствие этого, для Ирландии вопрос «о признании или непризнании определённого правительства обычно не возникает»⁶, и ирландское правительство не будет делать официального заявления о признании нового режима⁷.

Интересно отметить, что отсутствовало официальное объяснение того, что будет применяться взамен этого. В практике Великобритании отмена процедуры признания правительств была заменена концепцией «контактов», которая заключалась в том, что британское правительство вступало во взаимоотношения с неконституционными режимами на обычной межправительственной основе⁸.

¹ 270 Dail Debates 1140, February 20, 1974.

² Hansard (H.C.) Vol 984, Col. 277.

³ 272 Dail Debates Col. 1689.

⁴ Ibid.

⁵ 314 Dail Debates Col. 438, May 10, 1979.

⁶ 315 Dail Debates Col. 2616, July 17, 1979.

⁷ 272 Dail Debates Col. 1689.

⁸ 985 Dail Debates Col. 385.

В разъяснениях, которые были в последующем направлены в британские суды, упоминание термина «признание» было старательно опущено, и наоборот, как в случае с делом Республики Сомали¹, упоминалось лишь о продолжении «контактов» британского правительства и нового режима.

Ирландия применила «подразумеваемое признание» режима в случае с неконституционными правительствами сходным образом, как и Британия. Установление полноценных дипломатических отношений с новым режимом может рассматриваться как один из традиционных признаков такого подразумеваемого признания. Об этом можно судить из отдельных заявлений, например, в 1979 г. в отношении правительства Пол Пота в Кампучии. В ходе дебатов в Парламенте было заявлено, что «Ирландия признает государства, а не правительства и признает государство Камбоджу. Что касается режима Пол Пота, то у нас не было никаких дипломатических отношений или любых иных взаимоотношений»².

Политика Ирландии в отношении признания правительств развивалась в сходном русле, что и политика Великобритании, но более неопределённо, так как, в отличие от Великобритании, Ирландия никогда не имела дипломатических представительств во многих странах мира, где иногда возникали острые проблемы в отношении признания правительств, как например в своё время, в Чили или Греции.

В заявлении в британском парламенте в 1980 году было указано, что: «Мы будем продолжать принимать решения относительно природы наших взаимоотношений с режимами, которые пришли к власти неконституционным путём, в свете нашей оценки того, способны ли они самостоятельно выполнять эффективный контроль над территорией соответствующего государства и, скорее всего, будут способны продолжать это делать»³.

Однако, с 1980 года, Великобритания, как и многие другие государства (особенно англо-саксонской правовой семьи) следуют практике признания государств, а не правительств. Соответственно, статус нового революционного правительства будет оцениваться с позиции «взаимоотношений» Великобритании с ним. Этот подход, однако, не изменяет основного критерия, заявленного ранее в 1951 году, о том, что государство не обязано признавать новое правительство и не связано уже заявленным признанием де-факто или де-юре⁴.

¹ [1992] 3 W.L.R. 744.

² Dáil Eireann Debate Vol. 316 №13, 21 November 1979.

³ Hansard (H.L.) Vol. 408, Col. 1122 (April 28, 1980).

⁴ Verma S.K. An Introduction to Public International Law. PHI Learning Pvt. Ltd., 1998. P. 101.

Из материалов ирландского парламента не совсем ясно, соответствуют ли ирландская практика указанным критериям, однако, складывается впечатление, что критерии ирландского правительства для признания правительств очень схожи, если не идентичные тем, которые применялись в Соединённом Королевстве. Например, в ситуации с Камбоджей, когда правительство Пол Пота было свергнуто в том числе с помощью сил из Вьетнама. В результате этого, к власти пришёл новый режим Хенга Самрина, который, в свете вышеупомянутых критериев, сам по себе не был «эффективным». Так, когда в 1987 году на вопрос о признании Ирландией легитимности правительства Хенга Самрина в Кампучии, был дан официальный ответ в парламенте: «Ирландия верит, что правительство Хенга Самрина не может легитимно заявлять о представительстве камбоджийского народа, потому что оно было установлено в результате военной интервенции внешних сил»¹.

Тем самым, можно заключить, что Ирландия не выработала чётких критериев для оценки статуса нового правительственного режима, применяя политическую оценку дискреционного характера.

4. Непризнание Ирландией незаконных ситуаций.

В последние годы существования Лиги Наций (в рамках которой возникла и получила распространение доктрина, родственная доктрине «Стимсона» о непризнании незаконного захвата территории с применением силы²) Ирландия заняла совершенно ясную позицию в отказе признать присоединение к Советскому Союзу трёх прибалтийских государств (Латвии, Литвы и Эстонии) ни де-факто, ни де-юре. Такая политика была подтверждена одним единственным делом, которое когда-либо возникало в ирландских судах и затрагивало бы проблему международного признания, — делом *Zarine* 1942 года³.

Однако, в случае с захватом Италией Эфиопии в конце 30-х гг. XX в., Ирландия применила другой подход, который в то время использовало большинство других стран Западной Европы, включая Великобританию. Рамон де Валера в ирландском парламенте заявил в ответ на вопрос о том, почему Ирландия направила своего посланника в Италию после итальянской аннексии Эфиопии: «Признание де-факто совершённого акта является единственной целесообразной

¹ 376 Dail Debates Col. 1038 (December 8, 1987).

² Harris D.J. Cases and Materials on International Law. London: Sweet & Maxwell, 1991. P. 201-202.

³ [1942] IR 148.

линией поведения для всех государств»¹.

С наступлением эпохи ООН, позиция в отношении таких территориальных изменений по международному праву стала более ясной с установлением положения о запрете использования силы или угрозы силой в соответствии со ст. 2(4) Устава ООН, которое конкретизируется другими резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН, например, Декларацией о принципах международного права 1970 г.

Таким образом, Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности в последнее время вовлекают себя в процесс объявления определённых ситуаций несоответствующими нормам международного права (будь то в связи с незаконным применением силы, либо нарушением прав человека). Призыв ООН к государствам не признавать незаконные ситуации, если он поддержан решением Совета Безопасности ООН в соответствии со статьёй 35 Устава, то соответствующий коллективный акт непризнания может рассматриваться как один из видов санкций. В частности, в международно-правовой доктрине указывается, что «обязанность непризнания может ассоциироваться с мерами, рекомендованными или предписанными органом ООН как форма санкции меры принуждения против правонарушителя»².

Так, например, несколько резолюций Совета Безопасности ООН охарактеризовали режим Смита в бывшей Республике Родезия как «незаконный» с соответствующей обязанностью не признавать его³. Также, например, в отношении захвата территории Кувейта Ираком, в соответствии с Резолюцией Совета Безопасности 1991 г., был обнародован призыв государствам не признавать эту аннексию⁴.

Ирландия неукоснительно следовала этим требованиям. Например, как было заявлено в парламенте 17 июля 1979 года: «В соответствии с решениями Совета Безопасности, ирландское правительство не признаёт режим Смита в Родезии»⁵. Подобно этому, Ирландия приветствовала Мнение Международного суда ООН о статусе Намибии в 1971 г., в той части, что Южно-Африканская Республика была

¹ 101 Dail Debates Col. 2450.

² Brownlie I. Principles of Public International Law. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 101.

³ Резолюции СБ ООН 217 (1965) и 232 (1966).

⁴ Резолюция СБ ООН 662 (1991).

⁵ 315 Dail Debates Col. 2617.

обязана немедленно вывести войска из этого государства¹, тем самым, восприняв наложенную обязанность не признавать присутствие ЮАР в Намибии.

В отношении ситуаций, связанных с применением силы и осуждаемых Советом Безопасности как незаконные и не признаваемые, то можно привести два случая: создание так называемого «Турецкого Федеративного Государства Кипр» (позднее в 1983 г. переименованного в «Турецкую Республику Северного Кипра») и вопрос определения статуса некоторых арабских территорий на Ближнем Востоке, взятых под контроль Израилем после войны 1967 г.

В первом случае, 15 ноября 1983 года было обнародовано официальное заявление следующего содержания: «Правительство Ирландии глубоко обеспокоено односторонней декларацией независимости самопровозглашённого Турецкого Федеративного Государства Кипр. Правительство отвергает этот акт, который противоречит последующим резолюциям ООН. Правительство подтверждает свою приверженность суверенитету, независимости, территориальной целостности и единству Республики Кипр»². Данное заявление было сделано за день до того, как Ирландия присоединилась к другим государствам-членам ЕС в совместной декларации, осуждающей провозглашение Турецкого Федеративного Государства Кипр.

В отношении ситуации с Израилем в 1968 г. в официальном заявлении ирландского правительства было указано: «Никакое государство не имеет права аннексировать своих соседей»³. Также было указано уже в 1989 г. министром иностранных дел Ирландии О'Кеннеди, что «Ирландия поддерживает резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №2253 и 2254 от 4 и 14 июля 1967 г. соответственно, которые характеризуют все меры, принятые для изменения статуса Иерусалима, как несоответствующие правовым нормам, и призывает Израиль отказаться от них и воздержаться от подобных действий в будущем»⁴.

На современном этапе, в первые дни после обретения независимости Литвой в 1990 г., когда в ирландском парламенте был задан вопрос о том, признало ли ирландское правительство де-юре или де-факто существующее правительство Литвы, то официальный ответ был: «Ирландия не имеет прямого контакта с

¹ ICJ (1971) Rep. 16 at 54, 56.

² 346 Dail Debates Col. 2139.

³ 236 Dail Debates Col. 464 (June 5, 1968).

⁴ 388 Dail Debates Col. 1844.

Вильнюсом». Отсюда можно было сделать вывод, что в данной ситуации было необходимо вновь признать существование Литвы как независимого государства. В поддержку данного вывода говорит официальное заявление, сделанное в 1991 году, в котором указывалось, что «Ирландия никогда не признавала аннексию прибалтийских государств. Однако, признание этих стран как независимых суверенных государств является отдельным вопросом. Ни одна из этих республик не обладала тем уровнем контроля над своими внутренними делами или возможностью осуществлять свои независимые международные отношения, которые являются общепризнанными признаками, которые необходимы для международного признания в качестве суверенного независимого государства»¹. Неудивительно, что такое заявление получило быстрый отклик в парламенте о том, что, следовательно, в соответствии с международным правом, необходимо «продолжать» признавать эти три образования². Тем самым, когда Ирландия объявила о своём признании этих прибалтийских государств, была использована фраза «восстановление суверенитета» из заявления ЕС, что подтвердило восстановление положения, существовавшего ранее (*status quo ante*).

В качестве ещё одного примера можно привести включение Тибета в состав КНР. Следует отметить, что данная ситуация никогда не была предметом разбирательства в ООН. В 1991 году в ирландском парламенте был задан вопрос о том, признало ли ирландское правительство Тибет как независимое государство или же как составную часть Китая. Официальный ответ был следующим: «В 1979 году, когда Ирландия установила дипломатические отношения с КНР, ирландское правительство признало КНР как единственное законное правительство Китая. Дипломатические отношения осуществляются с Китаем на этой основе. В то же время, Тибет был признан на международном уровне как часть КНР. Данное положение остаётся неизменным. Вопрос о признании Тибета как независимого и суверенного государства не возникал»³.

В заключение можно сделать следующие выводы:

Целесообразно указать на длительную историю существования института признания. Даже если признание в стародавние времена и не было оформлено в виде правового института, тем не менее, следует признать невозможность

¹ 407 Dail Debates Col. 96 (April 17, 1991).

² Ibid.

³ 407 Dail Debates 137.

нормальных международных отношений государств, которые не признают друг друга. Рассматривая и оценивая это явление на разных исторических этапах, можно утверждать, что признание формально всегда предшествовало началу полноценных международно-правовых отношений. Но настоящее становление признания как международно-правового института стоит связывать с появлением суверенного государства и развитием международного права, что позволило использовать признание как формально-юридическое средство влияния на межгосударственные отношения. Так как вновь образованные государства без признания своего статуса международным сообществом не в состоянии полноценно участвовать в международных отношениях.

Институт признания был и остается слишком политизированным, что существенно мешает его кодификации. Этот факт делает международно-правовое признание чрезвычайно сложным для понимания и приводит к неоднозначной практике использования этого института странами мира. Признание нового государства является, во многом, политическим актом и не регламентируется международным правом. Однако это не означает, что такая регламентация не является необходимой. В настоящее время признание сочетает в себе два акта — политический и юридический. Первый заключается в одобрении или неодобрении новообразованного государства, правительства, национально-освободительного движения. Касательно признания как юридического акта, то он заключается в установлении определенных правоотношений, которые регулирует международное право.

И конститутивная, и декларативная теории признания имеют свои сильные и слабые стороны. Тем не менее, обозначенная противоречивость практики признания государств, его зависимость от интересов и выгоды признающих государств, теоретическая сущность правосубъектности государств и института международно-правового признания указывает на его рациональный характер или на рациональную теорию признания.

В целом, ирландская государственная практика, как и многие другие западные державы, придерживается рационального принципа признания государств. Кроме того, Ирландия до сих пор придерживается мнения о необходимости формального признания государственности, что обычно достигается с помощью прямого выражения этого. Однако, признание тех или иных государств ирландским правительством в большинстве случаев зависело от конкретных временных условий и не имеет логической связи между собой, иллюстрируя разовую целесообразность и

выгоду для государства, будучи обусловленными учётом национальных интересов Ирландии. Главными критериями для признания правительств в практике Ирландии являются их эффективность и признаки стабильности. Проведенный анализ показывает, что зачастую практика признания Ирландией во многом перекликается и ориентируется на таковую в Великобритании.

Послесловие

Трансформация роли, которую играют государства в международных отношениях в контексте членства в Европейском союзе предопределяет необходимость основательного анализа современного состояния государственного развития и перспектив дальнейшего сохранения роли государства на мировой арене.

Государства сегодня взаимодействуют не только друг с другом, но и со всё возрастающим количеством международных организаций, различных межгосударственных образований и иных субъектов. При этом связи становятся все более тесными, субъекты международных отношений становятся все более взаимозависимыми как в финансово-экономических отношениях, так и в других сферах. Поэтому обращение к теме международной правосубъектности государств представляется актуальным и своевременным.

В настоящей работе была исследована международно-правовая категория «правосубъектности государств», её сущностные характеристики и черты. Международная правосубъектность государств носит бесспорный характер, государство является исторически первым и основным субъектом международного права. Само международное право создано государствами. То, как они реализуют свою правосубъектность, как пользуются присущими им правами и исполняют обязанности, и составляет ядро настоящего исследования.

Так как государство является главным субъектом международного права, это означает, что оно является главным международным актором; все остальные субъекты международного права только получают свои права и обязанности от власти государств. Даже физические лица, в настоящее время признаваемые некоторыми в качестве субъектов международного права через инструменты по защите основных прав и свобод, получают свой статус из рук государств и только с их согласия.

Каждое государство, как субъект международного права, обладает отличительными, присущими только ему чертами и особенностями. С точки зрения международной правосубъектности, государство рассматривается как совокупность трех элементов — населения, территории и суверенной власти. Государства являются суверенными, то есть обладают верховенством власти в пределах собственных границ и самостоятельностью в международных отношениях. В настоящей монографии рассмотрены данные элементы, которые составляют структуру международной правосубъектности государств, они проанализированы сквозь

призму и на примере Ирландии. При этом, исследование её правосубъектности проведено в исторической ретроспективе — с момента образования ирландского государства по настоящее время.

Ирландия, по нашему мнению, является удачным примером для иллюстрации очень многих международно-правовых вопросов, связанных с международной правосубъектностью государств в условиях членства в ЕС: создания государства, его правового оформления, формирования его территории и территориальных споров и притязаний, в связи с этим, проблемных вопросов гражданства, вопросов международно-правового признания как самого государства, так и собственной практики признания других государств, суверенитета и его трансформаций под влиянием современных тенденций глобализации и региональной интеграции, вопросов нейтралитета и др.

В полном соответствии с современными условиями и тенденциями, Ирландия активно содействует укреплению международного мира и безопасности, развивает отношения с другими государствами и принимает участие в деятельности международных организаций, в особенности, Европейского союза. Республика признает действующие общепризнанные нормы международного права, выполняет все концептуальные положения, следует им в вопросах внешних сношений и межгосударственных отношений и связей. Государственные интересы Ирландии, как и любой современной страны, заключаются в реализации стратегических, политических, экономических, правовых и идеологических целей, непосредственно связанных с функционированием Европейского союза. При этом суверенитет, гарантирующий суверенное развитие, и нейтралитет — обязательные условия существования Ирландии как государства, которые обеспечивают ей вхождение в мировое сообщество и важную роль в Европейском Союзе.

Библиографический список.

а) на русском языке:

1. Алексеев Н.Н. Идея государства. Очерки по истории политической мысли. Нью-Йорк, 1955.
2. Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М.: Спарк, 2002.
3. Бабурин С. Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М., 1997.
4. Бекашев К.А, Ануфриева Л.П., Устинов В.В. Международное публичное право. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.
5. Бирюков П.Н. Международное право: учебник. М.: Юристъ, 2013.
6. Бирюков П.Н. Международное право в 2 Т. Сер. 58 Бакалавр. Академический курс (8-е изд., пер. и доп). М.: Юристъ, 2016.
7. Блюнчли И. К. Общее государственное право. СПб, 1885.
8. Боден Ж. Шесть трактатов о республике // История политических и правовых учений. М.: Наука, 1995.
9. Боярс Ю.Р Вопросы гражданства в международном праве. М.: Международные отношения, 1986.
10. Броунли Я. Международное право : в двух книгах. Книга первая. М.: Прогресс, 1977.
11. В поисках равновесия. Мирный процесс в Северной Ирландии // Accord. Conciliation Resources. 1999. № 8. С. 23.
12. Валуев А. В. Проблема национализма в современной национальной политики Великобритании // Клио. 2004. № 2. С. 81-84.
13. Гаврилов В.В. Международное право в эпоху глобализации: некоторые понятийные и содержательные характеристики // МЖМП. 2002. № 3. С. 179-196.
14. Галушко Д.В. Правовые и институциональные основы взаимодействия Европейского Союза и Ирландии. Воронеж, 2007.
15. Галушко Д.В. Теоретические подходы к пониманию региональной интеграции // Юридические записки. 2013. № 3 (26). С. 43-46.
16. Галушко Д.В. Принцип суверенного равенства государств в процессах региональной интеграции // Признание права и принцип формального

- равенства: Сборник трудов международной научной конференции. ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», 2015. С. 435-443.
17. Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Пер. с нем., англ., фр.; Сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб.: Издательский дом «Алеф-пресс», 2015.
18. Гасымов Ф. Р. Признание государств и правительств: Современная международно-правовая теория и практика : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.10. - Международное право; Европейское право. Казань, 2005.
19. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 2001.
20. Грабарь, В. Э. Римское право в истории международно-правовых учений. Элементы международного права в трудах легистов XII-XIV веков. Юрьев: Тип. К. Маттиссена, 1901.
21. Гражданство и безгражданство. Руководство для парламентариев. Женева, 2014.
22. Грачев Н.И. Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества: монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2009.
23. Джакели Л. Т. Правосубъектность в теории и практике современного международного публичного права: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.10. - Международное право; Европейское право. М., 2002.
24. Дорская А.А. Учение Ганса Кельзена и развитие международного права // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2014. № 4 (25). С. 4-8.
25. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека : учебник / под общ. ред. Л. М. Энтина. М.: Норма, 2008.
26. Ильяшевич М.В., Хахина А.А. К вопросу о международно-правовом признании государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. М: РУДН, 2014, №1. С. 236-244.
27. История политических и правовых учений: учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: НОРМА, 2004.
28. Каламкарян Р.А. Международное право: учебник. М.: Эксмо, 2005.

29. Калинина Э.А. Современное международное право и глобальный порядок: есть ли надежда или все уже предрешиено? // Актуальные вопросы юридических наук: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, ноябрь 2012 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2012. С. 105-112.
30. Капустин А.Я. Международное право и вызовы XXI века // Журнал российского права. 2014. №7. С. 5-19.
31. Капустин А.Я. Международное право, суверенитет и надгосударственность в современных международных отношениях // Закон. 2015. № 5. С. 38-47.
32. Капустин А.Я. Международное право в условиях трансформации современного миропорядка // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 5. С. 850-857.
33. Клименко Б. М. Государственная территория. Вопросы теории и практика международного права. М.: Международные отношения, 1974.
34. Конституция Российской Федерации: комментарий / под общ. ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. М., 1994.
35. Крылов Н.Б. Правотворческая деятельность международных организаций. М.: Наука, 1988.
36. Курдюков Г. И. Государства в системе международно-правового регулирования. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979.
37. Курс международного права: в 6 т. Т. 2. М.: Наука, 1967.
38. Левин И.Д. Суверенитет. М.: Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948.
39. Левин И. Д. Суверенитет. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
40. Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Рига, 1923.
41. Лукашук И. И. Международное право. М.: Изд-во БЕК, 1997.
42. Лукашук И.И. Международное право. М.: Спарк, 1999.
43. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. М. : Спарк, 2000.
44. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2005.
45. Мамедов У. Ю. оглы. Международная правосубъектность (Основные тенденции развития): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.10. - Международное право; Европейское право. Казань, 2002.

46. Маргиев В.И. Эволюции теории и практики международной правосубъектности // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. №4.
47. Марченко М.Н. Государственный суверенитет // Правоведение. 2003. № 1. С. 186-197.
48. Международное право в систематическом изложении: Перевод с 6-го немецкого издания / Лист Ф., проф. Берлин. ун-та; Под ред., с предисл. и доп.: В.Э. Грабарь, проф. 4-е рус. изд., испр., и доп. Юрьев (Дерпт): Тип. К. Маттисена, 1917.
49. Международное право: учебник / Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова; отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Международные отношения, 2001.
50. Международное право: учебник / В.И. Кузнецов; отв. ред. В.И. Кузнецов. М.: Юристъ. 2001.
51. Международное право: учебник / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М.: Норма, 2005.
52. Международное право : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М.: Издательство «Омега-Л», 2011.
53. Механизмы общественного участия и многоканальной дипломатии в мирных процессах: уроки из Северной Ирландии. International Alert, 2014.
54. Микульшин А.И. Международное право. М.: Международные отношения, 2005.
55. Моджорян Л.А. Понятие суверенитета в международном праве // Сов. государство и право. 1955. № 1. С. 68-76.
56. Моисеев А.А. Суверенитет государства в современном мире. Международно-правовые аспекты. М.: Научная книга, 2006.
57. Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2007.
58. Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве: учебное пособие. М.: Восток-Запад, 2009.
59. Оппенгейм Л. Международное право. Том I. Мир. Полутом I. / Л. Оппенгейм. М. : Государственное изд-во иностр. лит-ры, 1948.

60. Орлова М. Е. Северная Ирландия: опыт преобразований в расколотом обществе / РАН, Ин-т сравнительной политологии проблем рабочего движения. М.: Наука, 1994.
61. Павлов С.Ю. Государственная территория: понятие и сущность // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 3. С. 604-607.
62. Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и её правовое значение // Временник демидовского Юрьевского лицея. 1904. Кн. 89. С. 1-76.
63. Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика : [курс лекций, прочитанных в 1991-1998 гг. в Дипломатической академии МИД РФ]. М.: Научная книга, 2000. Ч. 1.
64. Право Европейского Союза : учебник для вузов / под ред. С. Ю. Кашкина. М. : Юристъ, 2009.
65. Современное международное право : глобализация и интеграция : LIBER AMICORUM в честь профессора П.Н. Бирюкова : сборник научных статей / отв. ред. А. Я. Капустин ; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016.
66. Солнцев А.М. Мирное разрешение международных экологических споров: теория и практика // Актуальные проблемы современного международного права: материалы межвузовской научно-практической конференции. М., 17.04.2006 / под ред. А.Я. Капустина, А.Х. Абашидзе. М, РУДН, 2006. С. 274-287.
67. Солнцев А.М. Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.10. - Международное право; Европейское право. М., 2008.
68. Субъекты современного международного права : монография / О.И. Тиунов, В.Р. Авхадеев, С.Б. Бальхаева [и др.] ; отв. ред. О.И. Тиунов. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2017.
69. Суверенитет в государственном и международном праве. «Круглый стол» // Советское государство и право. 1991. № 5. С.3-28.
70. Тиунов О.И. Нейтралитет в международном праве. Пермь, 1968.
71. Тиунов С.И. Международное гуманитарное право. М., 1998.

72. Тиунов О.И. Суверенное равенство государств в системе основных принципов международного права // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 5-22.
73. Тихомиров Ю.А. Глобализация: Взаимовлияние внутреннего и международного права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 3-12.
74. Толстых В. Курс международного права. М. : Волтерс Клувер, 2010.
75. Трайнин И. П. Проблема суверенитета в советской федерации. Л.: АН СССР, 1947.
76. Умеренко Ю.А. Международно-правовой статус нейтралитета и внутригосударственное право // ЕврАзЮж. № 10 (41). 2011.
77. Устрялов Н.В. Элементы государства // Вестник Китайского Права, Выпуск 2. Харбин, 1931. С. 1-26.
78. Ушаков, Н. А. Суверенитет в современном международном праве. М., 1963.
79. Ушаков Н. А. Проблемы теории международного права. М.: Наука, 1988.
80. Ушаков Н. А. Международное право: основные термины и понятия. Учебное пособие. М.: ИГП РАН, 1996.
81. Ушаков Н.А. Международное право. М.: Юристъ, 2005.
82. Фельдман Д.И., Курдюков Г.И. Основные тенденции развития международной правосубъектности. Казань: Издательство Казанского университета, 1974.
83. Черниченко С.В. Международно-правовые вопросы гражданства. М.: Международные отношения, 1968.
84. Черниченко, С. В. Теория международного права : в 2 т. Т. 2 : Старые и новые теоретические проблемы. М.: Изд-во «НИМП», 1999.
85. Черниченко С.В. Делим ли государственный суверенитет? // Евразийский юридический журнал. 2010. № 12. С. 25-31.
86. Шахназаров О.Л. Ирландия: нерешенные проблемы. М.: Знание, 1986.
87. Шумилов В.М. Международное право: Учебник для бакалавриата. М.: Междунар. Отношения, 2012.
88. Энтин М.Л., Энтин Л.М. Международное право и новые вызовы // Международная жизнь. 2003. № 12. С. 32-44.

б) на иностранных языках:

1. Aleinikoff T., Klusmeyer D. Citizenship today: global perspectives and practices. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2001.
2. Anderson B., Hughes V. Citizenship and Its Others. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
3. Ball A.M. Multiple Nationality And International Law. Martinus Nijhoff Publishers, 2007.
4. Barston R. P. Modern Diplomacy. Madison: Taylor and Francis, 2014.
5. Bartelson J. The Concept of Sovereignty Revisited // The European Journal of International Law. 2006. Vol. 17, No. 2. P. 463-474.
6. Bartlett T. Ireland: A History. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
7. Basic Concepts of Public International Law: Monism & Dualism. Eds. Novaković M., Kreća M. Belgrade: Faculty of Law, University of Belgrade, Institute of Comparative Law, Institute of International Politics and Economics, 2013.
8. Beaulac S. The Power of Language In the Making of International Law: the Word Sovereignty In Bodin and Vattel and the Myth of Westphalia. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2004.
9. Biehler G. International Law in Practice: An Irish Perspective. Dublin: Thomson Round Hall, 2005.
10. Boas G. Public International Law: Contemporary Principles and Perspectives. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2012.
11. Bogdanov V. Western Europe // Referendums around the world: the growing use of direct democracy. Ed. by D. Butler, A. Ranney. AEI Press, 1994.
12. Bolewski W. Diplomacy and International Law in Globalized Relations. Berlin: Springer-Verlag, 2007.
13. Brownlie I. Principles of Public International Law. Oxford: Oxford University Press, 2003.
14. Brubaker R. Citizenship and nationhood in France and Germany. Harvard: Harvard University Press, 2002.
15. Brusker R. Citizenship struggles in Soviet successor states // International migration review. № 26. 1992. P. 269-291.
16. Carty A. Philosophy of International Law. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.
17. Cassese A. International Law in a Divided World. Oxford, 1986.
18. Cassese A. International Law. Oxford: Oxford University Press, 2001.
19. Cassese A. International Law. Oxford, 2005.

20. Clapham A., Gaeta P. *The Oxford Handbook of International Law in Armed Conflict*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
21. Connolly S. J. *Divided Kingdom: Ireland 1630-1800 (Oxford History of Early Modern Europe)*. Oxford University Press, 2008.
22. Constitution Review Group. «Articles IV: Name of State». Report of the Constitution Review Group. Dublin: Stationery Office, 1996.
23. Cottrell P. *The War for Ireland 1913-1923*. Dublin: Osprey Publishing, 2009.
24. Coughlan A. *Ireland / Eds. D. Seers, C. Vaitsos Integration and unequal development*. London, 1980.
25. Crawford J. The criteria for statehood in International law // *British Yearbook of International Law*. 1976. No 48 (1). P. 93-182.
26. Crawford J. *The Creation of States in International Law*. Oxford, 2006.
27. Cronin A.K. *How Terrorism Ends: Understanding the Decline and Demise of Terrorist Campaigns*. Princeton: Princeton University Press, 2009.
28. Culliton-Gonzalez K. Born in the Americas: Birthright Citizenship and Human Rights // *Harvard Human Rights Law Journal*. 2012. Vol. 25 Iss. 1. P. 127-182.
29. Daly M. Irish nationality and citizenship since 1922 // *Irish historical studies*. 32 (127). 2001. P. 377-407.
30. De Breadun D. *The Far Side of Revenge: Making Peace in Northern Ireland*. Cork: Collins Press, 2001.
31. Delanty G. *The cosmopolitan imagination: the renewal of critical social theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
32. Dermot S. Adapting the Machinery of Central Government // *Ireland and European Communities: Ten Years of Membership*. Dublin: Gill & Macmillan, 1983. P. 68-88.
33. Desmond B. *Reflections on the EEC Referendum, 1972*. Dublin: University College Dublin, 2001.
34. Devine K. Irish Political Parties' Attitudes towards Neutrality and the Evolution of the EU's Foreign, Security and Defence Policies // *Irish Political Studies*. Vol. 24. № 4. P. 467-490.
35. Dickson B. *Law in Northern Ireland*. London: Bloomsbury Publishing, 2014.
36. Dixon P. *Northern Ireland: The Politics of War and Peace*. London: Palgrave Macmillan, 2001.
37. *Documents on Irish Foreign Policy*. Vol. IV. 1932-1936. Dublin, 2004.

38. Dooney S., O'Toole J. Irish Government Today. Dublin: Gill & Macmillan, 1998.
39. Dugald J. Recognition and the United Nations. Leiden: Grotius Publications, 1987.
40. Duncan W. The divorce referendum in the Republic of Ireland: resisting the tide // International Journal of Law and the Family. No. 62. 1988. P. 62-75.
41. Elliot M. The Long Road to Peace in Northern Ireland. Liverpool: Liverpool University Press, 2007.
42. Europeanisation and New Patterns of Governance in Ireland / Ed. N. Rees, B. Quinn, B. Connaughton. Oxford: Oxford University Press, 2010.
43. Fanning R. Irish Neutrality: An Historical Review // Irish Studies in International Affairs, 1982. P. 27-38.
44. Farrell B. A Note on the Dail Constitution, 1919 // Irish Jurist. 1969. № IV. P. 127-138.
45. Fitzgerald G. The Origins, Development and Present Status of Irish „Neutrality" // Irish Studies in International Affairs. 1998. Vol. 9. P. 11-19.
46. Fowler B. Fuzzing citizenship, nationalizing political space: a framework for interpreting the Hungarian 'status law' as a new form of kin-state policy in Central-Eastern Europe // ESRC «One Europe or Several?» Programme, Working Paper 40/02. Brighton: Sussex European Institute, University of Sussex, 2002. P. 177-238.
47. Foundations of an Ever Closer Union: An Irish Perspective on the Fifty Years Since the Treaty of Rome / Ed. M. Callanan. Dublin: Institute of Public Administration, 2007.
48. Foy M.T., Barton B. The Easter Rising. Dublin: The History Press, 2011.
49. Fry P., Somerset Fry F. A History of Ireland. London: Routledge, 1991.
50. Galushko D.V. State sovereignty and human rights protection in contemporary International law // Человек в глобальном мире : материалы Международной научной конференции (Воронеж, 18–20 мая 2015 г.). Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2015. P. 34-38.
51. Grotius H. The Law of War and Peace (1625). URL: <http://www.lonang.com/library/reference/grotius-law-war-and-peace/> (дата обращения: 01.04.2022 г.).
52. Gallagher M., Laver M., Mair P. Representative Government in Modern Europe. Boston: McGraw Hill, 2001.

53. Hamilton K., Langhorne R. *The Practice of Diplomacy: Its Evolution, Theory, and Administration*. London: Taylor & Francis, 2011.
54. Harris D.J. *Cases and Materials on International Law*. London: Sweet & Maxwell, 1991.
55. Hart H.L.A. *The Concept of Law*. Oxford: Clarendon Press, 1994.
56. Hathaway O.A. *International Delegation and State Sovereignty*. URL: <http://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1455&context=lcp> (дата обращения: 01.04.2022 г.).
57. Hayes-McCoy G. A. *Irish Battles: A Military History of Ireland*. Longmans, Green and Co. Ltd, 1969. URL: <http://www.ebooksdownloadfree.com/History-Military/Irish-Battles-A-Military-History-of-Ireland-BI1222.html> (дата обращения: 01.04.2022 г.).
58. Hayward K. "If at first you don't succeed...": the second referendum on the Treaty of Nice, 2002/ *Irish Political studies*. Dublin, 2003.
59. Heater D. *What is citizenship?* Cambridge: Polity Press, 1999.
60. Heater D. *Citizenship in Britain: a history*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2006.
61. Henkin L., Pugh R., Schachter O., Smit H. *International Law: Cases and Materials*. St Paul, 1993.
62. Herzog B. *Revoking Citizenship: Expatriation in America from the Colonial Era to the War on Terror*. NY: New York University Press, 2015.
63. Higgins R. *Problems and Process*. Oxford, 1994.
64. Higgins R. *Problems and Process: International Law and How We Use It*. Oxford: Clarendon Press, 1994.
65. Hill C. *Foreign Policy in the Twenty-First Century*. London: Palgrave, 2016.
66. Hodson H.V. *Eire and the British Commonwealth*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ireland/1938-04-01/eire-and-british-commonwealth> (дата обращения: 01.04.2022 г.).
67. Hogan G. W., Whyte G.F. *JM Kelly: The Irish Constitution*. Dublin: Lexis Nexis Butterworths, 2003.
68. Holsti K.J. *Taming the Sovereigns: Institutional Change in International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
69. *International Law: Achievements and Prospects* / Ed. M. Bedjaoui. Paris, 1991.

70. Ireland on the World Stage / Ed. W. Crotty, D.E. Schmitt. London: Routledge, 2013.
71. Jackson T.A. Ireland Her Own. London: Lawrence & Wishart, 1990.
72. Jennings R., Watts A. Oppenheim's International Law. London: Longman, 1992.
73. Kaczorowska-Ireland A. Public International Law. Fifth Edition. London: Routledge, 2015.
74. Kaputt W.H. The Anglo-Irish War, 1916-1921: A People's War. London: Greenwood Publishing Group, 1999.
75. Keatinge P. Ireland and EC membership evaluated. London, 1991.
76. Keating G. The History of Ireland. – Ex-classics Project – 2009 // CELT: The Corpus of Electronic Texts. URL: <http://www.exclassics.com/ceitinn/foras.pdf> (дата обращения: 01.04.2022 г.).
77. Keenan D. Ireland Within The Union 1800-1921. Xlibris Corporation, 2008.
78. Kelley R., Tuck S. The Other Special Relationship: Race, Rights, and Riots in Britain and the United States. New York: Palgrave Macmillan, 2015.
79. Kelly J.M. Hidden Treasure and the Irish Constitution // Dublin University Law Journal. 1988. No 10. P. 5-23.
80. Kelly J.M. The Irish constitution. Dublin: Butterworths, 1994.
81. Kelsen H. Allgemeine Staatslehre. Berlin: Springer, 1925.
82. Kenny K. Ireland and the British Empire (Oxford History of the British Empire Companion Series). Oxford University Press, USA, 2006.
83. Keohane R. Ironies of Sovereignty: The European Union and the United States // JSMC. 2002. Vol. 40, No. 4. P. 743-765.
84. Klabbers J. An Introduction to International Organizations Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
85. Kohn L. The constitution of the Irish Free State. London: George Allen and Unwin, 1932.
86. Koslowski R. Challenges of International Cooperation in a World of Increasing Dual Nationality. URL: http://www.albany.edu/~rk289758/documents/Koslowski_IntlCooperation_Dual_Nationality.pdf (дата обращения: 01.04.2022 г.).
87. Lauterpacht H. Recognition in International law. Cambridge: Cambridge University Press, 1947.
88. Lauterpacht H. International Law: Collected Papers. Cambridge, 1975.

89. Lauterpacht H. *The Subjects of the Law of Nations* // Lauterpacht E. (ed.), *International Law: the Collected Papers of Hersch Lauterpacht*. Cambridge: University Press, 1975.
90. Laver M., Shepsle K. *Cabinet Ministers and Parliamentary Government*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
91. Leguey-Feilleux J.-R. *The Dynamics of Diplomacy*. Boulde: Lynne Rienner Publishers, 2009.
92. Lesaffer R. *The Medieval Canon Law of Contract and Early Modern Treaty Law* // *Journal of the History of International Law*. No2 (2000). P. 178-198.
93. Lesaffer R. *The Grotian Tradition Revisited: Change and Continuity in the History of International Law* // *British Yearbook of International Law*. 2002. N° 73. P. 103-139.
94. Lesaffer R. *Peace Treaties and International Law in European History-From the Late Middle Ages to World War One*. New York: Cambridge University Press, 2004.
95. *Leibniz: Political Writings* // Trans. and Ed. P. Riley. Cambridge, Cambridge University Press, 1988.
96. Lynch P., Meenan J. *Essays in Memory of Alexis Fitzgerald*. Dublin: Incorporated Law Society of Ireland, 1987.
97. Mansergh N. *Survey of British Commonwealth Affairs: Problems of Wartime Cooperation and Post-War Change 1939-1952*. London: Routledge, 2013.
98. Marshall T.H. *Citizenship and Social Class*. Cambridge: Cambridge University Press, 1950.
99. McCullagh D. *The Reluctant Taoiseach*. Dublin: Gill and Macmillan 2010.
100. McGarry J., O'Leary B. *Explaining Northern Ireland: Broken Images*. Wiley, 1995.
101. McMahan S. *Rebel Ireland: Easter Rising to Civil War*. Mercier Press Ltd, 2001.
102. McNally M. *Easter Rising 1916: Birth of the Irish Republic*. Osprey Publishing, 2007.
103. Milano E. *Unlawful Territorial Situations in International Law: Reconciling Effectiveness, Legality And Legitimacy*. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2006.
104. Mitchell A. *Revolutionary Government in Ireland: Dail Eireann 1919-22*. Dublin: Gill & MacMillan, 1995.

105. Morgan A. The Belfast Agreement: practical legal analysis. London: Belfast Press, 2000.
106. Mugerwa N. Subjects of International Law // Manual of Public International Law (ed. M. Sørensen). London, 1968.
107. Murray C. H. The Civil Service Observed. Dublin: Institute of Public Administration, 1990.
108. Murty B.S. The International Law of Diplomacy: The Diplomatic Instrument and World Public Order. London: Martinus Nijhoff Publishers, 1989.
109. Nascimbene B. Nationality laws in the European Union, Milan: Butterworths & Giuffrè Editore, 1996.
110. National Parliaments Within the Enlarged European Union: From 'Victims' of Integration to Competitive Actors? // Eds. O'Brennan J., Raunio T. London: Routledge, 2007.
111. Nationality and Statelessness A Handbook for Parliamentarians. Geneva: Inter-Parliamentary Union, 2005.
112. Nijman J. E. Leibniz's Theory of Relative Sovereignty and International Legal Personality: Justice and Stability or the Last Great Defense of the Holy Roman Empire // New York University Institute for International Law and Justice Working Paper. № 2004/2. URL: <http://www.iilj.org/publications/documents/2004.2%20Nijman.pdf> (дата обращения: 01.04.2022 г.).
113. Nijman J.E. The Concept of International Legal Personality: An Inquiry into the History and Theory of International Law. The Hague: TMC Asser Press, 2004.
114. Northern Ireland Constitutional Convention – Background Information. URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/convention/back.htm> (дата обращения: 01.04.2022 г.).
115. Ó Caoidealbháin B. Citizenship and borders: Irish nationality law and Northern Ireland // Mapping Frontiers, Plotting Pathways Working Paper № 18, 2006.
116. O'Connell D.P. International Law. London, 1970.
117. O'Donnell R. Europe: the Irish experience. Dublin, 2000.
118. O'Grady J. The Irish Free State passport and the question of citizenship // Irish historical studies. 26 (104). 1989. P. 396-405.
119. O'Halloran C. Partition and the limits of Irish nationalism: an ideology under stress. Dublin: Gill and Macmillan, 1987.

120. O'Halpin E. Oireachtas committees: experience and prospects. Dublin: Seirbhis Phoibli, 1986.
121. O'Halpin E. A changing relationship? Parliament and government in Ireland // Parliaments and Governments in Western Europe. London, Frank Cass, 1998. P. 123-141.
122. O'Leary S., Tiilikainen T. Citizenship and nationality status in the New Europe. London: Sweet & Maxwell, 1998.
123. O'Malley E., MacCarthaigh M. Governing Ireland: From Cabinet Government to Delegated Governance. Dublin: Institute of Public Administration, 2012.
124. Oppenheim L. International Law. A Treatise London, 1905.
125. Oppenheim's International Law // Eds. R. Y. Jennings and A. D. Watts. London, 1992.
126. Phelan D.R. The Concept of Social Rights // Dublin University Law Journal. 1994. Vol. 16.
127. Phelan D.R. Revolt or Revolution (Constitutional Boundaries of the European Community), Dublin: Sweet and Maxwell, 1997.
128. Portmann R. Legal Personality in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
129. Referendums in Ireland 1937-2004 Dublin: The Department of the Environment, Heritage and Local Government, 2005.
130. Robinson P.S. The Plantation of Ulster: British Settlement in an Irish Landscape, 1600-1670. Belfast: Ulster Historical Foundation, 2000.
131. Ross D. Ireland: History of a Nation. New Lanark: Geddes & Grosset, 2008.
132. Rousseau C. Droit International Public. Paris, 1974.
133. Ruane J., Todd J. Patterns of conflict resolution: what made the difference between failure and success in settlement initiatives in Northern Ireland? Dublin: IBIS Working Paper, 2011.
134. Schoiswohl M. Status and (human rights) obligations of non-recognized de facto regimes in international law: the case of 'Somaliland'. Leiden: Brill, 2004.
135. Schwarzenberger G. International Law. London, 1957.
136. Sen B. A Diplomat's Handbook of International Law and Practice. The Hague: Martinus Nijhoff, 1965.
137. Sen B. A diplomat's handbook of international law and practice. London: Martinus Nijhoff Publishers, 1988.

138. Shaw J. *The Transformation of Citizenship in the European Union: Electoral Rights and the Restructuring of Political Space*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
139. Shaw M. *International Law*. Cambridge: Grotius, 1991.
140. Shaw M. *International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
141. Shaw M. *International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
142. Slomanson W.R. *Fundamental Perspectives on International Law*. Boston, 2011.
143. Somerset Fry P., Somerset Fry F. *A History of Ireland: From the Earliest Times to 1922*. Routledge, 2013.
144. *Sovereignty in Transition* / Ed. Walker N. Portland: Hart Publishing, 2003.
145. Spenser E. *A View of the present State of Ireland // CELT: The Corpus of Electronic Texts*. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/E500000-001/index.html> (дата обращения: 01.04.2022 г.).
146. Tannam E. *Cross-border Cooperation in the Republic of Ireland and Northern Ireland*. Basingstoke: Macmillan, 1999.
147. *The accession of Ireland to the European Communities: White Paper / Government of Ireland*. Dublin: Stationery Office, 1972.
148. *The Irish Yearbook of International Law*. Volume 6, 2011 / Edited by F. de Londras, S. Mullally. Oxford: Hart Publishing, 2013.
149. *Transforming Europe: Europeanization and Domestic Change* / Eds. M.G. Cowles, J. Caporaso, T. Risse. New York: Cornell University Press, 2001.
150. Van Engeland A., Rudolph R.M. *From Terrorism to Politics*. London: Ashgate Publishing, 2013.
151. Verzijl J.W. *International Law in Historical Perspective*. Leiden, 1969.
152. Walsh O. *Ireland's Independence: 1880-1923*. London: Routledge, 2003.
153. Walker G. *A History of the Ulster Unionist Party: Protest, Pragmatism and Pessimism*. Manchester: Manchester University Press, 2004.
154. Warbrick C. *Recognition of States // International & Comparative Law Quarterly*. 1992. № 41.
155. Webber M., Smith M. *Foreign Policy In A Transformed World*. NY: Routledge, 2013.
156. Weber C. *Simulating Sovereignty: Intervention, the State and Symbolic Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

157. Weis P. Nationality and Statelessness in International Law. Alphen aan den Rijn-Germantown: Sijthoff and Noordhoff, 1979.
158. Wolff S. Context and Content: Sunningdale and Belfast Compared. URL: <http://www.stefanwolff.com/files/sunningdaletobelfast.pdf> (дата обращения: 01.04.2022 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глава I. Ирландия как субъект международного права

§ 1. Теоретические аспекты международной правосубъектности государств

§ 2. Историко-правовые аспекты государственности Ирландии

§ 3. Определение статуса Северной Ирландии в условиях членства в ЕС

Глава II. Трансформация признаков государства в контексте членства в Европейском союзе

§ 1. Территория и население как признаки государства

§ 2. Парадигма суверенитета государства и членство в ЕС

Глава III. Реализация правосубъектности Ирландии в рамках европейского интеграционного взаимодействия

§ 1. Организационно-правовые аспекты внешней политики Ирландии как государства-члена ЕС

§ 2. Проблемы нейтралитета Ирландии в условиях членства в ЕС

§ 3. Признание государств и правительств: ирландский подход

ПОСЛЕСЛОВИЕ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК